

ЮНОСТЬ

новым
годом!

1 '92

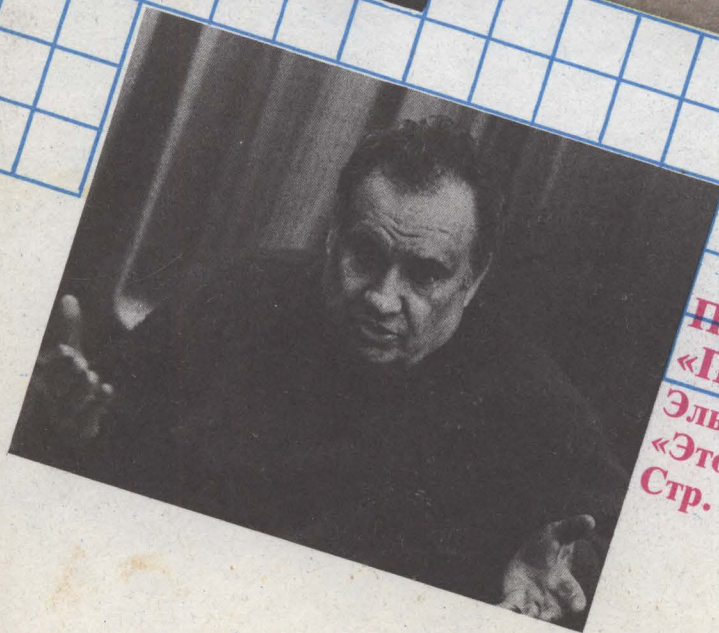
МАЙК

Стр. 70

**СУДЬБА
ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ
ГАЛЕРЕИ**

См. нашу владку.

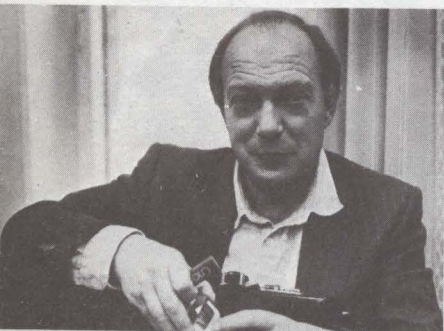

Повесть
«ПРЕДСКАЗАНИЕ»
Эльдар Рязанов:
«Это писал не я...»
Стр. 44

ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ» 1991 г.

*Редакция журнала рассмотрела произведения
прозы, поэзии, публицистики, художественного
оформления, опубликованные в 1991 г. и постановила
присудить литературные премии:*

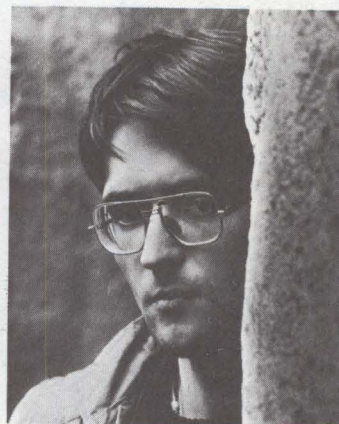
Анатолий ГЛАДИЛИН

АНАТОЛИЮ ГЛАДИЛИНУ
за повесть
"Реметница в пятакину", в № 2

АЛЕКСАНДРУ СКОРОБОГАТОВУ
за повесть
"Сергея Бертран", в № 6

ЕЛЕНЕ ШВАРЦ
за стихи в № 10

МИХАИЛУ ЛЕВИТИНУ
за эссе
"Книга, написанная
вторых", в № № 9, 10

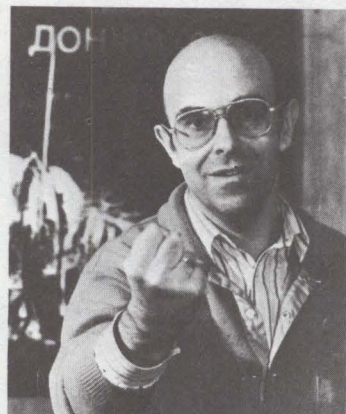
Александр СКОРОБОГАТОВ

ФЕЛИКСУ ХОФМАНУ (ФРГ)
за рассказ
"Театр сюрреализма" в № 12

ЕВГЕНИЮ МАЦИЕВСКОМУ
за иллюстрации
к "Московской саге"
В. Ансенова, в № № 5-11

*Премия
имени Бориса Пастернака*

ЮРИЮ БЕЛИКОВУ
за серию репортажей
и очерков в 1991 г.

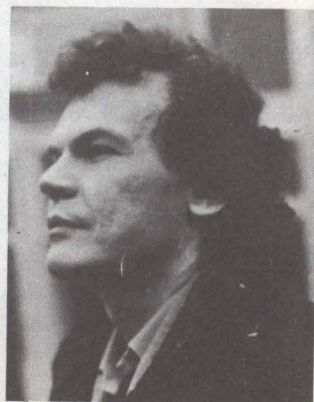

Михаил ЛЕВИТИН

*"ЮНОСТЬ"
сердечно поздравляет
своих лауреатов
и желает им
новых творческих
успехов*

Евгений МАЦИЕВСКИЙ

Юрий БЕЛИКОВ

ЮНОСТЬ

(440) 1 '92

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ
С ИЮНЯ
1955 ГОДА

Главный редактор,
председатель редакционного совета
Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

Редакционная коллегия:

Юрий БЕЛИКОВ —
соброр по Уралу и Сибири
Татьяна БОБРЫНИНА —
редактор отдела прозы
Юрий ЗЕРЧАНИНОВ —
редактор отдела культуры
Натан ЗЛОТНИКОВ —
консультант главной редакции
Олег КОКИН — главный художник
Михаил КУРКОВ —
коммерческий директор
Виктор ЛИПАТОВ —
заместитель главного редактора
Константин МИХАЙЛОВ —
редактор отдела публицистики
Эмилия ПРОСКУРНИНА —
редактор отдела рукописей
Анна ПУГАЧ — редактор
отдела международной жизни
Юрий САДОВНИКОВ —
ответственный секретарь
Александр ТКАЧЕНКО —
редактор отдела поэзии
Александр ХОРТ —
редактор отдела сатиры и юмора
Ирина ХУРГИНА —
редактор отдела писем

Редакционный совет:

Василий АКСЕНОВ
Анатолий АЛЕКСИН
Аркадий АРКАНОВ
Юрий БОЛДЫРЕВ
Борис ВАСИЛЬЕВ
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ
Сергей ДЫШЕВ
Георгий ИГИТЯН
Игорь ИРТЕНЬЕВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Алексей КОВЫЛОВ
Александр ЛАВРИН
Вячеслав ЛЕОНТЬЕВ
Игорь ОБРОСОВ
Мария ОЗЕРОВА
Юрис ПОДНИЕКС
Юрий ПОЛЯКОВ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Виктор РОЗОВ
Елена САЗАНОВИЧ
Александр СЕРЕБРОВ
Евгений СИДОРОВ
Виктор СЛАВКИН
Олжас СУЛЕЙМЕНОВ
Лев ТИМОФЕЕВ
Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ
Юрий ЩЕРБАК
Григорий ЯВЛИНСКИЙ
Николай ЯКИМЧУК
Глеб ЯКУНИН

Издательство «Пресса»
Москва

НОВОГОДНЕЕ ПРИЗНАНИЕ ЧИТАТЕЛЯМ «ЮНОСТИ»

Ушел в историю и в наши воспоминания 91-й год. Он был сложным, как все перестроечные годы, и трагическим. А три августовских дня сделали его незабываемым. В новогодние дни принято дарить подарки. На этот раз они будут с западными этикетками. Но, к сожалению, сам новый, 92-й, год далеко не подарок — он обострил нашу тяжелую жизнь, увеличил дороговизну и растянул хвосты очередей, — продолжает угнетение души...

Я не политик и не могу никого утешить обещаниями. Да и вообще считаю, что политика в наше время лишь разъединяет людей, а экономика, особенно такая, как у нас, и вовсе угнетает. И только высокое искусство, художественное слово, человеческий дух способны сближать и объединить нас, потому что они всегда зовут к свету и надежде, а не во тьму. Мы все, кто пишет в журнал и кто его делает, понимаем, как труден ныне путь к душе человека, уязвленной несправедливостями и бедностью, разрушаемой отчаянием и неверием.

И все-таки «Юность» всегда стучалась в сердца и души, надеясь, что никакие невзгоды не могут убить в них доброту и тягу к прекрасному. И теперь, когда многие не выдержали и поддались сиюминутным увлечениям, политическим соблазнам и сенсационным искусам, мы пытаемся оставаться верными самим себе. Мы надеемся, что в меру наших сил продолжаем традиции русской литературы, которая никогда не теряла достоинства, не опускалась до низменных интересов, а звала к высотам нравственности и гуманности. Это вовсе не значит, что все публикуемые в «Юности» произведения претендуют на особое место в нашей словесности, но совесть и добро, порядочность и красоту лучшие из них утверждали.

И в новом году мы намерены в центре вашего внимания оставить отечественную литературу и произведения зарубежных авторов, проблемы духовности и осмысление сегодняшнего бытия, интересы юных наших сограждан, нуждающихся в поддержке и понимании.

От имени авторов и редколлегии сердечно благодарю наших подписчиков, верных читателей «Юности», за доброе отношение, без которого сейчас просто трудно выжить. Вот и печатать нас стали на серой газетной бумаге, что, конечно, не украсило журнал и за что мы приносим вам, дорогие читатели, свои извинения, чего не сделало издательство, поставив всех нас перед свершившимся фактом. И все же на дворе Новый год, год ожиданий... Который уже по счету?

Вопреки всему хочется пожелать вам, уважаемые друзья, чтобы ожидания наши сбылись.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

Новым
годом!

Верьте — не верьте, а Лицей «Юности» открылся накануне 19 октября ушедшего года (когда были сданы в январский номер первые «уроки»). Обнаружив совпадение, мы придали ему таинственный смысл и тем утвердились в своих намерениях.

Читатель, ты — вольнослушатель нашего Лицея. Волен во всем — и в выборе преподавателя для индивидуальных занятий.

И как хотелось бы, чтобы возможность твоего с ним общения обернулась для тебя возможностью взлета.

Твой голос сможет прозвучать в наших семинарах, в нашем пока воображаемом Лицейском саду.

А после Лицея...

Вольно тебе попасть в Сибирь или продавать северные территории, открывать земли или побеждать в сражениях, стреляться (с) или предаваться кутежу, основывать газеты или вовсе не служить, покорять Парнас или женские сердца, жить в Париже или в деревне...

Ты будешь наш.

Вольный урок

Цикл бесед о природе творчества предлагает «Вольному уроку» поэт и философ Владимир МИКУШЕВИЧ.

Творчество, как стихия и процесс, практически не изучено. Психология творчества изучала до сих пор его предпосылки, эстетика изучала его результаты, тогда как творчество не исчерпывается ни тем, ни другим. В конце концов творчество — это сотворение самого человека.

Наука творчества опровергает ложные ценности, которые подавляют сознание современного человека. Об этом — первый разговор.

Владимир МИКУШЕВИЧ АД ИДЕАЛА

Идеал: ели ад!

В библейской книге Иова Сатана оспаривает праведность праведника и подвергает его испытанию. На Иова обрушиваются нищета, смерть детей, проказа, и ему нашептывают, чтобы он проклял Бога, то есть отрекся от самого бытия, но Иов, отказываясь лстить Богу, обнаруживает своеобразный героизм в своей верности бытию и в конце концов торжествует. Таинственная ирония древней книги заключается в том, что сам Сатана подтасовывает предпосылку мучительного испытания. В образе змия он же нашептывает Еве: «Будете, как боги», и она уступает неизведанному соблазну, хотя нельзя не задать вопроса, почему быть богом с маленькой буквы лучше, чем быть Человеком с большой буквы. Грехопадению человека предшествует падение самого Сатаны. Коран сохранил сказание, вероятно, еще более древнее, чем данные Ветхого Завета. Сатана (Иблис) пал потому, что отказался поклониться человеку, увенчивающему собой сотворение мира. Я лучше его, утверждает Сатана. Человек — венец творения, следовательно, я лучше бытия, следовательно, и бытие могло бы быть лучше. В этом «лучше» соблазн грехопадения. Сатана выступает как вечный улучшатель бытия, как необходимый корректив к нему, но при этом он почему-то отождествляется с принципом абсолютного зла, то есть наихудшего, и в этом качестве вторгается в двадцатый век.

«Я пришел к тебе, дух зла и повелитель теней», — говорит у Булгакова Сатане Левий Матвей. Воланда-Сатану накликает в начале романа Берлиоз, ставя перед поэтом Иваном Бездомным невероятную задачу: зафиксировать небытие. «Что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет», — хохочет Воланд. Однако секрет романа в том, что и сам Воланд, в сущности, представляет этот же принцип. Воланд называет фантазией стремление Левия Матвея «наслаждаться голым светом» и прозрачно намекает на то, что свет — небытие, как и тень. Левий Матвей справедливо называет Воланда старым софистом. Воландовские софизмы имеют свою подоплеку. Тайна Воланда в том, что только над тенью, над фикциями и над фантомами возможна неограниченная власть.

Эта проблематика придает роману Булгакова напряженную, неотразимую, быть может, вечную злободневность. Софистика — колыбель идеализма. Слово «идеализм» в принципе двусмысленно. Мы привыкли производить его от слова «идея», однако А. Ф. Лосев блистательно доказал, что идея у Платона — тоже бытие, и она по сути своей телесна в духе эллинского мироощущения. Однако тот же Платон разработал едва ли не первый в истории проект идеального общества, и еще в сравнительно недавнем прошлом слово «идеализм» соотносилось не столько со словом «идея», сколько со словом «идеал».

Любой проект идеального общества так или иначе затрагивает проблему человеческой свободы. Проблема свободы лежит и в основе библейского грехопадения. Человек пал, потому что человек свободен. Человек свободен, потому что человек телесен в отличие от ангелов, в особенности в отличие от ангела павшего, от Сатаны. Эта истина — величайшее достижение человеческой мысли. В мистерии К. Случевско-

го «Элоа» дьявол говорит: «Бесполох жриц любви не нужно Сатане», но гениальная ирония русского поэта в том, что если бы у Элоа оказался пол и она склонилась бы на домогательства искусства, он сам обнаружил бы свою бесполость, бесплотность, бесплодность. Если дьявол и отец, то он отец лжи. Он вечный критик, так как он создавать не способен и вынужден объявлять пороком бытия... само бытие. Действительно существующему дьявол противопоставляет прекрасную возможность. Дьявол порицает всякое осуществление за то, что оно достигается путем отказа от некоторых возможностей, что не все возможности в нем осуществлены и можно было бы сделать «лучше». Коварство искусства в том, что одни возможности исключают другие и в сумме дают... нуль небытия. Внимание научнейшего скептического двадцатого века недаром приковано к фигуре дьявола. Древний спор Сатаны с Богом — это спор о существовании мира.

Не случайно народная мудрость изгоняла дьявола крестным знаменем. Крест — совершеннейший символ телесной человечности. Евангелие провозгласило человеческое тело храмом духа, отсюда воскресение мертвых во плоти, идея, основополагающая для Н. Ф. Федорова. Именно евангельская идея божественной телесности сделала христианство всемирно-историческим движением. Именно эта идея вызвала особенно ожесточенные нападки различных утонченных ересей, опровергавших телесность Сына Человеческого спиритуалистическим, чисто духовным бессмертием, то есть бессмертием в небытии. Таков покой вместо света, которого не заслужил Мастер, сложенный воинствующими фикциями. Величайшей ересью в истории стала инквизиция, подлинная диверсия дьявола внутри христианства. Уже в книге Иова Сатана выступает как великий инквизитор. Он хочет «как лучше», он провоцирует свою жертву на кощунство, чтобы было за что карать. Вот куда восходит извращенная презумпция виновности, пресловутый принцип личного признания, лежащий в основе сфабрикованных процессов. Человеку внушают, что он оправдается, признав себя виновным, а фактически его осуждают за то, что он клеветает на себя; и действительно, виновен тот, кто измышляет себе вину. Так дискредитируется свобода человека, его телесная природа, не выносящая пыток и надругательства в силу своего совершенства и святости. «Личное признание» в несуществующей вине противоположно покаянию, как ложь противоположна правде. Лучшие человеческие умы попались в ловушку прекрасных неосуществимых возможностей и противопоставляли историческому аду инквизиции то же небытие, синоним которого — утопия («нигде»). Гораздо позже, в девятнадцатом веке, дискредитирующее, на мой взгляд, название «Вести ниоткуда» могло еще заинтересовывать и прельщать. Протестантизм преодолевал инквизиторскую догму опять-таки культом чисто духовной свободы, по-своему игнорируя телесную человечность. Из протестантизма возникла немецкая классическая философия, завоевавшая умы своим несомненным достижением — диалектикой. Но именно в немецком идеализме идеал как сумма возможностей, исключаящих друг друга, окончательно возобладал над идеей. В утонченных философемах странным образом сказался авторитарно-агрессивный характер имперской германской государственности, что позволило П. А. Флоренскому назвать их «воздушными замками, закованными в сталь».

В 1804 году в Германии появилась анонимная книга под названием «Ночные бдения», одна из первых антиутопий в мировой литературе. Особую знаменательность приобретает то обстоятельство, что идеал в «Ночных бдениях» совпадает с Ничто в точке самоубийства. Предвосхищается проблематика Богочеловека и человекобога, разработанная Достоевским. Богочеловек вочеловечивается, человекобог расчеловечивается в Ничто, и ему ничего не остается, кроме самоубийства. Спустя примерно четыре десятилетия после «Ночных бдений» Маркс и Энгельс писали в «Немецкой идеологии»: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом **действительное** движение, которое уничтожает теперешнее состояние». Марксизм восторжествовал над «воздушными замками, закованными в сталь», потому что идеей преодолел утопический идеал. В марксизме физическая телесная природа человека впервые обрела философское признание как необходимая предпосылка человеческой свободы. Маркс и Энгельс доказали, что не может быть идеального человеческого достоинства. Оно неразрывно связано с материальным благополучием. Парадокс истории заключается в том, что

в двадцатом веке никто не говорил об идеалах больше, чем идеологи, выдающие себя за марксистов. При этом именно их деятельность разрушила материальное благополучие России, низведя ее на уровень слаборазвитой страны. Такова зловещая логика идеала. Идеал — оружие и одновременно обоснование идеологии. Основная характеристика идеи — ее захватывающая убедительность. Отсутствие такой убедительности компенсируется насилием. Идея, которую навязывают, перестала быть идеей или никогда ею не была. В таких-то случаях и говорят, что идея овладела массами и стала материальной силой. Но идея никогда не овладевает массами, так как вообще не обращается к массовому сознанию. Идея в крайнем случае убеждает каждого, но не всех. На всех рассчитана идеология. От науки и от религии идеология отличается тем, что истине она предпочитает голую действительность власти. Такая действительность и заворачивает массовое сознание идолами идеалов, непременно требующими кровавых жертв, иначе их не будут почитать, ведь они лишены внутренней убедительности. Потому-то и не говорят о научных идеалах, так как они начисто уничтожили бы самое понятие науки. Когда говорят о религиозном идеале, такой идеал всегда содержит скрытое кощунство, требуя веры в Бога, которого не существует, иначе зачем подсовывать вместо него идеал? Вот от чего предостерегает древняя заповедь: «Не сотвори себе кумира!» Кумир — это то, что требует поклонения, не заслуживая его. Такие кумиры сотворяются, когда нас призывают верить в «наше дело» или в будущее. «Дело» и будущее подтверждаются не верой, а делом, результатами. Так и вера в Бога подтверждается для верующего вечным спасением, а не кровопролитными абстракциями. Бог — не Бог, если Бог не существует, идеал же только тогда идеал, когда он недостижим. Вот откуда злая шутка, которую история сыграла с марксизмом. Маркс и Энгельс слишком категорически и спекулятивно утверждали, что коммунизм — это не идеал, а действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Их последователи вынуждены были компенсировать голословную схему нарастающим насилием. «Теперешнее состояние» действительно уничтожалось так радикально, что в результате ничего не осталось, кроме уничтожения. Проповедники марксистских идеалов сами не замечают, как беспощадно они издеваются над собственным пафосом, предавая забвению то научное, что, несомненно, было в марксизме. Единственной целью истории является личное счастье каждого человека, а это счастье в творчестве. Благими намерениями вымощена дорога в ад, хотя бы это был ад идеала, которому человек рано или поздно предпочтет рай реальности.

Урок истории

Сергей БУРИН

БРОСИТЬ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ШАРЛАТАНСТВО

Много лет назад, когда я впервые заинтересовался народниками, народовольцами, эсерами, ранними социал-демократами... словом, теми, кого историки-иностранцы именуют русскими радикалами, мне прежде всего захотелось понять психологию этих людей. Ну, примитивно говоря, вот рождается мальчик или девочка, в нормальной вроде бы семье, вот он растет, где-то учится, а потом... С этим «потом» всякий раз выходило, что годам к двадцати (плюс-минус несколько лет) все они вдруг начинали считать себя спасителями человечества. А власть никак не могла взять в толк, с какой стати она должна уступать, передоверять им свое веками делаемое дело...

Героические персонажи, ворвавшиеся в нашу жизнь лет 130—140 назад, конечно, воспринимались нашими историками и писателями по-разному: тут вам и Желябов, и Дзержинский, и Ленин, и Засулич, и даже Савинков... И в то же время их объединяла (не их, разумеется, а вживаемые в наши мозги имиджи) этакая железобетонность, твердость духа, бесстрашие перед лицом сатрапов, палачей, злых судей или просто дряхлого старичка, в которого в упор

пальнула Вера Засулич. Но в жизни-то так не бывает! И я стал читать мемуары этих людей и мемуары о них, материалы процессов, письма и стихи, воззвания, и декларации...

И — удивительное дело! — едва ли не в каждой таким образом восстанавливаемой биографии обнаруживалось что-нибудь «не то», так сказать, не вписывающееся в официальную версию. Кто-то из них, оказывается, был психически болен, кто-то уже потом сходил с ума от совершенных преступлений, многие, очень многие были агентами полиции (в этом большевики были явными «рекордсменами»), кое-кто и без всякой полиции каялся в содеянном. И был среди всей этой круговерти человек удивительной, прямо-таки фантастической судьбы — Лев Тихомиров. Сейчас о нем не знает практически никто (ну, кроме считанных «исторических гурманов»), а когда-то его имя было куда известнее, чем имена его соратников по «Народной воле» Желябова, Михайлова, Перовской и прочих. Если бы Тихомирова казнили, как пятерых его товарищей, или если бы он, дожив до советской власти, умер бы от голода и нищеты, как те же Засулич или Вера Фигнер, слава его сегодня была бы грандиозной! Но случилось иначе.

Правда, в конце концов он именно так и умер и с 1923 года покоится на кладбище Сергиева Посада. Но тогда, в начале 80-х, когда Департамент полиции, как граблями, принялся прореживать народофильские ряды, Тихомиров успел уехать в Швейцарию, а оттуда — во Францию. Оказавшись за границей, с некоторым удивлением Тихомиров обнаружил, что жить-то вполне можно и спокойно, ничего не взрывая, никого не убивая, не устраивая подпольных типографий и не прячась по явочным квартирам. Он был поражен тем, что люди живут НОРМАЛЬНОЙ жизнью, а если что-то им не нравится, то они не убивают друг друга, а пишут петиции в разные парламенты и рейхстаги или еще что-нибудь делают, но делают открыто, не таясь!

Впрочем, какой-то неполадок в своей прежней жизни Тихомиров ощутил еще раньше, когда перед Женевою и Парижем он прятался от полиции в Ростове. Быть может, впервые в жизни у него появилось свободное время, и вот он стал думать, за что же все они, собственно, борются и почему все так нелепо выходит. В его записных книжках эти раздумья отразились так: «От этого можно было бы прийти в отчаяние. Но у меня не было отчаяния ни на волос, потому что я верил не в нас, а в РОССИЮ; Россия же, на мой взгляд, была здорова и оживленна. Не годились только МЫ». И еще одно его тогда удивило: странное отношение «товарищей». Тихомиров был тогда главным из оставшихся на свободе народолюбцев, и полиция шла буквально по его пятам. Сил у него уже не оставалось, к тому же у жены, также вынужденной скрываться, шли последние месяцы беременности (правда, это-то в его среде считалось мелочью, ерундой)... Словом, он решил эмигрировать.

Ни денег, ни документов для поездки за границу у него не было. И Тихомиров написал товарищам, прося помочь. Ответила ему Вера Фигнер «с некоторой грустью». Мое бегство за границу, очевидно, казалось ей недостойным старого народолюбца, которые умирают, но не сдаются и не бегут». В общем, народолюбцы помочь Тихомирову отказались, и ему пришлось искать другие источники. Но это так, штришок к портрету «радикалов».

А у Тихомирова началась новая жизнь, он ощутил свободу необычайную и все писал, писал, торопясь запечатлеть для потомков страшную картину разрушения человеческой личности, но и картину ее прозрения, возвращения в нормальное состояние. Он написал множество работ, одна из которых: «Почему я перестал быть революционером», окончательно рассорила его с «товарищами». В этой работе Тихомиров препарировал «революционное движение», по полочкам раскладывая все его минусы и... Но вот плюсов-то как раз и не оказалось. Радикалы хотели все время что-то ломать, переделывать ВОКРУГ себя, полагая, что в конце концов они создадут нечто удобоваримое. Переделывать же САМИХ СЕБЯ им не приходило в голову, поскольку они априори были убеждены, что с ними все в порядке и лишь мир несовершенен. И в итоге ничего, кроме общественной смуты, какого-то кровавого бардака, они предложить не могли.

А книги, дневники, переписка Тихомирова, упрятанные в спедхраны и архивы (там еще, кстати, много неразобранного до сих пор), остались в истории навечно как неуслышанное предостережение, как своего рода «воспоминание о буду-

щем», поскольку Тихомиров ухитрился анатомизировать и то, чего еще и в природе не было.

Эта удивительная судьба в принципе не имела аналогов ни в нашей, ни в мировой истории. Говард Фаст, Роже Гароди и прочие — это слишком мелко и малозначительно в сравнении с тихомировской биографией и с тем, что он сделал. Но все же был еще один поразительный случай. Знаменитого народника Петра Лаврова в отличие от Тихомирова советская историческая мифология вполне признает за «своего». Ну, его тоже ругают за непоследовательность, за невнимательность к исторической миссии пролетариата, за «мелкобуржуазность» (кто измерял эти мелко и крупно? и чем измерял?), за прочие грехи, но ругают именно по-свойски, как непутевого сына или выжившего из ума отца.

Между тем в жизни Лаврова был эпизод, делающий его совершенно «не своим». В марте 1892 года Петр Лаврович (ему уж было тогда 68 лет) по просьбе русского студенческого землячества в Париже, где он и сам жил, написал небольшую статью под названием «В чем моя исповедь». Правдивые советские историки вообще никогда и нигде не упоминали о ней, и это понятно: одно дело самим раздавать «всем сестрам по серьгам», зачисляя одних в герои, других — в ренегаты (это определение пожизненно прилеплено к Тихомирову), и совсем иное дело, когда «свой» начинает вдруг из глубины веков сам выдавать убийственные оценки...

Впрочем, дадим лучше слово Лаврову. «По пословице «лучше поздно, чем никогда», — писал он, — обращаюсь к вам, молодые люди, с моим прощальным и на сей раз искренним словом. Я решился бросить революционное шарлатанство... Вот уже двадцать лет, как я морочу и обманываю вас, прикрывая сущность своих побуждений туманными и раздутыми до совершенной пустоты рассуждениями насчет преобразования экономического и государственного строя в России. ...ученым и умным человеком я никогда не был. Иначе я сумел бы доказать вам, что социализм в России, как мертвая форма без корня и жизненных соков, не найдет у нас ни матерьяла, ни почвы...»

Особенно досталось от Лаврова народолюбцам, партия которых к тому времени в принципе уже умерла, но «идеология» осталась, чтобы вскоре перейти по наследству к эсерам, а отчасти — и к большевикам. «Обратимся к народолюбцам», — писал Лавров. — Отличительная черта этого скопища заключается в убийстве из-за угла, в грабежах и подкопах. Они, так сказать, целиком вошли в убийство, находя в нем единственный смысл своего существования. История народов не знает им подобных (не забудем, что Лавров умер в 1900 году и не сподобился увидеть более ужасные аналогии. — С. Б.), это какие-то чудовища, которым трудно подыскать точное определение в человеческой природе. Убийство не только культ, но и своего рода выслуга. Чем больше народолювец совершил убийств, тем выше он стоит в глазах своих товарищей и тем ниже ему кланяются. Всмотритесь пристальнее в частную, личную жизнь этих «самоотверженных» злодеев, и вы убедитесь, что имеете дело с нравственным и умственным убожеством, грязными и корыстолюбивыми проходимцами... Оторванные от родной почвы, отвергнутые русским обществом, уничтоженные в России и за границей, эти отбросы русской интеллигенции могли бы, если пожелаели, вступить на легальный путь... И действительно, честный человек в их положении, не знающий, что предпринять, пошел бы копать землю, прорубать леса, извлекать из природы нужное для себя и других, оставаясь гордым и не уступающим чуткостью сердца любому джентльмену. Но с такой перспективой обленевшимся народолюбцам трудно примириться: они предпочитают бездельничать за границей, пьянствовать и вдохновляться новыми преступлениями...»

А заканчивал Лавров так: «Я выражаю открытое презрение продажным спекулянтам и приглашаю вас сделать то же самое... Перестаньте слушать корифеев политического шарлатанства, проникнутых хищническими инстинктами и желанием всячески опутать и обмануть вас... Еще одно и последнее замечание: не зачитывайтесь революционными «сочинениями», чрез прозрачные тряпки которых просвечивается возмутительная ложь, глупость и мистификация, — это ЯД для УМА и ДУШИ ВАШЕЙ».

Правда, ничего похожего Лавров ни раньше, ни позже не писал, так что эта «исповедь» (и, стало быть, причины, вызвавшие ее к жизни) в каком-то смысле остается загадкой... Но она существует, как существует и огромное наследие Тихомирова, показывая нам и глубину падения человека, и несказанное счастье его прозрения.

Владимир ГЕРШУНИ СВЕРЛИБР

Из-за разных житейских обстоятельств, которые наскоро не объяснишь, детство мое затянулось, уйдя на многие годы за оптимальные психологические рубежи, не изникло ни под давлением невзгод военного и послевоенного времени, ни в сталинских спецлагерях. Эти особенности психики упряма, не желающего считаться с собственной зрелостью, послужили аргументами для офицеров спецпсихиатрии (Лунц и пр.) в 1970 году, когда они вынесли мне пошлый медицинский приговор. Его отменил Гарри Лоубер в нынешнем, 1978 году*. (Кстати, в 1950 году в том же институте им. Сербского меня признали здоровым — Лунц был еще ежиком. С мягкими еще иголочками. И еще больше съезжился рядом с таким психиатром, как профессор Введенский, мой тогдашний эксперт.)

Детская склонность придумывать, переделывать, комбинировать и пародировать слова не иссякала особенно долго. Что мне запомнилось из выдумок разных лет? Прежде всего, конечно, то, что однажды понравилось многим или даже немногим. Летом 1950 года в старинной омской тюрьме в подвальной камере, во время одного из вечеров чтения и импровизации, о которых рассказано в «Архипелаге ГУЛАГ» и в «Записках Соловьева», я спародировал официальное *хамжеское* наименование наших концлагерей, заменив в нем три буквы, и подлинное определение этого классического творения марксистско-ленинской мысли, полученное взамен фарисейского, Исаич принял через много лет как заглавие третьей части «Архипелага». В лагере я придумал для *гениального* вождя титул каннибалиссимуса (см. в книге Анатолия Яковсона «Конец трагедии»).

Богатая этимология, тонкая, многообразная и многооттеночная семантика русского слова и его гибкая морфология делают его доступным для виртуознейших словотворческих экспериментов, особенно успешных в стихии фольклора, включая «народную этимологию». У Даля встречается слово *ляхольте*, оставшееся от панцины или от Смутного времени. Из примечания Даля к пословице «Вражье-то лепко, а божье-то крепко» явствует, что *лепко* (о силе соблазна: вражье — бесовское) образовано слиянием «лепо» и «липка». В результате сознательного или бессознательного пародирования слов в народной речи в разное время появлялись такие, например, блестящие пародизмы, как *ветропрах*, *вошпитель*, *гульвар*, *мараль*, *прижим* (режим), *вьюноша*. К ним близки лесковские *мелкоскоп*, *водоглаз*, *нимфозория*, *симфон* и др., многие хлебниковские шедевры, бесчисленные детские выдумки: *тепломер*, *боль-машинка*, *мазелин*, *улицционер*, *кустия*, *вертилятор*, *отмухиваться*... Листая знаменитую книгу Корнея Чуковского, мы убеждаемся, что находки словосочинителей в возрасте от двух до пяти стоят наравне с изобретениями народных словоделов. Не ведая того, дети воскрешают архаизмы (льзя, лепо, вежа, чаянно), воссоздают диалектизмы (людь, обутки, одетки). Некоторые выдумки малышей вошли в широкое употребление на юмористических правах — *сердитки*, *стрекозел*, — а то и на полном серьезе: *распакетить*.

Иные слова оказываются настолько «природны» языку, что входят в него, не привлекая внимания, как бы без стука, не замеченные даже их творцами! Так появилось слово *гладкопись* — в книге Л. К. Чуковского «В лаборатории редактора». Писательница не заметила у себя нового слова. Потом ее известили, что слово «гладкопись» взято на учет как неологизм.

После Карамзина даже искуснейшие словоизобретатели весьма редко создавали неологизмы, окказионализмы и иные новообразования, способные вжиться в литературный или разговорный язык. Но их словоизобретения сверкают в ткани произведений, как самоцветы в шитье, и обогащают язык, не принявший их в свободное обращение. Да многие из них

потускнели бы, извлеченные из контекста — как вынутые инкрустации. Примеры бесчисленны, но хочется особо упомянуть о словотворческой щедрости Андрея Белого в цикле романов о Москве.

В предлагаемых опытах — попытка конструирования текстов из различных новообразований (для некоторых я решаю предложить термины: *эстетизмы* и *пародизмы* — есть же, например, экзотизмы, вулгаризмы). Опыт показывает, что лучше всего такие тексты укладываются в верлибрободные конструкции. Я использовал, кроме собственных, чужие выдумки, в первую очередь те, что дарили мне друзья, и немного из современного фольклора, т. е. слова, авторство которых не открыто широкой публике (здесь тех и других всего семь на 120 собственных). Я назвал эту форму сверлибром. Это имя — пародизм, но оно не означает, что пародийные или комические элементы должны преобладать над всеми другими.

Счастливое диссидентство

Досиденты¹ репетируют арестанцы, диссидеда смотрят с мучительной, как диссидеточки играют в тюремках. Миниатюрные одеты в грешетки. — Бродители, снимите с них намордники и пойте нам сорренады! — Ах, застенники-застенники, теребита-зубияки, резвята, демчурки! Ну какие же из вас арестократы? И что это за мрачная хромантика? Прекратите эти эпигонки! Не балуйтесь вы столь компрометчиво, исполняя свои увертюры: за рискованной этой скокофонией будет долгая скукофония невеселой камерной музыки — те бессонные бесонаты прокураторов и зонаториев. Не спешите с барабанными узами и не стройте из себя компрометеев! Эх, играли бы вы лучше в резволюцию, да учили бы конспиранто...

— Ах, бродители-теребители, зудяки, хворонье! Прекратите это кровокарканье! Мы просили спеть нам сорренады, а вы заливае хромансы, помпугарные, точно ложуги дидактической бормотургии чернотравного дохлачка. Лучшие камерная скукофония, чем спасительная хилософия, хамжеская, как хвостливая ликовальная конституциков, их хвосторг и флаголение и бровурные уратории — крикатуры на сотруничество гегемонстров и клоакоеров трибунного портвейнгеноссе, витринного Бонапарта в его живом циркофаге.

Грезиденты

Ладонег в лесной Акварелии, в Беломарева Соловужки... Глубикал... Айвазовское море...

Вдохновечная даль волнолуния — узорная, озерная, озаренная молнеглазными феероглифами струнописи костронавтов — беспризорных, беспризерных, беспозерных думократов сиятельного сословия бездомных думочадец, бездамыных дымоседов.

Непритворные непридворные серддоги и тенералы не обездолены — не обездавлены! Не обескровлены, не обескрылены! В их сон звездокронная кровля уронит звуков падучую гроздь, и странными струнами стронет с трона владычицу грез. Рассветный бредседатель поднимет дымовладельцев, объявит про динозавтрак, а шаторный денералиссимус — флягман и граматург — раскаплет забытый остаток прозрачного граммофона, и добродяги затамят молниями и гремнями джинсы и брюкзак, покинут сереющих грезд морезонт — грезиденцию кавалербардов, вернутся в безвинные, безванные, бездушные плачуги с холодными бродиаторами и забытыми дымоходами, оставленные проститутками, забывшими свой филантреп, и вредиторы-грошмейстеры заведут свою пустораль, двинут свои эйфоризмы, уморальные максимы, которые бредиторам напоминают, что они небессердечны и небесчердачны, но бесстажками композерами блуждая в абракадабры, растративаясь в химероприятиях, им лучше, мол, оглянуться на тех врездентов и врзевеников, или люпуспролетариев, что загорбатывают или заграбатовывают — без дамлетизма, без демокротства, без кусторалей, без композерства, без декадетства и диссидетства, и, в общем, пора, мол, оставить бредубеждения и заумь и браться за ум (и тупое свое «и т. п.»).

...И снова у думовладельцев сплошные пойдут беспробудни...

*«Сверлибр» — дитя самиздата. Опубликовано в машинописном журнале «Поиски», 1978, № 3. — Ред.

¹ Среди диссидентов различают досидентов, сидентов и отсидентов.

Ирина
ПЕРУНОВА

☆☆☆

Шла собака по земле,
вела хозяина по небу
на нежном-нежном поводке,
на запрокинутом позвонке,
на длинном-длинном вое,
на преданном-преданном взгляде.
Шла собака по земле,
вела хозяина по небу.
А он устал, совсем устал,
навек устал от неба.
Он перегрыз свой поводок
и убежал, как не был.
Шла собака по земле.
Окликнул ее прохожий
при бороде и в галстук,
похожем на поводок...
Не узнала его, хорошего.
И костей не взяла кулек.

☆☆☆

Все следит за мотыльками
серый камень придорожный,
с каждым веком осторожней
он следит за мотыльками.
И понять ему не можно
эту странную игру:
я живу — и я умру.

☆☆☆

Было дереву
невдомек сгореть,
и приснилась дереву
солнечная смерть:
как из тела нежного
сделали икону,
ходят безутешные
бить пред ней поклоны.
Сбудется по вере им —
сырым, серым нищим...
Да проснулось дерево
топорищем.

☆☆☆

Душа мужчины, спящего в подъезде,
хранит ступенек дробное число
и веточку, похожую на крестик,
а лист последний снегом унесло.
Она глядит в знакомые пределы,
где выгребает мусорные баки
какой-то дворник цепко и умело,
да рядом суетятся две собаки,
где скоро совладельцы непростора
потянут свое сонное тепло
в пустые магазины и конторы,
а лист последний снегом унесло...

☆☆☆

Мне у церкви вечерней не встретилось нищих,
в рукавице звенела нелепая медь,
одинокая птица в поисках пищи
оглянулась — и поторопилась взлететь.
Только перышко к снегу пристыло рябое.
Награди ее, Господи, коркою хлебной.
Год назад мой приятель покончил с собою,
и нигде по нему не отслужат молебна.
Так уж вышло.
А птица все выше и выше...
Награди ее, Господи, коркою хлебной.

☆☆☆

Сентябрь цитирует Шекспира,
наш быт убогий вороша,
и кажется — на полуслове
вдруг оборвет его душа.
И раскачавшись колокольно
над миром должного труда,
обнимет небо — и довольно!

И рухнет все равно куда.
Но снова медлит дождь осенний,
решая, быть или не быть.
Тоска становится оседлой
и сушит на зиму грибы.

☆☆☆

Я восхищаюсь тобою, Небо!
Ты всегда само по себе.
И все, что в тебе возникнет:
птица —
звезда —
взгляд —
принадлежит птице,
принадлежит взгляду...
Ты не нуждаешься в присвоении
того, что возникает в тебе.

Я восхищаюсь тобою, Небо!
Воздух полета, воздух падения —
все же лишь воздух
полета, падения.
А ты всегда само по себе,
не претендуя
на право смеяться
над маленькими существами,
именующими себя Атлантами.

Я восхищаюсь тобою, Небо!
Ты не боишься навеки остаться
в клетке рамы оконной,
заметенной слепым снегом.
Ты есть и тогда,
когда о тебе не знают
недогадливые птицы и звезды.
Неужели ты и вправду голубое?

Воркута

В том городе, горюющем снегами,
где солнце и луна восходят в полдень
и смотрят друг на друга не мигая,
так пристально — безмолвно — и протяжно,
что сердце воробьем пищит и бьется
на перекрестке взглядов этих тяжких,
в том городе я родилась счастливой.
Тогда и Там под ветром неизбежным
слова роняли будние одежды
и каждое пустяшное «Привет!»
звучало мне, как «Будь благословенна!»
Ты не одна в заснеженной вселенной —
вот кто-то говорит тебе «Привет!».
В том городе меж будущим и прошлым
царило Здесь, Сейчас, Сию минуту —
пасть на колени и за всё простить,
как если бы единственно возможный
родимый кто-то, но ушедший в землю,
успевший стать легендой и молитвой,
вдруг возвратился — так любить друг друга.
Пасть на колени и за всё простить.
А в школе двухэтажной шли уроки,
дробились дробы, извлекались корни,
и чем-то белым по доске вели:
«Плюс, минус бесконечность — малым
возможно пренебречь».

☆☆☆

Пространства черствого ломоть,
глоток времен проточных.
Вновь
обживать свою же плоть,
и жизнь и смерть просрочив?
Вновь обживать свою же плоть,
играя в чет и нечет,
висеть меж небом и землей
на пуповине речи.

г. Воркута

Концерт

Кто-то ночью в мятом фраке
Повторяет заклинания,
На кусочки воздух режет,
Весь на цыпочки встает.
Сто голов на белых шеях
Застывают в ожидании
И плывут по залу блики
Головастиками нот.

Голубая вьется скрипка
Над скучающим попитром,
Но ее за горло держит
Раскаленная ладонь.
Откровеньем и кощунством,
Разглашением молитвы
Над попитром вьется скрипка,
Словно птица над огнем.

Злой колдун летит над залом,
С механическим блаженством
Осторожно окунает
В ночь смычок из янтара.
Набухает вдохновенье
В подбородке у маэстро,
И смычок над горлом скрипки
Длинным лезвием застрял.

Лекция по космологии

Сначала представим себе человека
В сверкающем доме кубической формы.
Он ходит по комнате, залитой светом,
Пытаясь осмыслить законы Вселенной.
И тучи молекул невидимым роем
Летают вокруг его длинного тела.

Теперь мы немного масштаб увеличим.
Как улы пчелиные, кубики зданий,
И в них — деловито спующие люди.
Все это вращается вместе с Землею,
Укутанной в теплый комок атмосферы.
И Солнце для нас — центр всего мирозданья.

Еще раз изменим шкалу наблюдений.
Земля постепенно во тьме исчезает.
И Солнце становится желтой точкой,
Затерянной где-то у края Вселенной.

Летят раскаленные гроздьи галактик,
Разбросанных взрывом творения мира,
В пустом, искривленном, холодном пространстве.
Живое дыхание Господа-Бога
Весь космос, как будто баллон раздувает.

Вселенная есть воплощение Бога.
Быть может, одно из его воплощений.
Приняв эту мысль, мы приходим к единству
Материи в мире, пронизанном Богом.

И вот, наконец, нам становится ясно,
Что наша Земля — это маленький атом,
А желтое Солнце — одна из молекул
Сплошного Вселенского тела Господня.
Картина становится стройной. Однако
В ней роль человека в кубическом доме
Довольно ничтожна...

Утро в коммунальной квартире

К восьми возникает соседка
С ангиною в горле.
В своем ритуальном халате
За столиком возле окошка
Шипкует мороженный воздух,
Заутреню молча справляя
Над желтой латунною миской.
И крошится ретушь морщинок,
Как черная перхоть на плечи.

Изогнутый столб позвоночный
Мучительным знаком вопроса
Висит над начищенным полом,
И пальцев костлявых фаланги
Гигантскими тенями бьются
По синим прокуренным стенам.
Плита, как квадратная клумба.
Четыре цветка ядовитых,
Четыре шипящих конфорки,
Горят фиолетовым светом.
И заспанные гегемоны —
Соседи по жизни и кухне,
Бредут, словно эски, цепочкой,
Следы за собой оставляя.

Мне долго следы эти снились...

В ресторане

Огромные теплые бедра,
Обтянутые чешуею
Из липкой мерцающей ткани,
Плывут, натываясь на стулья,
Сквозь синий клубящийся воздух,
Плывут вереницею бедра.

Вибрируют грани предметов,
Слепая ленивая сила
Самцов поднимает со стульев,
И воздух становится вязким,
Наматывается на бедра
И путается под ногами.

В рубашках, набухших от пота,
Вальсяжные сперматозавры
Сквозь запах еды проплывают
В грохочущий угол оркестра.
Их волосы тонкой штриховкой
Чернеют на лысых затылках.

Навстречу плывут вереницей
Слегка захмелевшие бедра,
Царапаются чешуею
О вязкий прокуренный воздух,
Поскрипывая и качаясь,
Плывут вереницею бедра.

Плывут говорящие лица,
Лиловые зубы ликуют
В ошейниках из ожерелий,
И твердые вены, взбухая
Растут в гофрированных шеях,
Как синие ветви деревьев.

Ночь. Четвероногие пары
Плывут, прижимаясь друг к другу,
И сходятся тени над ними,
Исчезли все двери, и окна
Почти на глазах зарастают
Какой-то болотною тиной.

И дом уже кажется шаром.
Обернутый мокрой фольгой,
Он катится к краю Вселенной,
Он катится в чистое поле,
Все больше сжимаясь в размерах.
Я где-то внутри в этом шаре.
И дождик за стенкою плачет...
Как будто меня отпевают.

☆☆☆

Жил маленький злой кэзгешник
В коробке моей черепной.
Листал мое дело небрежно,
Посмеивался надо мной.

Со скуки, бывало, он тронет
За нерв оголенный, и я
Сломаюсь в привычном поклоне,
Как будто на спице паяц.

И так мы полжизни прожили,
Всегда неразлучны, вдвоем.
Наверно, в роддоме моем
Его прямо в мозг мне вживили.

г. Санкт-Петербург

Григорий
МАРК

Геннадий ГОЛОВИН

НАС КТО-ТО ПРЕДАЕТ...

Повесть

Все началось с обрывка сновидения — чудесного и странного. В серебристом сумраке, в сказочном тумане, который, подобно легкой воде, заполнял пределы крепостного двора, молчаливой и таинственной чередой шли одетые в серое монахини, каждая оберегая в горсти от дуновения ветра желтенько горящие тоненькие свечи...

В этой странной, таинственной процессии последней шла самая молоденькая из монахинь, почти девочка. Даже уродливый капюшон монашеской одежды не мог скрыть белокурого великолепного изобилия ее волос, кроткой и печальной трогательности почти детского лица.

— А почему?... — спросил Тимур во сне, полуобратившись к кому-то, чье лицо он не видел, а видел только глаза, очень грустные глаза.

И та, к кому он обращался, ответила, устремив на Тимура странно долгий, значительный взгляд:

— О-о! Она избрана... Когда придет большая беда, она ударит вон в тот — видишь? — колокол...

И вдруг тихонько, счастливо засмеялась.

Смех был довольно неприятный для слуха — как от щекотки, похотливый, с радостными подвизгиваниями.

Тимур проснулся.

Под окном высокой террасы, где спал мальчик, слышались голоса брата и какой-то девушки. Это она смеялась, как от щекотки.

Тимур попробовал снова заснуть. Однако, раздраженный пробуждением, взволнованный содержанием звуков, доносящихся снизу, снова погрузиться в сон все никак не мог. Яростно вертелся на постели. Переворачивал подушку прохладной стороной вверх. То скидывал, то, напротив, натягивал на себя одеяло.

Наконец почти сел в кровати и стал смотреть перед собой.

Лунный свет падал на террасу. Четко и черно очерчены были тени от оконных переплетов, от веток деревьев, от виноградной ливы.

Надоедливо и безостановочно звенели цикады.

Под окном без устали развлекался с девушкой старший брат, и Тимур слышал все это. Лицо его было печально, даже трагично.

Наконец под окном террасы затрещало, окно распахнулось — старший брат стал забираться в дом.

Стараясь двигаться потише, принялся раздеваться. Младший лежал тихо. Потом спросил с безнадежной тоской:

— Ну и как?

Тот обернулся, на миг замерев от неожиданности.

— Чего не спишь? Четвертый час уже.

— Заснешь тут... — криво усмехнулся мальчик. — Ты что, щекочешь их, что ли? Визжит, как... поросенок.

— Не-е. Не щекочу, — серьезно отозвался брат. — Придурочная просто.

— Так чего ж ты с придурочной... до четырех часов?

— Спи давай! Откуда я знаю, до каких? У меня часов нет, а у нее спросить — подумает, что спроваживаю.

Улегся на раскладушке, устало и с наслаждением вздохнул:

— Ну до чего же придурочные! — И тихонько рассмеялся. — Ты вот погоди, через год-два подрастешь, сам увидишь. Ну до чего же придурочные!

Мальчик горестно и ожесточенно сжал зубы. «Через год-два!»

Рисунки Владимира Каширина

Фото Леонида Шимановича

— ...я, говорит, и борщ хорошо умею, и шью сама! — Брат опять тихо посмеялся. — Спать давай! Завтра поможешь с покраской?

Брат последние слова говорил с интонациями почти извиняющимися — он в общем-то понимал состояние мальчика.

— А то совсем наша «Анастасия» облупилась. Стыдно к причалу подходить. Видал, как Леха своего «Скорпиона» подмарафетил? Любо-дорого! Конечно, отдыхающий к нему так и прет... Ну да ничего... Мы с тобой тоже...

И вдруг заснул, как провалился.

Мальчик еще немного полежал, глядя на резные тени по стенам, потолок, терпеливо вызывал в себе состояние того странного и чудесного сна.

Уже и музыка того сна начала потихоньку звучать...

Но — вдруг! — опять раздался, как наяву, давешний смех, противный и похотливый. Мальчик с досадой открыл глаза. Покорно вздохнул, повернулся на бок, затих.

На следующий день, как договорились, они с братом красили катер.

Тимур с необыкновенной серьезностью и тщанием обновлял надпись на рубке — «Анастасия», когда услышал призывный свист.

Над причалом стоял одетый в белое пижон. За спиной пижона маячили еще двое, молчаливо и тупо глядящие.

— Георгий где?

Тимур показал внутрь катера, где брат докрашивал скамейки для пассажиров.

Георгий выглянул, фальшиво заулыбался:

— Кого я вижу! Заходи, дорогой!

Пижон с необыкновенной легкостью взвился вдруг над перилами набережной, пролетев метра два с половиной, приземлился уже на досках причала.

— Только осторожно тут... — незнакомым, лакейским голосом приговаривал брат, подставляя ему локоть, поскольку руки были в краске. — Остороженько... Вишь, покраску затеял...

Тимур золотил надпись на рубке, и сквозь окно ему было видно, что происходит внутри:

как брат достает из шкафчика жестяную коробку из-под чая...

как вынимает оттуда деньги...

как руки пижона с поблескивающим на запястьях медным браслетом начинают не торопясь пересчитывать эти деньги (одну, видимо, лишнюю купюру пижон брату вернул).

Пижон выпрыгнул из катера на причал. Двое, оставшиеся наверху, посмотрели вопросительно. Пижон дал им отмашку: порядок, дескать. Двое тотчас вид опять приобрели туповатый и скучающий.

Брат смотрел вслед пижону и его телохранителям с выражением лица странным — и жалким, и подобострастным, и ненавидящим, и уважительным.

— Мать вчера деньги просила — не дал, — сказал Тимур. — А этому — пожалуйста!

Брат оглянулся с бешеным взглядом.

— Заткнись! Если чего не понимаешь, заткнись! — И в ярости бессилия ударил кулаком по переборке.

Через некоторое время, уже вполне успокоившийся, он объяснял Тимуру:

— В мае, помнишь? У Гришки Апресьяна «Аэли́та» сгорела? Ну, так это — результат...

Они стояли под рваным зонтиком летнего кафе, обедали беляшами, запивая лимонадом из бутылок.

— ...Гришка как раз мотор перебрал, поистратился, а тут — эти! Он им и скажи: «Надое́ло!» Валите, дескать, куда подальше. На следующую ночь «Аэли́та» и фурыкнула. Вот так-то, братишка...

Тимур впился в старшего брата взглядом. Привыкший во всем подражать ему, восхищаться его силой и ловкостью, надеяться на его поддержку, он впервые увидел Георгия в это новом, не слишком-то приглядном качестве — в качестве уныло-покорного данника, раз и навсегда смирившегося со своей крепостной участью.

— Но погоди! — Тимур все еще никак не хотел смириться со сказанным. — Вы же работаете! Вы же — и ремонт, и покраска, и горючка! А они — что?! Ничего?!

— Ничего... — с усмешкой подтвердил брат.

— И вы — им?!

— И мы — им... — с той же жалкой снисходительностью, с той же интонацией подтвердил брат.

— Но вас же много! Вы большие!

— Э-э... — Брат скривился в усмешке. — Что толку, что нас много? Быют-то нас поодиночке.

Тимур не нашел, что ответить. Он был и возмущен, и обижен, и оскорблен услышанным.

И словно бы новыми глазами глянул он на жизнь, которая привычно творилась вокруг. И с брезгливой неприязнью взгляд его тотчас стал выхватывать из окружающего тех, кто должен был, по его ощущению, быть в несомненном родстве с тем белокостым пижоном, который так беззастенчиво и нагло грабит его брата и других владельцев катеров:

и вельможного гешефтмахера, в багажник машины которого подобострастный грузчик торопливо носил с черного хода магазина какие-то коробки и пакеты... и заведующего кофейней, который с видом полномочного владельца этой «торговой точки» возлежал в шезлонге у входа в заведение, грея на солнышке непомерное свое брюхо...

и рассеявшихся на парапете набережной молодых бездельников, сопровождающих прохожих откровенно наглыми взглядами...

и милиционера, который с властительным видом оглядывал вверенную ему улицу, чему-то посмеиваясь и многозначительно поигрывая дубинкой...

и таксистов, которые на стоянке вели среди пассажиров свою нахальную торговлю...

и темной профессии самоуверенных, вельможных глядящих стариков, поигрывающих четками на террасах дорогих кафе, ведя нарочито ленивые, но, судя по всему, весьма важные разговоры.

Компания отдыхающих (как и все отдыхающие, чересчур веселящиеся, чересчур громкоголосые, чересчур разголившиеся) прошла мимо кафе, где стояли Тимур и его брат.

— Жорик! — замахали оттуда. — Когда поедем? В заповедник обещал. Забыл?

Брат помахал в ответ:

— Завтра! Сегодня «Анастасию» красил. Завтра к девяти подходите — пойдем хоть в заповедник...

— ...хоть к черту на рога! — закончил он фразу, уже снова поворачиваясь к столу.

— «Жорик» — это ты? — с плохо скрытым разочарованием спросил Тимур.

— Ну... Жорик и Жорик. Отдыхающие же! Да по мне хоть Жоржик — только бы бабки отстегивали!

И опять некая виноватость зазвучала в словах Георгия. Он не мог не понимать, что сегодня он много потерял в глазах Тимура.

Что именно изменилось в его отношении к брату —

должно быть, об этом думал, лежа в постели, Тимур, взрослыми глазами следя игру теней на стенах, потолке террасы.

Под окном шло привычное шушуканье, хихиканье, повизгиванье.

На сей раз Тимур слушал все это без заметного волнения.

Ему было печально, даже скорбно от того, что открылось ему сегодня.

Он закрыл глаза.

Разбудил его мощный удар, грянувший совсем рядом. Посыпались стекла. Сверкнула молния. Однако грома Тимур не услышал — может быть, из-за ветра, который выл на улице мощно и страшно. Трещали деревья.

Брат, голый по пояс, загорелый, мускулистый, с медальоном, болтающимся на груди, с усилием затворял окна, хлопающие от ветра.

Развевались шторы.

— «Анастасия»! — крикнул он Тимуру, азартно и страшно улыбаясь. — Или на берег кинет! Или вообще! Унесет к чертовой матери!

Наконец шпингалет на окне поддался его усилиям. Стало тише. Накидывая куртку, Георгий сказал: — Я на причал!

Мальчик тоже вскочил.

— Ты!! — Брат закричал чуть ли не со злобой. — Не вздумай за мной! С матерью будь! — Отворил дверь, с нескрываемой опаской глянул в темень и, наконец решившись, выскочил.

Тимур засуетился. Стал натягивать брюки (брюки с трудом налезли), рубаху (рукава цеплялись, голова не пролезала почему-то в ворот). Поглядывал на окно.

За окном было страшно.

Страшно было и Тимуру, однако сегодня был какой-то особенный, особенно важный для мальчика день — день, когда он был должен что-то совершить, что-то самому себе доказать!

Странная гримаса отваги, ужаса, отчаяния и самопожертвования была написана на его лице, когда, накинув старый плащ на голову, он распахнул дверь и встал на пороге. Мгновение поколебался — и нырнул во мрак!

Его ударило ветром — да сразу так ударило, что он едва устоял на ногах!

Плащ надул, как полусорванный парус, потянул назад.

В ночи то и дело вспыхивали зарницы.

Со свеженьким яростно-веселым треском рушились деревья.

Ветер еще раз ударил Тимура. Плащ вырвался из рук — мелькнув, мгновенно пропал в темноте.

Искрыли на тротуаре оборванные провода.

Летели обломанные ветки.

Он выбрался на берег моря. Море било в берег с упорной, всепокрушающей силой. Серые и страшные вздымались стены волн, возносились, казалось, к самому небу.

Георгий мучился на берегу, тщетно пытаясь занести конец на причальный кнехт.

Когда волна бросала катер на берег, удавалось вроде бы сделать достаточный запас каната, чтобы обвить его восьмеркой вокруг кнехта. Однако тотчас катер, как щелку, начинало тянуть назад в море, и брата тоже волокло вслед за катером, кувыркая по камням и гальке.

Вдруг Георгий почувствовал, что ему стало легче.

Он оглянулся. Сзади, упираясь изо всех сил, помогал Тимур.

— Эге-гей! — обрадовался Георгий. — Давай, братишка! Еще малость! Са-а-а-ую малость!

Они согласно налегли, и Георгий успел обвить канат вокруг кнехта.

Катер тотчас поволокло в море — канат натянулся, как звонкая струна. Братя смотрели боязливо и умоляюще. Канат выдержал.

— Годится! — проорал старший со счастьем в голосе и тут же, вдохновившись удачей, решил: — Я второй кормовой внатяг попробую! — не раздумывая, прыгнул в катер.

Нужно было второй кормовой конец закрепить на кнехте другого причала. Тогда бы «Анастасия» плясала на трех канатах, как на растяжках — на носовом и двух кормовых, — и никакая буря не была бы ей страшна.

Приблизилась волна. Георгий вовремя заметил и проворно юркнул в кокпит.

Волна схлынула, и Георгий с концом в руках выскочил на соседний причал, успев заплетить канат на кнехте, выпрямился, победно улыбаясь —

и тут очередная волна грянула на него, швырнула на доски причала, проволокла немного и с пренебрежительной злобой вышвырнула на берег!

Он остался лежать недвижим.

Тимур глядел в ужасе.

Затем спохватился — приближалась новая волна.

Бросился к брату и стал волоком тащить его подальше от береговой кромки, плача, визжа и криком крича от непомерности этого усилия и от ужаса происходящего.

Успел: волна хоть и накрыла их, но в море утащить не сумела.

Тимур попытался еще немного подтащить тело брата, но сил уже не осталось. Сделал по инерции несколько заплетающихся шагов и рухнул на песок в совершенном изнеможении.

Брат сел, очумело озираясь. Затем, после двух попыток, сумел встать.

Вокруг бесчинствовала буря.

Катера металась в узких своих стойлах, как безумные. Некоторые из них уже вышвырнуло на причалы, и теперь буря крушила их как хотела.

Одна только «Анастасия» была в безопасности: сдержанно припльсывала на трех канатах, будто и не буря злодействовала вокруг, а легонькое волнение.

Под ударами ветра металась деревья. Заметно качало фонарные столбы на набережной. Станным казалось, что фонари хоть и помаргивая, но еще светят.

Бренчал полукруглый лист железа на крыше сторожки. Хлопало окно, стекла в котором, конечно, уже не было.

Налетел новый, особенно сокрушительный шквал. Рухнул один из фонарей на набережной. Упавший столб потянул за собой второй, третий.

Натянулись, как струны, и лопнули провода.

Сразу же погас свет.

Оборвавшиеся концы перепутанной проводки, извергая бенгальские искры, по широкой дуге понеслись над берегом. Это было непонятно и страшно, как шаровая молния.

— Тимка! — крикнул очолевшийся от страха Георгий.

Тимка успел приподнять от песка лицо и увидеть мертвенно-белый пышный фейерверк искр, летящий ему в лицо.

Раздался сухой оглушительный треск.

Искрящий конец провода прочертил по берегу стремительную кривую и взвился вверх, к набережной.

Тимка лежал неподвижно. Он лежал так, как не лежат живые люди.

Георгий смотрел потрясенно.

После вспышки ему все виделось, как на черно-белом негативе:

и лицо Тимки, когда Георгий расталкивал его...

и улица, абсолютно почему-то безмолвная, по которой он тащил брата на руках...

и приемный покой больницы, куда он дотащил все-таки Тимура, уже шараясь от усталости.

А Тимур тем временем стремительно неся, все ускоряясь и ускоряясь, по тесным тоннелям какого-то невиданного метро.

...Он проснулся от торжественных звуков колокола, разносящихся в чистой благостной тишине.

— Ну, вот и жив... — со спокойным удовлетворением в голосе сказала пожилая монахиня, заметив, что Тимур открыл глаза. — Слава тебе, Господи! — И неторопливо, хорошо перекрестилась.

Стала поить мальчика из серебряного тонкогогорлого кувшина. Тимур пил жадно, с наслаждением, всем телом аж потягиваясь к кувшину.

Палата напоминала монастырскую келью. За окном звучал колокол.

— А почему колокол?

— К службе зовут. Ты проснулся, вот и славно. Я тоже пойду. Отдыхай.

— А где я? — Тимур впервые слегка насторожился. В их городке сроду не было монастырей.

— Отдыхай... — повторила женщина. — Рано тебе пока. Все узнаешь, все узнаешь... — И, улынувшись, очень по-матерински прикрыла ему глаза своей ладонью.

Он покорно прикрыл глаза. А когда — секунду, казалось, помедлив, — снова отворил их, перед ним сидел Георгий.

— Ну во-о-о! Оклемался, слава те Господи! А все уже решили, что тебя это... списывать пора.

Тимур внимательно, словно бы с трудом узнавая, глядел на лицо брата. Все лицо Георгия было в царапинах, кровоподтеках и ссадинах.

— Что это у тебя? С лицом? — спросил Тимур странным, каким-то нездешним голосом.

— Морда-то? А так на берегу же! Волной меня, помнишь? — Георгий вдруг посмотрел внимательно: — А ты что, ничего не помнишь? Как «Анастасию» крепили, как на тебя провод упал? Ну, это ты, точно, не помнишь... Ничего не помнишь?!

— Не-е... — подумав, медленно ответил мальчик. — А где... сейчас вот здесь сидела... в сером?

— Никого тут не сидело.

— А кувшин? С носиком таким?

— Хе! Здесь и графина-то нет! Я ж говорю, они тебя уже списать приготовились. Вишь, отдельная даже палата. Виданное ли дело? Ну а ты — молодец! Р-раз! И снова в пляс!

Георгий разглагольствовал, а Тимур с удивлением смотрел, нет, не на брата — на рубаху его под распахнутой курткой.

Ткань рубахи время от времени — как бы наплывами — вид обретала не виданной им дотоле, грубо вязанной, суровой, «древневековой» какой-то дерюжки.

Тимур смагивал это наваждение, но через время наплыв вновь повторялся.

Голос брата звучал то гулко, как в зале, то словно бы издали, как в поле.

— Я в больнице, что ли? — спросил наконец Тимур.

— Только дошло? — Брат расхохотался от души.

— Я домой хочу, — сказал Тимур. — Мне чего-то мерещится здесь. Ты их попроси! Какая им разница? Дома я буду или здесь?

— Вряд ли они тебя отпустят, братишка. Ты ж под током был! На том, считай, свете побывал. Вряд ли они тебя отпустят... — Тут же очень заинтересованно спросил: — Слушай, Тим? А как оно там, на том свете?

— Не знаю... — серьезно отвечал тот. — Темно. Мне чего-то... как-то... не удобно, что ли?

— Дай я подушку тебе...

— Да не подушка! А как-то... непонятно как-то! — Тимка досадливо сморщился.

Георгий вдруг поскукнел. Поднялся.

— Ну, ты давай лежи пока! Мать тут какой-то жратвы тебе наготовила. Сама вечером придет, когда отстирается. А я на «Анастасию» пошел! Лежи. Отдыхающие небось уже копытами бьют. Как бы Леха не воспользовался...

Брат ушел. Тимка задумчиво оглядывал палату. Палата и в самом деле очень напоминала монастырскую келью.

Он поднялся. Прислушался к себе. Ноги вроде бы держали исправно. Голова вроде бы не слишком-то и кружилась. Подошел к окну.

Под окном лежал тот самый монастырский дворик, который он видел не так давно во сне.

Тишиной и покоем веяло от этой картины. Мальчик взирал с удовольствием.

Маленькая монашенка — тоже знакомая, тоже из того сна — задумчиво возвращалась из церкви через двор, перебирая в руках четки.

Тимка поймал вдруг ее быстрый, заинтересованный, совсем не монашеский взгляд, брошенный в сторону его окна.

Тимка несмело заулыбался.

Затем вдруг резко — настигающе — оглянулся. За спиной была больничная палата.

А под окном — монастырский двор.

Он безжалостно ущипнул себя за кисть руки. Даже зашипел от боли.

Юная монашенка, уже почти миновав окно, отчетливо опять посмотрела на Тимура.

— Вот так-так! — раздался за спиной оживленный стариковский голос. — Он уже, полюбуется, возле окошка!

В палате стояли трое — старичок и две женщины, все в белых халатах.

— Иди-ка сюда, любитель электричества! Снимай рубаху. Будем тебя изучать и разглядывать.

Внимательно выслушав Тимку, считая пульс, заглядывая ему под веки, старичок беспрерывно разговаривал:

— Так-так! Отлично! Даже превосходно, можно сказать! Хотя, если честно, чистейшее было мракобесие — надеяться на хороший исход! Да-с! Очень уж ты, сударь-сударик, был нехорош. Прямо уж так нехорош, что хоть сразу в доминанье заноси! Но — молодец! — обманул всех! И меня в том числе. Впредь поступай так же. Помереть, ты понял, дело не хитрое. Головка как? Не потрескивает? Не кружится? Ничего

такого-этакого... (он жестом изобразил затмение перед глазами) не чувствуешь?

Тимка на мгновение заколебался, но ответил затем как можно равнодушнее: — Головка как головка...

— Ага. — Доктор все же всматривался в его зрачки с некоторым сомнением. — Учишься как?

— Нормально... — без охоты протянул мальчик. — По-разному. «Четверки», «тройки».

— Если вдруг «пятерки» начнешь хватать, в ужас не приходи! После такого катаклизма все может быть.

— А если вдруг «двойки»?

— «Двойки»? Ну что ж... Не ты первый, не ты последний. Не пропадешь. Сейчас куда ни кинь — везде двоечники! Только с тобой такого не будет, не надейся... Так! — обратился старичок к женщинам в белых халатах. — Еще разок клинический анализ крови, экагэ. Денька два понаблюдайте за мочой, за сахаром. Думаю... Думаю, все будет в порядке! Будет? — Он хлопнул Тимура по голому пузу. — Будет! Теперь обязан сто лет жить и еще три года! Понял?

Через пару дней вместе с матерью Тимур возвращался из больницы.

На улицах еще всюду были видны следы урагана.

Кровельщики чинили крыши. Рабочие распиливали и растаскивали упавшие деревья. Монтеры висели на столбах, налаживая проводку.

— Нашу чинару-то тоже сломило, — сказала мать. — Правда, бережно так упала, как по заказу. Нигде ни грядочки, ни цветочка не помяла. Был бы ты поздоровей, так распил бы, а? А то Георгий с катером-то своим совсем от дома отбился.

— Распилим... — рассеянно отозвался Тимур, откровенно не узнавающими глазами глядя вокруг.

Даже на дом родной он взглянул странно — как на что-то, почти не знакомое, хотя когда-то и виденное.

С тем же странным выражением в глазах он смотрел на море, когда полусидел-полулежал на берегу бухточки невдале от дома. В бухточке играла на солнце вода. На другом берегу, на лужайке перед спортбазой занимались хореографией девчонки в разноцветных, ярких, как леденцы, купальниках.

Тренер — дебелая баба в малиновом тренировочном костюме, — стоя на возвышении, орала в мегафон:

— Легче! Представьте себе, напрягитесь, что вы бабочки, мотыльки легкорылые! А не коровы недоеные! Балзамино! Ты что ж, милая, так раскорячилась-то, ласточка моя кривокрылая? Это ж не дискотека! Васильева! У тебя пониже ягодиц ноги? Точно? Ноги? Ну, извини! Я думала, протезы...

И много еще такого, в подобном же роде, доносило до слуха Тимура, когда он со все большим интересом смотрел на разноцветную россыпь купальников за синим зеркалом бухточки на зеленой лужайке возле нежно-абрикосовых стен здания спортбазы.

Затем, по команде тренера, девчонки без явной охоты потрусили к воде.

— До буйков и обратно! — заорала им вслед баба в малиновом. — Миловидова! Не сачкуй! Я тебя все равно вижу! — И с откровенным облегчением бухнулась в шезлонг загорать. Куртку с себя стягивала, уже закрыв глаза и отдохновенно улыбаясь.

Девочка вынырнула прямо у берега, по-пластунски выползла на песок и схоронила за камнями. С удивлением растянута, подставив солнцу спину.

Тимур смотрел взволнованно. Девочка была метрах в трех от него, не больше.

Он смотрел на нее, как на диковинку, потом наконец решился, тихонько прокашлялся и с интонациями тренера произнес:

— Миловидова! Не сачкуй!

Она повернула к нему голову, казалось, без всякого удивления.

— А я, между прочим, не Миловидова.

— А кто ж?

— Сандра Боттичелли. Неужели не признал?

— Да? — не нашелся с ответом Тимур. — А чего тогда сачкуешь?

— Спинка болит. Потянула. А мадам Карабас узнает — сразу со сборов выгонит. Врубаешься?

Он подумал и честно сказал:

— Не... Не очень.

— Выгляни, — попросила она. — Чего она делает?

— Сидит. Загорает. Может, спит.

— Это хорошо. Спинка-то, может, и сама пройдет.

Когда лишнюю нагрузку дашь, тогда только больно... Слушай! А где я тебя могла видеть? — Она спросила это без всякого кокетства, очень просто и искренно.

— Н-не знаю... — растерялся Тимур. — В городе? На причале, может? Там у нас с братом катер. «Анастасия» называется.

— Нет. Нас в город не пускают.

А Тимур и сам всматривался в лицо девочки с некоторым удивлением и беспокойством.

— Ты знаешь... — сказал он. — А мне кажется, что и я тебя тоже где-то видал. Недавно! Тебя как звать?

— Сандра, сказала же. Саша — Александра — Сандра.

— Боттичелли?

Она звонко рассмеялась и вдруг глянула искоса, с интересом, точь-в-точь взглядом той самой маленькой монашенки в сером капюшоне.

— Выгляни еще разок. Чего она?

— Стоит. Смотрит. В бинокль.

— Во гадина! А где девочки?

— К буйкам подплывают.

— О-ох! Лежала бы так и лежала!.. Где ж я тебя все-таки видела? Ты в Одессе не был два месяца назад?

— Я нигде еще не был. Нет, один раз в Краснодаре был. А так... поезжу еще!

— А мне надоело! Хоть бы выспаться разок! Часиков двадцать! Посмотри, где девчонки?

— Назад плывут. Почти на полдороге. — Он еще раз взглянул на Сандру и вдруг сказал: — А я вспомнил, где я тебя видел! Такой... сон — не сон... Ты еще в таком сером балахоне была, с капюшоном. Вроде бы в замке каком-то, в монастыре...

Он говорил, запинаясь, ошеломленный невозможностью внятно пересказать словами то, что он (он был уверен в этом!) видел наяву.

— В самом деле? — рассмеялась Сандра. — Ты знаешь что? Ты завтра мне дорасскажешь! Ужасно интересно, что же это я в монастыре делала?! Тебя как звать-то, забыла.

— Тимур.

— Чао, Тимур! Придешь завтра?

Он с готовностью кивнул.

— А сейчас — пардон! — пора тикать!

Прячась за валунами, Сандра доползла до воды, вползла в нее, нырнула без всплеска и —

Тимур с напряженным беспокойством глядел — и вынырнула уже среди подруг, возвращавшихся от буйков.

Ему показалось, что она помахала ему рукой.

Он тоже сделал неуверенный приветственный жест.

У него было отчетливое ощущение, что с ним что-то очень хорошее произошло. Это ощущение было явственно обозначено на его физиономии, когда во дворе своего дома, вернувшись, он принялся ножовкой

опиливать ветви упавшего дерева, сносить ветви к сараю, укладывая их там подобием копны... Что-то несомненно радостное произошло с ним только что, потому, должно быть, и работа была в радость.

Потом вдвоем с матерью они пилили ствол двуручной пилой.

— Ты меня, Тимоня, совсем загнал! — счастливо говорила мать, радуясь столь работающему своему сыну. — Георгия три дня просила. Ни в какую! «Анастасия» да «Анастасия» — вот весь его разговор!

Пила вдруг взвизгнула — железом по железу.

— Стой! — вскрикнула мать. — Гвоздь никак? Откуда?

Ствол был уже почти перепилен. Тимур взобрался на дерево, подпрыгнул, раздался треск.

— Гляди-ка. Тим!

В древесине торчал кусочек белого металла.

— Пуля?

— Нет. Наконечник стрелы вроде.

— Видишь? — Мать перекрестилась. — Крест.

Тимур выковырял наконечник, разглядывал на ладони.

— Думала, сказки рассказывают. Это, Тимоня, в старину, чтобы оборотня убить, серебряной стрелой били. С крестом.

Тимур рассматривал наконечник боязливо и уважительно.

В сарае, где у брата было что-то вроде мастерской, Тимур зажал наконечник в тисочки, закрепил в электродрели самое тонкое сверло, стал сверлить...

Посмотрел в дырочку на свет. Побежал в комнату матери за нитками.

Стоя перед зеркалом, надев на себя рукотворный тот медальон, большое удовольствие получал от созерцания себя. То ненароком распахивал, то запахивал рубаху, то удлинял, то укорачивал нитку...

Однако, нужно заметить, не совсем обычно чувствовал себя при этом: его кидало то в озноб, то в жар, то звон некий начинал звучать, как перед обмороком, то словно бы гул отдаленный...

Внезапно он расширил глаза в испуганном изумлении: в зеркале был он, Тимур Далматов, несомненно, но вот фон был совершенно незнакомый! Какая-то мрачная анфилада залов, факелы, коптящие на стенах, средневековая древняя кладка стен...

Он быстрым движением обернулся.

За спиной все было по-прежнему: залитая осенним южным солнцем терраса, яркое синее небо за зеленой виноградных листьев.

Вновь глянул в зеркало — из тьмы, которая простиралась в зеркале, не сразу, а как бы помедлив, опять стали возникать очертания древнего какого-то зала, узкие высокие окна, мрачно чадающие факелы на стенах.

Он сжал медальон и осторожно стал отворачиваться от зеркала.

Теперь древневековая зала эта лежала перед ним наяву.

В зеркале же, оставшемся у него за спиной, осталось отражение залитой южным осенним солнцем террасы.

Вначале он двигался осторожно и настороженно, как кошка в незнакомом месте.

Затем пообвыкся, стал оглядываться непринужденно.

Дабы убедиться, что все это не сон, поколупал кладку стены, понюхал за чем-то... «Для чистоты эксперимента» сунул палец в огонь факела — тотчас аж зашипел от боли!

Гулкие лязги раздавались вокруг, в недалеких каких-то коридорах. Казалось, кто-то, обутый в железо, торопливо пробегает то и дело по каменным звонким полам.

Но он пока никого не видел. Пустые, слегка даже туманные коридоры, переходы и залы открывались его взору.

Вдруг с улицы ударила хриплая варварская музыка! Тимур бросился к окну, высунулся.

Колоннада дугой уходила куда-то вправо, и было видно часть каменного амфитеатра, уже почти заполненного публикой.

Публика одета была просто, даже бедно — в грубые холщовые туники, перепоясанные вервием.

В поисках места, с которого можно будет наблюдать весь амфитеатр, Тимур пошел по коридору, заглядывая в каждое окно, и вскоре обнаружил что-то вроде балкона, густо оплетенного вьющейся зеленью. Вход на балкон был отделен от коридора пыльным алым бархатом.

Видно стало арену. Там, судя по всему, готовилось какое-то представление. Полуголые служители устанавливали по периметру кованые решетки.

Балкон, на котором затаился мальчик, располагался совсем рядом с ложей — их разделяла лишь густо вьющаяся зелень. В ложе был кто-то несомненно важный — люди, сидящие вокруг арены, озирались в сторону ложи с выражением лиц подобострастным.

В ложе шел неспешный разговор.

— ...так и передай любимейшему из любимых. Десебр, брат его, счастлив в пустынном, жарком, вонючем и грязном Перхлонесе!

Тимур раздвинул зелень. Говорил желчного вида обрюзглый старик со стальной простенькой короной на плешивой голове.

— Что еще просил передать любимейший из любимых? В пергаменте, который ты привез, слишком мало оскорбительного для меня. Это совсем не похоже на брата моего Септебра — любимейшего брата... изо всех погубленных им братьев моих...

— Вот почему я люблю приезжать в твой пустынный, жаркий, вонючий, грязный Перхлонес, — сказал собеседник, — здесь услышишь речи, которые вовек не услышишь, даже во сне, в солнцеподобной Фаларии.

— На сколько же кошелек потяжелеет твоя казна, славный из славных, когда ты донесешь слова мои до ушей Септебра?

— Не обижай меня, чтимый из чтимых. Я грешен, но страсть доноительства чужда мне.

— Так я тебе и поверил! — очень искренно рассмеялся Десебр. — Ну так что же велел передать на словах Септебр, подлейший из подлых?

Посланец заговорил быстро и гладко, будто по писаному:

— Минуло пять лет, как решением консулата отпущен Десебр в Перхлонес, дабы огнем и мечом, словом и златом, медом и ядом установить тишину и мир в этой земле. Пять лет минуло, но нет тишины в Перхлонесе. Торговцы не посылают сюда свои корабли. Земледельцы, которые польстились на даровые земли, уже через месяц бегут назад, теряя сандалии и разнося по всей Фаларии слухи о кровавом ужасе жизни в Перхлонесе. Брат Десебр верен себе. Он не отягощает свой разум мыслями о мире с перхлонесцами. Из всех запахов благовонной той земли он, как и прежде, предпочитает запах крови...

— Довольно, славный из славных, — неожиданно кротко произнес Десебр. — Я знаю, что хотел сказать брат мой.

— Они вызывают тебя в Фаларию, дабы ты отчитался перед консулатом... — торопливо закончил посланец.

— Довольно, я сказал! — оборвал Десебр. — В Перхлонесе воцарится тишина. И я очень скоро появлюсь перед консулатом. Но не один, славный из славных! За мной будет отборная сотня сотен верных мне перхлонесцев! Это будет. Так и скажи.

— Я боюсь, когда мне доверяют такие слова. После них не удивишься, обнаружив в кубке вина привкус цикуты.

— Можешь передавать это Септебру. Можешь не передавать. Мое решение твердо, а Фалария — в трех морских переходах отсюда. Септебр будет кататься, как женщина, по земле от злости: «Зачем я поручил Перхлонес Десебру?» Ха-ха-ха!

— Я верю, что будет так. И я хочу, чтобы ты верил мне, моей преданности...

— Я не верю тебе, — грубо, жестко и просто сказал Десебр. — Нельзя верить человеку, который пережил

несказанно радуется, выращивая из здешних мальчиков вот таких вот дивных зверушек.

Посланец Септебра смотрел на арену. На арене, уже окровавленные, гонялись друг за другом зверочеловеки. Толпа визжала от восторга.

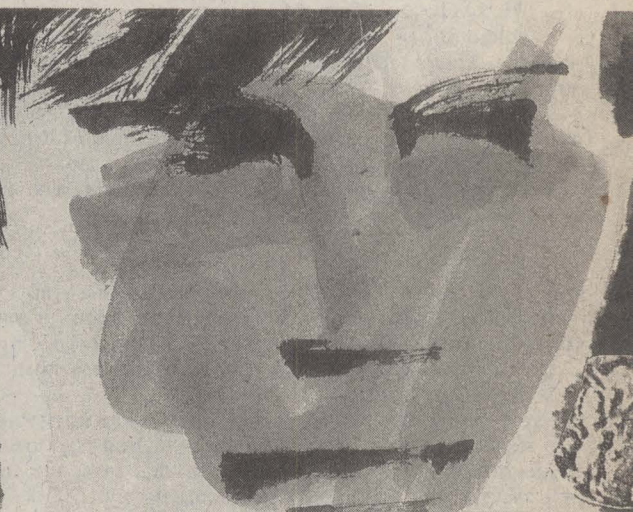
Посланец смотрел, и все более безнадежной была тоска в его взоре.

Тимур смотрел на арену с отвращением и ужасом. Наконец одному из зверочеловеков не удалось увернуться. Противник тотчас впился ему в горло зубами. Зафонтанировала кровь.

Люди на скамьях амфитеатра взбесились от восторга. Женщины визжали в сладостной истерике.

Победитель припал к горлу побежденного, упиваясь победой.

Вышел распорядитель. Заиграл на дудочке простенькую песенку — зверочеловек послушно оторвал

трех «любимейших из любимых». Пей вино — мой раб не подсыплет в него яду. Отправляйся в свою Фаларию, доложи брату, что сумел выведать от меня, — у тебя будет на пять кошельков больше... Но разве ты не согласишься со мной поединок? Клянусь, такого ты не видывал никогда! Хотя и пережил трех «любимейших из любимых».

— Разумеется, я посмотрю, чтимый из чтимых. Но меня одолевает горечь от сказанного тобой. Даже и пять лет назад...

— Хватит о деле! — грубо оборвал Десебр. — Ты утомил меня! — И трижды ударил в ладони.

Безотрывно глядевший в ложу распорядитель поединка тотчас дал сигнал в огромный бронзовый гонг. Захрипела музыка.

Взлетели вверх решетки, прикрывавшие выход на арену из двух подземных тоннелей.

На песок, хрипя и рыча, выскочили два зверя. Точнее бы сказать, что это были звероподобные люди: дико обросшие, с непомерно длинными руками и полусогнутыми ногами. Они одинаково хорошо передвигались и на четвереньках, и поднявшись в рост. Впрочем, на четвереньках им, кажется, было удобнее. Пальцы передних лап были устрашающе оснащены острейшими стальными когтями. Слюна капала из слабоумно оскаленных ртов: зубы были неестественно длинные и кривые.

— Что это?! — в ужасе воскликнул посланец Септебра.

— О! Мой верховный лекарь Атилла Лавениус — большой весельчак и великий ученый. Он, правда, не в силах вылечить меня от болей в суставах, зато

сы от убитого и покорно заковылял вслед за дудочкой.

— Этих воинов ты поведешь на Фаларию?

— И этих тоже! — с удовольствием рассмеялся Десебр. — Они, несомненно, придутся по вкусу любимейшему из любимых. И наоборот!

— Если я когда-нибудь лишусь твоего расположения, не прибегай, прошу тебя, к помощи этих...

— Никогда не будет этого, славный из славных! Ты знаешь это лучше меня, не так ли?

— Да, — горько усмехнулся посланец. — Я знаю это лучше многих.

Тимур подсматривал за ними с жгучим интересом, почти ничего не понимая, но все же догадываясь каким-то образом о смысле происходящего.

— Осенью море не спокойно. Путь до Фаларии не близок... — почти совсем спокойно проговорил посланец. — Дурные предчувствия одолевают меня. Я хотел бы надеяться, чтимый из чтимых, ты не оставишь заботами детей моих, если беда не обойдет меня стороной.

— Что за скверное настроение, славный?! Выпей! Клянусь, ты не найдешь в этом бокале привкуса, которого боишься! — Десебр был грозно весел.

— Позволь удалиться, чтимый из чтимых. На «Святой Анастасии» уже давно готовы поднять паруса, — тихо попросил посланец Септебра.

— Да будут ветер и море милостивы к твоей «Анастасии»!

Посланец покинул ложу.

Десебр, зажмурив глаза, добродушно перебирал в пальцах четки.

Затем, не открывая глаз, он щелкнул пальцами.

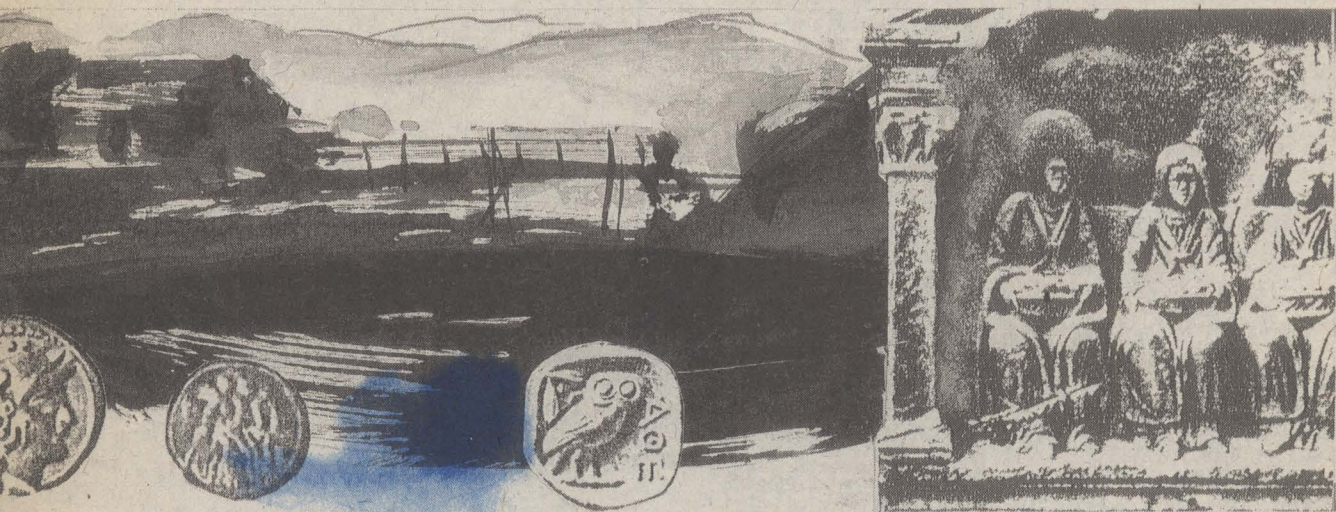
Тотчас возник некто в черном, молчаливый, скромный и невозмутимый.

— ...Осенью море не спокойно, — не открывая по-прежнему глаз, негромко стал бормотать, будто сквозь дремоту, Десебр. — Путь до Фаларии не близок... Боюсь, «Анастасия» может не выдержать тягот пути и не добраться до родных берегов... Меня одолевают дурные предчувствия, Ахмат...

— Твои предчувствия никогда не обманывали тебя, чтимый из чтимых, — отозвался Ахмат и быстро вышел из ложи.

Тимур понял, что готовится злодейство.

Почти не таясь, он выскочил из своего убежища в надежде, быть может, догнать того сухопарого, в голубой тунике, с обручем на лбу.

Куда бежать, он, понятно, не знал.

Коридоры замка то и дело пересекались, разветвлялись, упирались в какие-то тупики.

Стражник в длинной до колен кольчуге, с копьем в руке стоявший у кованых каких-то дверей, заметил Тимура, торопливо промелькнувшего туда-сюда в конце коридора. Не покидая очень важного, видимо, поста своего, он тем не менее трижды и еще раз ударил окованным древком копья в гулкий пол.

Тотчас посыпались из разных закоулков стражи, бросились на поиски чужого.

Тимур метался по коридорам, анфиладам и залам замка, как мышь в лабиринте.

Один из мрачных полуподземных ходов привел его к железом обитой двери.

Тимур стал в отчаянии дергать ручку. Дверь не поддавалась.

Наконец он заметил, что дверь заперта на огромный замшелый засов. Напрягая все свои силенки, стал пытаться вытянуть из пазов тяжкую ржавую пластину.

Погоня приближалась.

В последнем отчаянии он все же сумел сдвинуть засов, рванул на себя огромную кованую дверь, дверь нехотя стала отворяться — и...

...и он оказался в грязной, темной, загаженной кошками и людьми городской подворотне, загроможденной мусорными контейнерами, пустыми ящиками, бочками из-под краски...

Все еще тяжело, запаленно дыша, Тимур метнулся бежать в одну сторону — наткнулся на решетку, кото-

рая отделяла подворотню от двора, в другую сторону — ему стало видно улицу, по которой шли горожане и отдыхающие, проезжали машины, гремел трамвай...

Он вернулся к двери, из которой только что выскочил. Боязливо подергал ее.

Дверь была наискось заложена стальной пластиной, в пробое которой висел огромный ржавый замок. Судя по всему, дверь не открывали уже многие годы. Мальчик смотрел растерянно.

Взял на ладонь наконечник стрелы — самодельный амулет свой, стал внимательно глядеть, словно дожидаясь от него ответа.

Удивился: неяркое, но отчетливое свечение исходило от этого кусочка металла, тем более явственно заметное, что в подворотне было почти темно.

По предвечерней улице он прибавил к причалу.

Большинство катерков уже отдыхали, каждый в своем закутке.

Место «Анастасии» пустовало.

Тимур спустился на причал и крикнул мужику, который укрывал брезентом пассажирские скамьи на своем катере:

— Дядя Леш! А Георгий разве еще не приходил?

— Часа три здесь. Не было «Анастасии».

Мальчик встревожился. Сел на доски причала и стал с беспокойством глядеть в море.

Метались над берегом чайки, кричали так, будто накликали беду.

Тимур опять взял на ладонь наконечник-амулет, вопрошающе стал смотреть на него.

— ...путь до Фаларии не близок, — внезапно охрипнув, сказал он сам себе и снова устремился грустным взглядом в море.

Наконец он что-то увидел. Поднялся на ноги, взбежал повыше. Слышался стук мотора.

Пограничный катер тащил на буксире «Анастасию».

Георгий багром подтянул катер, кое-как ошвартовался.

Человек пять пассажиров, дрожавших на скамейках от холода, каждый под каким-нибудь тряпьем, под куском брезента, тотчас стали выбираться на причал, злые, напуганные.

— Ну Жорик! Спасибо за прогулочку! — со злым ехидством кинула напоследок та самая отдыхающая, которая просилась возле кафе в заповедник.

— Спасибо, что хоть в живых оставил! Век не забудем!

Георгий виновато улыбался, глядя им вслед. Потом спохватился и помахал пограничникам, которые уже разворачивались уходить в море:

— Петро! Литруха за мной! За буксир спасибо!

С катера что-то добродушное и насмешливое прокричали в ответ.

— Ты чего здесь? — удивился Георгий, увидев брата, и тут же с не прошедшим еще изумлением стал объяснять: — Понимаешь, нич-ч-чего не понимаю! Пошел на заповедник — полные баки, конечно, заправил. Только отошли, напротив маяка — стоп, машина! — ни одной капельки! Ни в баках! Ни в канистрах! Нич-ч-чего не понимаю!

Закрепляя катер на стоянке, укрывая его брезентом, Георгий без остановки говорил:

— Унесло бы нас к чертовой матери, это как пять копеек! Спасибо, Петро подвернулся! — И опять недоуменно крутил головой: — Ну ладно, вылилось! Ладно! Так хотя бы запах должен остаться! Нич-ч-чего не могу понять!

— Это «чтимый», — вновь охрипнувшим от волнения голосом сказал Тимур. — Тот корабль назывался «Святая Анастасия» — почти как наш.

Георгий непонимающе оглянулся на бормотание брата, вновь погрузился в недоуменное размышление свое.

Тимур тоже прикусил язык: никому ничего внятно он объяснить не сумеет.

Следующим утром он опять сидел на берегу бухточки и, стараясь самому себе казаться равнодушным, то и дело поглядывал на другой берег, где под оглушительную музыку и крики «мадам Карабас» занимались хореографией девчонки в разноцветных, как леденцы, купальниках.

Его заметно лихорадило от волнения ожидания.

Он спустился к тому месту, где Сандра в прошлый раз выпрыгнула на берег, и от нечего делать стал лепить из мокрого песка нечто вроде амфоры (такой, какие во множестве он видел в том замке). Получалось похоже.

Мелкой разноцветной галькой он изобразил узор.

Затем вскарабкался по береговому откосу и вернулся с цветами. Пристроил цветы в самодельную эту вазу.

Все это проделывал очень торопливо, волнуясь все больше и больше, как бы в легкой даже панике, что его «застукают» за таким не подобающим мальчишке делом.

А завершив труд сей, вдруг с облегчением трусости обратился в бегство.

Недовольный собой, неприятно взволнованный, томимый непонятной тоской и печалью, шел он вдоль моря, не зная, куда идет.

Все было под стать его сварливому настроению: море — грязное и мусорное; окраинные домишки — вопиюще бедные, неряшливо скроенные из кусков фанеры, железа, горбылей; везде — горы гниющего мусора, груды исковерканного железа, изломанного бетона...

В городе продавец газировки, потный, жирный грузин, стаканы не мыл, а просто споласкивал в ведре, вода в котором уже была отвратительно мутной, с грязной пеной поверху.

Тимуру казалось, что город завоеван какими-то наглыми, бесцеремонными, хамоватыми варварами, неуловимо похожими друг на друга даже внешне, не одними только повадками.

Глаза мальчика безошибочно выхватывали из людской толчеи этих завоевателей:

по-хозяйски обнимавших женщин...

жирно, по-хозяйски гогочущих глупым своим шутом...

шагающим по улицам так завоевательски напролом, что местным жителям и отдыхающим приходилось везде уступать им дорогу.

Везде считали деньги, протягивали деньги, запрягивали деньги, вынимали деньги...

Нищий опустившийся старик бродил между столиками открытого кафе в поисках оставшихся на столе кусков, недопитого кофе, неубранной бутылки.

Молодые нагловатые парни (тоже, несомненно, из «завоевателей») большой компанией сидели за двумя столами.

Они решили повеселить себя. Сначала один, а затем и второй, и третий ногами перегородили старику дорогу так, что он вынужден был остановиться возле стола.

Один налил стакан водки, жестом предложил старику.

Другой сыпанул в тот стакан соли.

Третий шмякнул ложку горчицы.

Четвертый опрокинул в стакан перечницу.

Пятый стряхнул пепел.

Шестой показал деньги, несколько пятирублевок: пей, дескать.

Тимур глядел на эту сцену, стиснув зубы от ненависти к парням и от жалости к старику.

Старик покорно выпил.

Взрыв скотского хохота раздался в кафе.

Тимур, едва ли не со слезами отчаяния и боли на глазах, отвернулся.

...И даже родной брат вызывал в Тимуре неприязнь, когда он издали наблюдал за Георгием.

С повадками бодрого лакея Георгий суеился возле пассажиров, негустой толпой стоявших возле «Анастасии».

Странную и жалковатую смесь предупредительности и нагловатости, лстивой угодливости и нахальства являл он.

Непрестанно жевал недельной давности жвачку. Дамам галантно подавал ручку, помогая войти на катер. Девоч едва ли не шупал масляным открытым взглядом. Людей попроще чуть ли не подталкивал в спину: «Скорей! Давай!» С людьми солидными мгновенно становился почтительно-скромным.

Деньги, быстро, но и уважительно пересчитав, в карман упрятывал бережно.

Для пущего сервиса наяривал магнитофон на крыше рубки. Музыка была чужая. И брат Георгий был чужой, весь фальшивый: и улыбался, и двигался, и смотрел фальшиво. Весь из себя аж тянулся, подражая кому-то, чему-то. Изю всех сил играл роль, которая и неприятна, и обидна была, на взгляд Тимура.

После шума улиц, после музыкального гвалта на причале тишина в абсолютно пустом зале краеведческого музея поражала.

Тимур бродил среди старинных кольчуг, арбалетов, мушкетеров и кремневых пицалей. Гулко отдавались его шаги под сводами старинного здания.

Возле аляповатого кресла, в котором восседало некое чучело, облаченное в усыпанный камнями кафтан, Тимур задержался.

«Десебр» — верховный наместник Перхлонеса. Реконструкция профессора М. Гурфинкеля по остаткам

захоронения в окрестностях Тибериадского заповедника» — прочитал Тимур.

Чучело изображало млазавого мордастого человека с монголоидными глазами, ушишками и чахлой бородачкой.

Этот человек даже и отдаленно не был похож на того Десебра, которого Тимур недавно лицезрел лично.

— Десебр — верховный наместник фаларийского императора Септебра, властитель Перхлонеса! — Голос за спиной раздался столь звучно, торжественно и неожиданно, что Тимур вздрогнул. Оглянувшись не сразу и нерешительно.

Перед ним стоял, должно быть, смотритель музея — не молодой, но и не старенький очкарик, в вышитой украинской рубахе.

— Он правил Перхлонесом пять лет — жестоко, глупо и кроваво. За это время число жителей края сократилось наполовину — и за счет казней, и за счет гнусной торговли, которую развернул Десебр: перхлонесцев он целыми семьями, целыми селами продавал за море, в рабство императору Мельхупу. Это был один из самых кровавых, неумных и вероломных правителей Перхлонеса, любознательный мальчик!

Смотритель вдруг пошатнулся, и Тимур посмотрел с подозрением: похоже, что очкарик был навеселе.

— Он был мечтателен и глуп. Он был настолько глуп и мечтателен, что даже вынашивал замыслы покорить Фаларию, которой правил его брат...

— Любимейший из любимых? — неожиданно спросил Тимур.

— Ба! Ты даже знаешь звание, которое носил Септебр, владыка Фаларии?! Тем лучше. Тогда тебе не надо объяснять, почему я назвал Десебра глупым. Согласись, возомнишь, что он в состоянии настолько уж подчинить себе перхлонесцев, что они пойдут за ним на штурм Фаларии? Это ли не глупость?

— Это не Десебр! — сказал вдруг Тимур и показал на чучело.

— Это? — Смотритель будто впервые увидел куклу, сидящую на троне. — Может, и не Десебр. Какая, в сущности, разница? — добавил он вдруг с равнодушием и скукой.

— Десебр был... вот такой. — Тимур изобразил руками и лицом морщины возле рта, мстительно сжатый рот. — Он был старенький, злой и жирный!

— Может быть... — согласился смотритель. — Не нам с тобой судить — изображений Десебра не сохранилось. Вот за Септебра я ручаюсь. Монеты с его физиономией у меня мешка три. Хочешь взглянуть?

Они вошли в комнату смотрителя.

Очкарик снял, покрывая, увесистый мешочек со шкафа, развязал и сыпнул по столу россыпь бронзовых кривоватых монет.

— Ого! — сказал Тимур. — Целое небо с состоит?

— По тем временам — несомненно. — Набрал в пригоршню с десяток монет и показал: — Вот столько стоил взрослый, сильный мужчина. — Чуть-чуть отсыпал: — Вот столько — женщина. — Отсыпал еще: — Вот столько — ребенок твоего возраста. А сейчас все это — хлам, который не дает нам повернуться. И каждый год все тащат, тащат! Да еще денег за это требуют! Судом грозят!

Тимур разглядывал профиль Септебра на монете. Чем-то, вероятней всего, хищным клювом носа, Септебр походил на брата.

Был уже вечер, когда Тимур возвращался домой.

С опять возникшим раздражением, сварливым чувством заглядывал он в окна домов, где шла скучная, обыденная, мутная жизнь:

кто-то кого-то лениво обнимал...

кто-то палкой мешал в баке с кипящим бельем...

кто-то беззвучно с кем-то скандалил...

За грязным, залапанным стеклом ресторанный окна в странном и диком беззвучном танце прыгали люди.

Странно-тревожный был вечер.

Прошел парный патруль с собакой, аж хрипящей на поводке от злобы к людям.

Кто-то кем-то преследуемый, насмерть перепуганный, перемахнул вдруг через забор — в панике ударился бегом вдоль улицы.

Вдруг горестно, навзрыд, отчаянно зарыдала какая-то женщина в глубине темноты.

Тимка озирался все более настороженно.

Станный, странно-тревожный был вечер.

Неожиданно камнем пал в круг фонарного света откуда-то сверху ястреб, смертельно пронзенный всамделишной стрелой. Стал предсмертно биться, трепыхаясь и ползая по кругу.

Хрипая, варварская (совсем такая, как и во время боя зверюшек) музыка ударила вдруг из распахнутого черного подъезда.

Впереди — квартала за два — факелом, как подожженный, вспыхнул вдруг дом.

Мгновенно стали выбегать отовсюду из темноты люди. Их черные силуэты оживленно металась на фоне огромного, яростного пламени, жестикулировали, бестолково суеились.

Одноногий, на костыле, пробежал мимо Тимура — прочь от огня, — преступно оглядываясь на огонь. Заметив Тимку, глядящего на него, вдруг страшно и весело оскалил в улыбке заросший бородой беззубый рот.

Отсветы пламени тревожно играли в глазах Тимки. Он смотрел непонимающе, тревожно, страдая и от тревоги этой, и от непонимания.

На фоне неверного пламени пожара какие-то люди грубо и властно тащили упирающегося человека.

Трещало пламя. Человек кричал что-то отчаянное, последнее: «Будь проклят он! И все семя его! Проклят! Проклят!»

Тимур стоял в начале своей улицы. Улица, мощенная булыжником, криво и круто уходила вниз.

Там, внизу, под единственным фонарем, светящим на их улице, шла драка.

Четверо нападали на одного. В руках у них были длинные то ли палки — сверху не разглядеть, — то ли секиры.

Подвергшийся нападению сражался отчаянно и отважно.

Вот упал один из нападавших.

Вот второй, схватившись за голову, отбежал в сторону, скрючившись от боли.

Но оставшиеся двое теснили несчастного. Он отмахивался от нападающих, спиной прислонившись к фонарному столбу.

Тимур, естественно, был на стороне одиночки. Не зная, чем помочь ему, он тем не менее закричал и побежал по улице вниз.

Внезапно он остановился.

Возле одного из заборов стояла повозка. Чтобы она своим ходом не скатилась вниз по склону улицы, под колеса были положены камни.

Невдалеке, чахлый, догорал костерок.

Тимур, пытая и кряхтя, вытащил из-под колес камня. Налег на передок повозки, и та, вначале медленно, а затем все более ускоряясь, покатила вниз, волоча по земле оглобли.

В повозке кучей лежала солома. Тимур сообразил:

выхватил из чадающего костерка горящий сук и, победив вслед за повозкой, кинул его в солому.

С дребезгом подсакивая на колдобинах, понеслась на дерущихся колымага. Вначале дым мощным шлейфом тянулся за ней, потом вспыхнуло огромное пламя.

Непонятное и устрашающее зрелище представляло это...

Один из нападавших с дикостью во взоре обернулся на это огнь исторгающее чудо-юдо. Что-то прокричал.

Оставив намерение добить свою жертву, нападавшие бросились прочь, подхватив под руку того, кто все еще стоял в сторонке, схватившись за голову, и волоком таща другого, который был, судя по всему, или мертв, или без сознания.

Повозка, не доскакав по колдобинам до фонаря с десятков метров, подпрыгнула на каком-то особенно глубоком ухабе, накренилась и, рассыпая искры, кувырнулась под овражный откос улицы.

Тот, на кого нападали, без сил сполз наземь, спиной опираясь о фонарный столб.

Впрочем, сейчас уже можно было разглядеть, что это вовсе не фонарный столб, а ствол дерева, сквозь густую листву которого светила луна.

Запрокинув голову, хрипло дыша, человек смотрел на луну.

— Дядечка! — осторожно позвал, присев перед ним, Тимур.

У «дядечки» быстро намокала кровью рубаха на плече.

Двумя пальцами мальчик отвернул рубаху.

Под рубахой была кольчуга.

Кольчуга на плече была разрублена страшным, видимо, ударом. Толчками била оттуда кровь.

— Я сейчас «Скорую» вызову! — почему-то вполголоса заговорил мальчик. — Вы слышите, дядечка? Вы живой?

— Не зови никого... — прохрипел человек. — Никто... не должен знать. Сам!

Он попытался встать, но так и остался качаться на коленях, прислонившись здоровым плечом к стволу дерева.

— Ты знаешь Фрида Далмата? Позови его! — сказал наконец раненый после некоторого раздумья. — Только его! «Змея и Роза» — скажи ему...

— Далмата? Моя фамилия Далматов! — Тимур смотрел недоверчиво и пораженно.

— Позови отца... Фрида Далмата... — повторил раненый. — «Змея и Роза» — скажи ему. Он знает...

— У меня нет отца. Он умер.

— Умер?! — с отчаянием вскрикнул незнакомец. — О боги!

Где-то невдалеке раздался неторопливый цокот копыт. Над соседним проулком, за деревьями и заборами, обозначился свет факелов.

— Это собаки Десебра, — сказал раненый. — Нас кто-то предает. Меня уже ждали.

— Вот наш дом! — сказал Тимур. — Мы успеем! Я спрячу вас, если надо.

Раненый с усилием поднялся, придерживаясь за дерево. Тимур подставил ему плечо. Они потихоньку пошли.

В руке, которая не действовала, незнакомец волочил, не выпуская, свое оружие — тонкий острый топорик на длинном черенке.

— Позовешь отца... — снова повторил раненый. — Фрида Далмата, только его. «Змея и Роза» — скажи ему. Он знает.

Похоже, что у него начинался бред.

— У меня отец умер, — повторил Тимур. — Год назад. Утонул. Напился пьяный на свадьбе и утонул.

— Не верь. Они убили его.

Цокот копыт и голоса раздалились совсем уже близко.

Свет факелов и силуэты всадников появились как раз невдалеке от того места, где была схватка.

— Собаки! — прохрипел раненый, оглядываясь на них от калитки.

Тимка не повел его в дом. Открыл дверь подвала, и они стали спускаться ощупью.

Привычным жестом мальчик пошарил по стене возле входа в поисках выключателя, однако выключателя почему-то не было.

— Я принесу огонь... — сказал Тимка в темноте, когда незнакомец со стоном опустился на кучу соломы у стены. — Вы подождите.

И знакомым, и незнакомым показался ему его собственный дом. Расположение комнат, лестниц, окон было прежним. Однако все вокруг было более голым, более бедным, что ли. Стол, возле входа на террасу, стоял на прежнем месте, но стол был какой-то самодельный, грубо сколоченный, и незнакомый кувшин с водой стоял на том столе, освещенный масляным светильником, какого Тимур никогда в глаза не видел.

На террасе его и Георгия постели стояли, как и всегда, но это были не привычные металлические кровати, а деревянные топчаны с набросанной поверху рухлядь. Тимур искал простыни (нужно было что-то для перевязки), но не нашел. Сорвал с гвоздя полотенце.

Шипя и морщась от боли, незнакомец обрывком полотенца, намоченного в кувшине, обмывал рану. Помогивал светильник.

— Где Далмат? Ты сказал отцу, что я жду его?

— Мой отец умер... — терпеливо повторил Тимур. — Мы с мамой живем одни. Вот уже год. — Он напрягся в каком-то раздумье и добавил: — Есть еще брат. Но только он не сможет... помочь.

— Как тебя звать, малыш?

— Тимур.

— Странное имя дал сыну Фрид. Кто-то предает нас, Тимур Далмат. Они убили твоего отца, ты говоришь. Они ждали меня. На площади перед замком на кольях ограда, ты видел, висит человек. Это был наш посланец. Кто-то предает нас.

— Кого «вас»?

Тот посмотрел на мальчика внимательно и грустно.

— Фрид Далмат был так осторожен, что не рассказывал о нас даже родному сыну? Но неужели в Перхлонесе уже не вспоминают о нас — о тех, кто не поклонился головы перед Десебром, кто вот уже шестой год живет жизнью гонимых, кто гибнет сейчас от голода и болезней у ледников Тибериады?! О нас забыли?!

Он застонал, и трудно было в этот момент понять, от чего он стонет: от обиды или от боли, которую он доставил себе, стягивая на плече повязку.

— Пять лет назад Даут Мудрый, единственный законный владыка Перхлонеса, увел нас в горы. Пять лет мы готовили Великий День Возвращения. Вначале казалось, он близок, он все ближе и ближе, этот великий день. Но с недавних пор словно тяжкая немочь поразила войско Даута. Силы тают. Каждый наш замысел становится известен Десебру, люди гибнут, даже не успев обнажить меч. Нас кто-то предает! Так думают все, кроме Мудрого, но старого и слабого Даута... — Незнакомец горько усмехнулся. — Он перестал слушать верных ему друзей. Он слышит лишь один голос. Верно говорят: когда боги хотят лишить разума, они дают старику юную жену.

Тимуру было от всей души жалко этого человека, страдающего не только от раны, но больше того от малоуспешности дела, которое они ведут шестой уже, оказывается, год.

— Нет-нет! — сказал он, стараясь говорить искренно. — О вас помнят! О вас говорят! Просто... это же люди... пять лет ждать — немалый срок.

— Далмат! Малыш! — совсем другим тоном, почти умоляюще заговорил незнакомец, как в лихорадке. —

Беда, страшнее которой и не придумать, угрожает всем! Собаки Десебра — я же сказал, кто-то предаст нас! — разыскали в монастыре преподобного Доминика дочь Даута! Теперь нашему делу конец! Теперешний Даут Мудрый будет покорен любой воле Десебра. Всему конец!

— Я, кажется, видел в монастыре дочь Даута... — нерешительно вспомнил Тимур. — Она со светлыми волосами? Голубые глаза?

— Да, она совсем еще девочка. Даут обожает ее. Ради спасения ее жизни он согласится на все.

Незнакомец откинулся на солому и прикрыл глаза. После паузы заговорил:

— Боюсь, мне не встать уже с этого ложа. Мне не к кому обратиться за помощью, кроме тебя, Тимур Далмат. Ты знаешь дом на Ореховом мысу? Там живет старик Адльбер с тремя сыновьями. Ты скажешь ему: «Змея и Роза». Расскажешь ему об Эрике, дочери Даута. Скажи, не забудь: «Нас кто-то предаст!» Адльбер — последний, кто может что-то сделать. Торопись, Далмат! Страшная беда грозит нашему народу.

Тимур осторожно притворил за собой дверь, выйдя на улицу.

Трудно было понять, «какое нынче на дворе тысячелетие»: в глубине ночи проплывали факелы ночных дозоров... недалеке, из кустов, слышался голос брата и подхихикивание очередной его подружки...

Тимур вышел на берег бухточки.

Возле полурассыпавшейся «амфоры» с цветами было крупно написано на песке: «ТЫ ГДЕ?»

В доме спортбазы окна были темны. Светил лишь один фонарь.

В дальнем конце бухты, на Ореховом мысу, тускло светилось окно в доме старика Адльбера.

Тимур пошел берегом моря в сторону мыса. То и дело путь ему преграждали валуны, осыпи, скалы, выдающиеся в море. Вскоре он устал преодолевать все эти препятствия. Проще и быстрее было переплыть бухточку по прямой.

Он сложил на камне одежду, вошел в тихое море и поплыл, держа направление на дом Адльбера.

Он плыл неторопливо и долго.

Пошатываясь от усталости, вышел наконец на берег.

— «Змея и Роза»... — сказал он себе.

Дверь в дом была не заперта, чуть-чуть приоткрыта. Зловеще и неприятно заныла, когда Тимур отворил ее. Плаксиво и жалобно запищала, затворяясь за его спиной.

Следы ужасающего, ожесточенного поединка были в доме везде.

Опрокинутая мебель, сорванные шторы, вдребезги разбитая посуда...

Он прошел залу, отворил дверь в одну из комнат и едва удержался от крика.

На Тимура глядел, вытаращив остекленные глаза, старик Адльбер, пригвожденный к стене двурогим фаларийским копьем.

Один из сыновей со стрелой в спине полусвисал в окно.

Что-то закапало сверху на Тимура, стоящего под лестницей, ведущей на второй этаж. Он поднял лицо — на лицо его пала кровавая капля.

На площадке лестницы, истекая последней кровью из разваленного саблей горла, лежал второй сын Адльбера. Рука его все еще сжимала короткий перхлонесский меч.

Третий сын лежал на пороге распахнутой задней двери, прислонившись спиной к притолоке. Рука его все еще тянулась к лежащему недалеке боевому топору. Судя по изобилию крови вокруг, он дрался до последнего, и многие нашли свой конец в поединке с ним.

Тишина стояла в доме мертвая.

Лишь трещали босые ступни на клейком от крови полу.

Лишь слышалось взволнованное дыхание мальчика. Лишь шуршало зерно, вытекаая из продырявленного мешка.

Лишь — все медленнее и медленнее — капала с площадки второго этажа кровь одного из Адльберов.

Жалобно и горестно мяуча, выскочил откуда-то обрадованный котенок.

Тимка взял его на руки. Тот сразу же замурчал, благодарно и жадно слизывая кровь с рук мальчика.

Уже совсем рассвело, когда он вновь вышел на крыльцо дома.

Земля перед домом была истоптана копытами лошадей. Раненых и убитых в этом неравном сражении увозили, должно быть, на арбе — отчетливо были видны колесный след и алый пунктир на земле.

Мальчик пошел по следам. Это было не трудно, потому что отряд почти сразу, отъехав от дома Адльбера, свернул на береговую отмель, и на песке следы читались отчетливо.

Он шел, держа котенка на руках, весь все еще мокрый, весь в чужой крови, весь погружен в размышления.

Когда он спохватился и огляделся, следов уже не было.

Было холодно, задувал ветерок с моря. Тимур, в мокрой рубашке, босой, мелко дрожал.

Он нашел свою одежду, оставленную на камне. Прежде чем одеться, без охоты вошел в море — смыть кровь.

Рыбешки со всех сторон торопливо сплывались на запах крови.

— Кис-кис! — позвал он котенка, уже одетый. Котенка нигде не было. Не слишком-то и удивившись, он пошел по берегу бухточки дальше.

Он был измучен событиями этой ночи.

«Амфора» совсем уже разохлась, полурассыпалась. Цветы почернели и усохли.

Он ногой пнул это произведение искусства — словно в сердцах, с пренебрежительностью. Тотчас, впрочем, спохватился.

Быстренько, без особого, однако, тщания, начал лепить новую вазу. Ткнул в нее первые попавшиеся цветочки.

Рядом с ее вопросом: «ТЫ ГДЕ?» написал: «БУДУ».

За спиной мяукнул котенок.

Тимка заулыбался обрадованно.

— Ты что ж это отстаешь? — спросил его почему-то шепотом.

Котенок на руках снова замурчал.

Дома Тимур налил в блюдце молока. Поставил котенку.

Из последних сил добрался до кровати.

Брат богатырски храпел, разбросавши руки в стороны. На груди его поблескивала монетка на цепочке.

Тимур вспомнил про свой амулет. Взял в ладонь, внимательно и тихо рассматривал.

— Это ты кошку в дом притащил? — с неудовольствием спросила мать, когда он сидел за завтраком.

— Кошку?

— Блюдце с молоком ты поставил?

— Ну я...

— А мало я их повыгоняла? У меня же астма на ихнюю шерсть! Вы это можете понять или не можете понять?

— А где он? Котенок-то? Черненький такой с беленьким?

— Не знаю. Блюдце стоит. Молоко стоит. Котенка не видела. Увижу — сразу предупреждаю — выгоню! У меня ж астма! Неужели так трудно понять?!

Дожевывая, Тимур вышел после завтрака на лестницу. Взгляд его тотчас устремился на дверь подвала.

Дождавшись, когда мать скроется в глубине сада, Тимур быстро скатился по лестнице и нырнул в подвал.

Никого не было.

Но кувшин стоял там же, где стоял и ночью. А рядом с ним — нет, не масляный светильник — керосиновая лампа. И — коробок спичек.

На груди соломы явственно виднелся след от грузного тела.

Тимур низко нагнулся к земляному полу, отчетливо увидел: густеющая лужица крови и алые капли, ведущие от ступеней лестницы к месту, где лежал ночной гость.

Сандра с искренним удовольствием, весело расходоталась, выслушав рассказ Тимки. Посмотрела на него с неким даже уважением.

— Эх! Тебя бы к нам в комнату затащить! С тобой не соскучишься. Мы вечером истории — кто пострашнее — рассказываем. Ты бы имел у нас большой сексес.

Тимур застенялся чуть ли не до слез.

— Это ж не «истории»! В том-то и дело! Это вроде как на самом деле со мной, понимаешь? Но только — тогда! Понимаешь?

Она посмотрела на него из-за плеча — опять тем самым взглядом той самой маленькой монахини. И опять Тимур поразился: до чего же похожа!

— А у тебя, может, это?.. — Сандра сделала неопределенный жест около головы. — Может, крышка набекрень поехала?

— Может... — печально и просто согласился Тимка.

Жалобно и отчаянно мяукая, из высокой травы выкарабкался на берег котенок — черный с белым.

— Ну вот! Видишь? — возликовал Тимур. — Я ж говорил тебе! Он в доме старика этого... Адльбера... ко мне пристал! Я ж говорил тебе! Я его домой принес. Утром проснулся — нет! Думал, привиделось, а он — вот он!

Сандра котенком восхитилась.

— Кис-кис! Дай мне его! Ну, Тимочка! Ну, миленький! Дай мне его!

Тимка зарумянился от смущения при слове «миленький».

— Бери, — сказал он, делая равнодушный вид. — Только, если пропадет, я не виноват. Он же оттуда. А ты здесь.

— Кисанька! Лапонька! — не слушая Тимура, сюсюкала Сандра. — А нам, скажи, все равно, откуда мы... Нам, скажи, главненькое, чтобы молочко было, чтобы котлеточка вкусненькая! Правда, Тимочка? Я его Тимочкой назову, не возражаешь? — Она подняла лукавые глаза на Тимура.

— Шенка принесу, вот такого бульдога, — он скорчил рожу, — Сандрой назову, не возражаешь?

— Ой, обиделся! — восхитилась Сандра. — Он, честное слово, обиделся! Тимочка! Ну, не буду! Я его... Мурзила назову, можно?

— Можно... — разнеженный ее словами и интонациями, отвечал Тимур.

— Матка бозка! — вскричала Сандра, глянув на море. — Я с твоими сказками девчонок проворонила! Что бу-удет! Чего наврать-то? А? — От нетерпения она даже задргала ногой. — Ну, посоветуй скорей! У тебя получается! — Тут же сама придумала: — Во! Скажу, котенка спасала!

Тимка смотрел на нее, уже страдая от неминуемости расставания.

— Ты вот не веришь... Приплывай лучше вечером, мы вместе к нему в подвал спустимся. Сама убедишься, «сказки» я сочиняю или правду говорю.

— Тимочка! — сказала она с ужасно взрослой интонацией. — У нас ведь режим. Лилька Белобородова после отбоя тоже вот на дискотеку сбегала — на следующий день домой отправили! Вот так-то. Потом, Тимочка, как-нибудь! Может, получится. Ну, пока! Мурзила! Только не царапаться!

И, держа котенка в высоко поднятой руке, она вошла в воду и поплыла через бухточку.

Смотритель музея чрезвычайно аппетитно ел помидоры с черным хлебом, с удовольствием запивая все это чем-то, весьма похожим на вино, которое он наливал из большого, с петухами, заварного чайника.

— Не думал, не думал... Приятно удивлен тем, как Аркадий Иванович дает вам историю. Даута этого Мудрого (не шибко-то, честно говоря, мудрого) в исторический обиход ввели лет пять — семь назад — после наших раскопок в Тибериадском заповеднике. Так... был царек как царек... правил себе спокойно, а тут — Десебр! Раньше здесь глухомань была, деревня. Из каменных построек — только замок да монастырь. Все остальное — глина, саман. По улицам куры бродили, индюшки. Люди рыбку ловили, в земле ковырялись. Царя почитали, своим богам молились. А тут — трах-тарарах! — галеоны к берегу причаливают, латники Десебра ббшки начинают рубить направо и налево! Женщин за волосы волокут! Кошмар! У Даута-то и войска путевого не было — так, с полсотни всадников, налоги выколачивать. Он, ясное дело, ноги в руки, казну в мешок — и в горы! В Тибериаде деревенька была пастушеская — Кумрат, — там он и стал отсиживаться.

Смотритель вновь налил из чайника в кружку, с удовольствием вкусил.

— Почему вы все время говорите «Даут», «Даут»? Его звали Даут, — неожиданно сказал Тимур.

Смотритель едва не поперхнулся. Однако ничего не сказал, только с вниманием и некоторой даже уважительностью посмотрел на мальчика.

— Да-с... — продолжил он. — Так они и жили. Десебр — на побережье, Даут, или, если угодно, Даут, — в Кумрате. Десебр наложи драл с приморских, а Даут — с горских. Друг другу не мешали. Да и не трогали друг друга.

— Но как же так?! — не согласился Тимур с пылкостью, удивительной для такого мирного разговора. — Ведь Даут какую-то борьбу вел! «Великий День Возвращения» они ведь готовили!

— Ну Аркадий Иванович... — про себя восхитился смотритель. — «Великий День Возвращения» они действительно готовили. Но только не Даут Мудрый и не его придворные (они дрожали себе от страха и холода на границе ледников и об одном только думали, чтобы Десебр пореже вспоминал о них). Но сопротивление, ты прав, какое-то было. Мудрено, если бы не было. Десебр, я говорил тебе, был правитель злобный, неум-

ный, кровь проливать любил. За малейшее неповиновение жег, головы рубил, целыми деревнями казнил! Целыми деревнями Мельхупу — соседу своему заморскому — в рабство продавал! И денежки живые, и в Перхлонесе спокойнее. Так что сопротивление было, конечно. Перхлонесцы славились как мужики смиренные, но страшные, если их разозлить. За первый год «освоения» (так это называлось) Десебр потерял здесь три сотни латников — такого за всю историю Фаларии не было. Не зря Септебр каждый месяц его посланиями своими дергал. Только Даут к сопротивлению этому никак не причастен. Под его руку тысячами приходили! А он их назад отправлял. Он, вишь ли, мир проповедовал. С убийцами.

Даут для Десебра не опасен был. Опять же был у него свой человек в окружении царя — я недавно на любопытнейшие документы наткнулся, статечку в «Исторический вестник» готовлю... Так что Десебр и тут был наверху: прекрасно знал, кто к Дауту приходил, кто новыми порядками не доволен, и бил глупых, доверчивых перхлонесцев поодиночке!

— Кто? — взволнованно спросил Тимур. — А кто он был — этот... который предавал?

— Ну... Об этом, пожалуй, рано с определенностью говорить. Хорошо ли будет, согласишься, если я честную женщину, пусть и через много веков, без должных оснований очерню? Вдруг это совсем не она, а какой-нибудь неведомый мне человек, писаришка какой-нибудь серенький, или евнух гаремный, или виночерпий? Хотя... — Тут смотритель вдохновенно поднял глаза к потолку. — Чувствую я, что не ошибаюсь!

— Кто она? — настойчиво спросил Тимур. — Это ж очень важно!

Смотритель был, кажется, несколько удивлен настойчивым, кровным интересом, который он слышал в вопросах мальчика. С нескрываемым любопытством поглядел на него.

— Там же люди! — не унимался Тимур. — Пытаются что-то сделать. Погибают. А их кто-то предает! Предавал... — поправился он поспешно, почувствовав, что проговаривается.

Смотритель, с еще более внимательным интересом глядя в лицо мальчика, снова взялся за чайник. Стал наливать в кружку вино.

Струя падала в кружку медленно. Звук льющейся жидкости казался странно чрезмерным.

У Тимки словно бы дернулось все перед глазами.

Он увидел почти вплотную к глазам пыльный бархат портьеры, изъеденной молью, выцветшей. Осторожно отвел портьеру в сторону.

Под ним был камнем мощный дворик, обнесенный каменной же стеной, густо увитой виноградом и плющом.

В тени пальмы возлежал в кресле Десебр, изнывающий от жары, едва лишь прикрывший белой тогой старческую дряблую наготу.

Возле него маялся на самом солнцепеке ближайший советник — широкий, мясистый, кривоногий, плохо бритый.

— Что еще тебе, Януар?

Десебр отпивал из кубка напиток, в котором звякали льдышки.

Януар смотрел с мукой и завистью.

— ...сказав, что ты великий полководец, чтимый из чтимых, что ты мудрейший управитель, что ты читаешь в сердцах своих подданных, как по написанному в пергаменте, — сказав это, я не скажу ничего нового... — Януар вытер пот, обильно катящийся по его лицу. — Однако позволь сказать и другую правду, чтимый из чтимых?

— Ну-ну... — Десебр слегка оживился. — Ты не бо-

ишься, что правда, высказанная тирану, особенно в час полуденного зноя, может оказаться последней правдой, изреченной тобой? Не верь, Януар, тиранам, которые признаются в любви к Правде.

— Ты не тиран, и потому позволь!

— Я предупредил... — хмыкнул Десебр.

— Ты плохой торговец, чтимый из чтимых!

— Объясни, — кратко и без удовольствия сказал Десебр.

— Стараниями верных тебе людей мы вызнали, где скрывают дочь Даута — она у тебя в руках. Это — богатство, Десебр, прямо с небес свалившееся тебе. Но я не поверил своему слуху, когда узнал, как ты решил распорядиться этим богатством. Это правда, что ты хочешь тысячу воинов и двенадцать больших кошельков за Эрику, дочь Даута? Если так, то ты плохой торговец, чтимый из чтимых. Вот моя правда.

— Как предлагаешь распорядиться этой девчонкой ты?

— По прямому назначению, чтимый из чтимых. Ты будешь полновластным владельцем всех богатств Перхлонеса.

Десебр криво усмехнулся:

— Велики богатства...

— Ты будешь иметь под своим началом всех воинов Перхлонеса, ты будешь править самой тихой и мирной провинцией Фаларии, если...

— Если?

— ...если сумеешь выдать замуж дочь царя Даута за... Десебра, самого чтимого из чтимых во всей солнцеподобной Фаларии!

Десебр задумчиво позвякивал льдышками в кубке.

— На! Смочи горло! — Десебр не глядя протянул кубок. — Мне нравится, что произносит твой пересохший язык. Но — Даут? Впрочем...

— Ты прав. Даут стар и болен, и стараниями юной Детры не видно конца его болезням. Печальный исход может наступить во всякую ночь.

— Но девчонка, мне доносили, строптива.

— Девчонка строптива, это так. И ты прав, полагая, что лучше бы иметь ее согласие на свадьбу. Перхлонес смирится с Десебром на троне только при условии совершенно добровольного согласия ее на брак.

— То-то и оно... — пробормотал Десебр, оглядывая свое дряблое тело.

Тут советник и выложил свой главный козырь.

— Не обижай недоверием лекаря своего, многому-дрого Атилли Лавениуса, — сказал он тихо и со значением. — В его келье много, о-очень много склянок с настоями самых разнообразных свойств. Есть (он хвалился мне) и такие, что превращают строптивых дев в тихих и влюбленных невест.

Десебр крикнул с непонятной досадой.

— Ты видел ее?

— О да! Это еще не роза, но это будет прекраснейшая из роз!

— Я обдумую твои слова, Януар. Завтра к вечеру позову. Приготовь все на тот случай, если я соглашусь. Мне, пожалуй, одно не нравится. Не окажусь ли я сам в положении старого болтливового Даута, чьи кости греет по ночам наша златокудрая и хитромудрая Детра?

Тимур вздрогнул и оглянулся.

Какое-то движение ему почудилось среди зелени, увившей соседний балкон. Он пристально вгляделся и наконец заметил горбуна, который, так же, как и Тимур, располагался послушать разговоры двух самых могущественных людей Перхлонеса.

Беседа, однако, уже завершилась.

— Что-то еще важное? Ты утомил меня сегодня.

— Почти ничего, чтимый. Разорено гнездо заговорщиков на Ореховом мысу... Два галеона с женщинами

и детьми благополучно достигли Дакры — Мельхуп посылает тебе приветы... Люди тупицы Юлиания упустили из-под самого носа важного, судя по всему, гонца из Кумрата... В минувшую ночь в Перхлонесе было спокойно, если не считать драки между латниками когорты Априла и когорты Кривого Десебра... Эрика, дочь Даута, от пищи отказалась. Ничего важного больше.

— Иди.

Януар с нескрываемым облегчением выдохнул, обер ладонью мокрую лысину, вразвалку пошел прочь.

Тимур повернулся уходить с балкона, сделал шаг, другой, и — и голова его вдруг оказалась прижатой к стене между лезвиями двурогого фаларийского копия.

Перед ним стоял тот самый горбун.

— По чьему наущению слушаешь, собака?

Тимка, не на шутку испугавшись, глядел молча.

— Я тебя не видел в замке. Ты кто? Имя?

— Далмат... — начал Тимур и тут же поправился: — Далмат!

— Твой отец...

— Фрид Далмат! — торопливо и с готовностью под- сказал Тимур.

— Ты живешь...

— ...возле Зеленой бухты, сразу за сторожевой башней! — И вдруг, словно бы по наитию, словно бы бросаясь в холодную воду, выпалил:

— «Змея и Роза»!

— Зачем ты здесь? — понизив голос, сказал горбун, но, не дожидаясь ответа, тотчас заторопил: — Иди за мной! Опасно! Время караульного обхода!

Торопливо они пошли по коридорам, спускаясь по лестницам все ниже и ниже, и оказались наконец в огромном подвале, заставленном множеством винных бочек.

— Сядь! — приказал горбун. — Откуда тебе известны эти слова? Я тебя никогда не видел.

— «Змея и Роза»? Раненый. Он шел в дом Фрида Далмата. В наш дом. На него напали... Собаки Десебра. Он в нашем доме, в подвале. Он послал меня на Ореховый мыс, к этому... к Адльберу. Я должен был сказать: «Змея и Роза». Я должен был сказать: «Эрику схватили». Я должен был сказать: «Нас кто-то преда- ет...»

— Ты сказал?

— Нет. В доме никого не было. Я хочу сказать, в живых никого не было. Один только котенок. Старик и три его сына... много крови...

— «Нас кто-то предает...» — повторил горбун. — Многие говорят: «Нас кто-то предает...» Что слышал ты там, на балконе?

— Этот... черный, лысый...

— Януар, — сказал горбун.

— Да, Януар. Он уговаривал Десебра взять в жены дочь Даута. Чтобы смирить Перхлонес. Чтобы стать владельцем всех богатств Перхлонеса. Чтобы стать во главе всех воинов Перхлонеса.

— А Даут? При живом Дауте... — удивился горбун.

— «Он стар и болен. Печальный исход может наступить во всякую ночь» — так было сказано.

Горбун вдруг рассмеялся:

— О! Они не знают Эрику!

— «У придворного лекаря в келье много склянок с настоями самого разнообразного свойства. Есть и такие, что превращают строптивых дев в тихих и влюбленных невест». Так было сказано.

Горбун уронил голову и прошипел сквозь зубы:

— О, желчь змеи! Только тебе, Януар, могло такое прийти в голову!

— Десебр скажет свое решение только завтра к вечеру. — Тимур сказал это с сочувствием, обнадеживающе. — Время еще есть.

— День — ночь — день. Нас мало осталось в городе. У нас нет денег, чтобы попробовать подкупить стражу. Я один в замке!

— Нас двое, — сказал Тимур.

— Тот, кого ты прячешь в подвале, он тяжело ранен?

— Он сказал, что он уже не встанет.

— О боги! — Горбун заметался по подвалу. — Беги к нему! Если он жив... может быть, есть еще кто-то, кому можно сообщить? Мне нет ходу из замка. Все, что я смогу, — узнать, где они держат Эрику. Как ты вошел сюда?

— Я... я не знаю.

— В следующий раз пойдешь здесь!

Горбун отворил потайную дверь за бочками. За распахнутой дверью открылись возделанная долина Перхлонеса и синие горы вдаль.

— Пойдем!

Мальчик шагнул следом за горбуном за пределы замка и в ужасе замер.

Сразу под стеной замка был ров, в котором во множестве бегали зверолюди. Хрипели, скалили пасти, роняя слюну, повизгивали от злобного нетерпения.

— Не бойся... — Горбун извлек дудочку. — Их взяли детьми из Цахской долины.

Заиграл на дудочке простенький мотив. Зверолюди замерли, очарованные.

— Это колыбельная... — сказал, оторвавшись на мгновение от игры, горбун. — Колыбельная, которую поют матери в селах Цахской долины. Они все еще помнят свою колыбельную. Иди!

Горбун продолжал играть. Зверолюди вели себя, как ласковые кошки, норовили потереться о ноги Тимура, пока он перебирался через ров с помощью короткой лестницы.

Едва горбун кончил играть, зверолюди, возмущенно и яростно взыв, бросились на стену рва, вслед за Тимуром.

— Лови! — Горбун бросил дудочку Тимке.

— Я не сумею! — отчаянно крикнул мальчик, но горбун уже закрывал дверь.

...Смотритель, с внимательным интересом глядя на Тимура, наливал в кружку вино из чайника. Прошло, судя по всему, секунды две.

Тимур ошалело огляделся.

По-прежнему вокруг него была комнатка смотрителя в музее. Груды экспонатов, таблицы какие-то, муляжи, горой сваленные ржавые латы, черепки, шлемы.

На шкафчике, там же, где и раньше, лежали полотняные мешочки с монетами. Тимур задумчиво задержал на них взгляд.

— Детра... — спросил он слегка охрипшим голосом. — Кто такая была Детра?

Смотритель ошарашенно откинулся на спинку стула, будто бы его отшвырнуло.

В глазах его нечто вроде опаски нарисовалось. Он смотрел на Тимура пораженно.

— У тебя... — спросил он косноязычно, — давно... вот это? — И показал возле головы.

— Что? — Тимка потрогал голову.

— Посмотри в зеркало.

Тимур встал, подошел к зеркалу, висевшему на стене.

В темных его волосах отчетливо серебрилась седина.

Тимка послушав палец, попытался оттереть. Ничего, понятно, не получилось из этого.

— Не знаю, — легкомысленно пожал он плечами. — Может, и давно. Не замечал.

Вернулся к столу и, едва лишь усевшись на прежнее место, спросил: — Детра... Кто такая была Детра?

— Откуда ты знаешь?... — почти испуганно спросил смотритель. — Откуда ты можешь знать о ней?

— Не знаю.

— Ты понимаешь? — Глаза смотрителя прямо-таки бегали по лицу Тимура, высматривали, ощупывали, проникали. — Ты понимаешь, что я единственный, кто знает это имя! Я сам — вот этими руками — я единственный вынимал из раскопа свитки канцелярии Януария!

— Януара, — поправил Тимур.

Тот на мгновение опять замолк.

— Никто, кроме меня, не читал эти свитки! Ты можешь это понять?

— Не-а... — с некоторым даже нахальством отозвался Тимур.

— Где ты вычитал про Детру? — Казалось, еще немного, и смотритель набросится на мальчишку с кулаками.

— Если б я читал, я разве бы спрашивал вас про нее? — наивно поглядел Тимур.

— Откуда ж ты знаешь?! Черт тебя подери!

— Да не знаю я ничего, дядечка! Что вы на меня орете? Ну ладно. Скажу. Меня недавно электричеством шарахнуло... Ну, я после этого маленько и чокнулся. Мне сны снятся. Будто я там. И Десебр, и Януар этот кривоногий, лысый... ну и все остальное. Они про Детру говорили. «Златокудрая, многомудрая...» Это она предает?

Не в силах ответить, смотритель просто кивнул, пытаясь проглотить комок в горле.

— Вот и все. Только вы, пожалуйста, никому не говорите. Приятно, что ли, если все будут знать?

— П-п-потрясающе! Это ни в какие ворота не лезет, но это потрясающе! Ты знаешь, парень, что мы можем с тобой сотворить? Мы докторскую можем! Да это ж как дважды два! Если, конечно, ты не врешь.

— Мне докторскую ни к чему. Вам — докторская, а там — старика с сыновьями... — Он передернулся от воспоминания. — Эрику за Десебра собираются замуж выдавать.

— Дочь Даута Мудрого? За Десебра?

— Даута, — машинально поправил Тимур. — За Десебра... А что, свадьбы не было? — спросил он с интересом и надеждой.

— П-первый раз слышу. Ни в каких источниках ничего подобного.

— Ф-фу! Уже легче! — сказал облегченно Тимур. — Да только надеяться на это... А насчет Детры... Кто она была?

— Вроде бы дочь какого-то военачальника у Даута. У Даута, — виновато поправился смотритель. — Вращалась в верхах.

— «Вращалась»... — пренебрежительно усмехнулся Тимка. — Она эта была... Кости ему по ночам грела, Дауту.

Смотритель возликовал, озаренный:

— Конечно! А я-то бился: откуда такая осведомленность? Ну, конечно, он же вдовствовал уже пять лет... И конечно же...

— И никакая она не дочь военачальника! Они ее называли «наша златокудрая и хитромудрая»!

— Поразительно, как все становится на свои места, — ошарашенно проговорил смотритель. — Я голову ломал, почему все донесения из Кумрата написаны по-фаларийски. Новый язык, язык завоевателей, кто в захолустном Перхлонесе мог знать столь совершенное? Я, честно-то говоря, почему именно на нее думал? Во-первых, писала, без сомнения, женщина: «я слышала», «я вынуждена была...» Во-вторых, подпись. Да ты сам посмотри!

Он достал папку из стола, из папки — потемневший свиток телячьей тонкой кожи:

— Видишь? Вместо подписи — рисунок чайки. А по-фаларийски «чайка» — это «детра». А имя Детры несколько раз упоминается в хрониках Кумрата — с превосходными, как правило, степенями.

— О чем здесь? — Тимур показал на свиток.

— Одно из пяти донесений, которые я откопал в библиотеке Перхлонеса. «Человеку, вручившему это, верь... Приходил гонец из Цаха, просит Даута принять под крыло семь десятков юношей, конных и пеших. Приходил из города рыбак Далмат, просит денег и копий и мечей для трех десятков воинов, кои тайком готовят неповиновенье чтимому из чтимых».

— Далмат? — потрясенно повторил Тимур.

— Что? Да, Далмат. «...приходил рыбак Далмат, просит...» Далее. «Слово у них «Змея и Роза». Дауту сказала, не торопи. Даут не будет торопиться, пока я в Кумрате. Человеку, вручившему это, верь, но пусть больше не приходит. Больше одного раза пусть не приходят. А слово пусть будет: «Роза и Змея», два раза».

— Во гадина! — не удержался Тимур. — Ну, я ей что-нибудь устрою!

— Только очень-очень осторожно надо... — сказал смотритель и тотчас словно бы спохватился. — Чует мое сердце, в психушке мы с тобой будем лежать в одной палате. — Увидел оскорбленное лицо Тимура и тут же спохватился: — Да ты не обижайся! Я тебе верю, верю. Просто очень уж трудно в такое поверить.

Он вышел из комнатки в зал, сказал оттуда в раскрытую дверь:

— Пойдем-ка, конец рабочего дня уже...

Тимур откликнулся:

— Сейчас! — Быстро подскочил к окну и расстегнул шпингалеты на раме. Не торопясь, пошел следом за смотрителем.

Он сидел на берегу бухточки возле «их» с Сандрой места.

На отмели возле опять разошедшей «вазы» было написано: «После отбоя. Жди».

Он глядел на надпись, на «вазу». Потом поднялся и мокрым песком стал подновлять сооружение. Принес новых цветочков.

Опять сел. Что-то упиралось ему в бок. Тимур сунулся в карман и с удивлением обнаружил там дудочку, брошенную ему горбуном.

Рассмотрел как следует музыкальный сей инструмент, стал извлекать звуки. Звуки извлекались диковатые — ничего похожего на ту простенькую мелодию, которой усмирал зверочеловеков горбун из замка.

Он попробовал вспомнить и насвистеть самому себе ту песенку.

Стал, ужасно спотыкаясь, не всклад не в лад, подбирать мелодию.

Это оказалось не такое уж простое, но увлекательное занятие.

Он пытался подобрать колыбельную даже на ходу, когда опять направлялся в город.

Мелодия уже почти получалась, и Тимур все увереннее перебирал пальцами по отверствиям дудки.

Странно воздействовала эта песенка на людей:

— дебелая тетка, озлобленно кричавшая детям из окна своего дома, вдруг ошеломленно смолкла, стала растерянно и растроганно озираться вокруг...

— усагий торгаш на рынке, высыпав покупательнице меру картошки в сумку, вдруг воздел к небу глаза, словно бы отыскивая что-то долгожданное, му-

чительно жданное, чего встретить уже не надеялся, отмахнулся от денег, протягиваемых ему, как от досадной помехи...

— милиционер, тащивший нарушителя, заломив ему руку, вдруг отпустил руку, не понимая, что с ним происходит и почему. Нарушитель между тем и не подумал скрываться — остался стоять, дружески прислонившись к плечу блюстителя порядка...

Не на всех действовала эта чудодейственная мелодия — должно быть, только на тех, чьи предки были из Цахской долины, — большинство народа по-прежнему было занято грубой повседневностью.

Он подошел к «Анастасии», стоявшей у причала. Из кубрика доносились пьяноватые голоса, среди них и женские, звон стаканов, орал магнитофон.

Тимур дождался, когда внизу не будет никого, и, балансируя руками, пошел по толстому суку к стене музея.

Сук пружинил, но почти не сгибался под тяжестью мальчика.

Достигнув окна, Тимур толкнул раму и полез внутрь.

Он не заметил, как разомкнулись клеммы сигнализации, укрепленные на стекле и на неподвижной части рам.

В отделении милиции на пульте сработала сигнализация: замигала лампа, гугниво заголосил зуммер.

Тимур, руками ощупывая мебель, натываясь в темноте на стулья, двигался по комнате.

Первым делом он выдвинул ящик письменного сто-

Тимка поглядел через стекло: голые ноги девок, бутылки, дым...

Наивный, он решил сыграть и им. Однако дудочка явно не могла быть услышанной в магнитофонном рок-грохоте.

Георгий заметил его. Вылез из рубки.

— Чего? — спросил с тревогой.

— Ничего, — ответил брат, пожав плечами.

— Это что это у тебя? — Георгий пренебрежительно взял дудочку в руки, повертел, равнодушно вернул.

— Ты чего пришел? — спросил он снова.

— Да просто так. Мимо шел.

— А-а... — облегченно вздохнул Георгий. Он ждал каких-то неприятностей. — А здесь, понимаешь, из «ВЦСПС» — та-акие заводные девки! Ну, иди-иди! Нечего тебе тут...

Тимур пошел и опять воспроизвел мелодию, которую разучивал. В рубке была почему-то в этот момент тишина. И вдруг Тимка услышал, как в голос, очень горестно, хоть и пьяно, зарыдала какая-то девка. Наверное, не все тут были из санатория ВЦСПС.

Тимур сидел среди ветвей гигантского каштана и ждал, когда внизу, на улице, пройдет парный патруль.

Тимур сидел среди ветвей.

Ветвь каштана упиралась в стену краеведческого музея, как раз под окном комнатки смотрителя.

Был уже вечер. Улица, куда выходило окно комнаты смотрителя, была боковая: народу проходило мало, машины проезжали редко.

ла, достал папку и взял свиток, лежавший сверху. Сунул за пазуху.

Потом подставил стул и стянул со шкафа один из мешков с перхлонесскими монетами.

Выглянул в окно, собираясь вылезти, и замер: внизу, помаргивая проблесковым огнем, стояла патрульная милицмейская машина.

Он выскочил в зал, подкрался к лестнице.

Силуэт милиционера отчетливо читался на матовом стекле старинной двери музея.

Тимур понял, что он в ловушке.

Смотритель, торопливо натягивая пиджак, вышел в сопровождении милиционера из подъезда дома, сел в машину. Машина рванула, тотчас начав завывать сиреной и тревожно мигая фонарем на крыше.

Тимур подергал дверь черного хода. Закрыто.

Опять выглянул в окно. Машина стояла на прежнем месте, и по-прежнему работала мигалка. Но людей не было видно.

Снизу донеслось громкое бряцанье отпираемых замков. Тимур заметался.

Деваться было некуда, и он стал выбирать тем же путем, каким и проник в музей.

Он двигался как можно более осторожно.

Машина мигала фонарем в двух метрах под ним. Если бы тихонько удалось спуститься, он, пожалуй, смог бы незамеченным исчезнуть с места преступления.

Однако «потихоньку» не получилось: сук, за который он схватился, собираясь сползти по стволу, оказался трухлявым. Раздался треск.

Тимур с оглушительным грохотом брякнулся на крышу «газика».

Милиционер, сидевший за рулем, пригнул голову, стал рвать пистолет из кобуры.

Крыша, спружинив, отбросила Тимку далеко в сторону.

— Стой! — заорал милиционер, пытаясь распахнуть заклинившую дверь.

Тимка поднялся и бросился наутек, прихрамывая и слегка заваливаясь набок. Сандалии его издавали в тишине улицы оглушительную чечеточную дробь.

Из мешка, прорвавшегося при падении, нечасто сыпались монеты.

Заработали милицейские рации.

Вдруг простенькая колыбельная мелодия зазвучала в ночи.

Усатый разнеженно улыбнулся, глаза возвел к небу, внимая этим дорогим сердцу звукам.

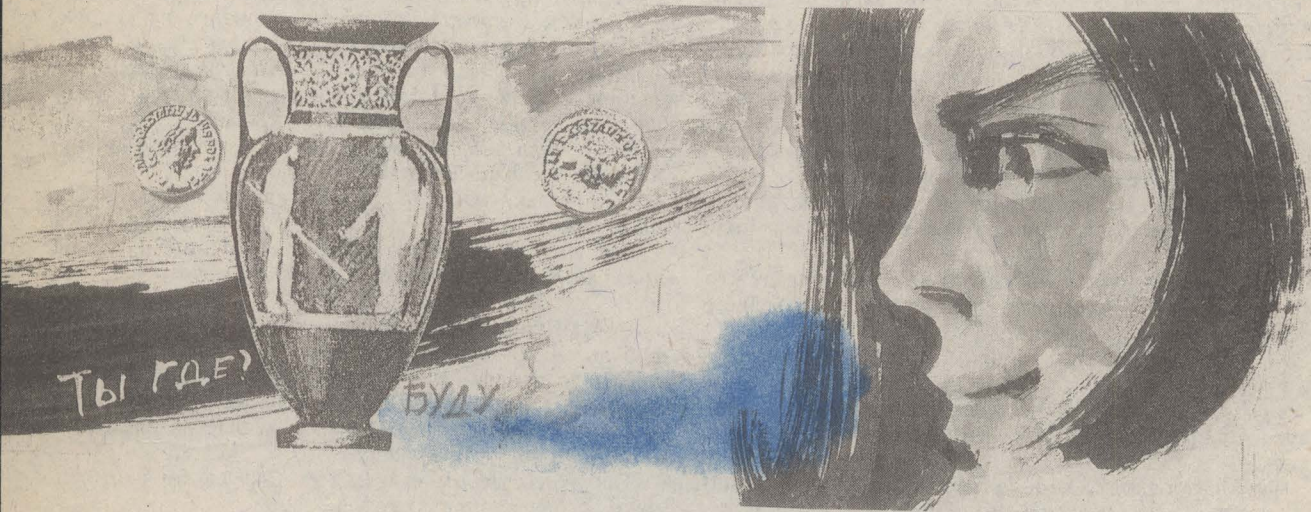
Мелодия все звучала и звучала: ее источник, казалось, потихонечку перемещается в темноте.

Усатый стоял, вольготно привалившись спиной к стволу дерева, глаза его смотрели вдаль и ввысь. Обильные слезы текли по растроганному лицу, застревали в усах.

Тимур, на цыпочках ступая, прокрался поодаль от него — юркнул в проулок. В фонарном свете осталась поблескивать кривоватая монета.

Вздохнув, усатый очнулся от наваждения. Вытер слезы с лица, светло заулыбался.

Затем, спохватившись, вновь бдительно и сурово устремил взгляд в темень перед собой.

Сосредоточенно пыхтя, водитель «газика» устремился вслед за Тимкой.

Другие милицейские машины стали стягиваться к центру города, блокируя район музея.

Несколько раз Тимур вынужден был давать задний ход, обнаруживая, что улицы, переулки и лазы, которыми он хотел воспользоваться для бегства, уже перекрыты милицией.

Смотритель музея задумчиво рассматривал раскрытую папку на столе, перебирая свитки, лежащие там. Свитков было теперь не пять, а четыре.

Затем он поднял голову и обнаружил, что на шкафчике вроде не хватает одного мешка с монетами. Встал на стул, пересчитал — так и есть.

Дознаватель с блокнотом в руке смотрел на него ожидающе.

— Здесь тоже ничего не тронато, — сказал смотритель. — Должно быть, похитителя вы спугнули. Все на месте!

Милиционер, по виду типичный цахец (черная кудлатая шевелюра, туповатый взгляд и длинные штопором усы), стоял на вверенном ему посту, перекрывая узкий проулок, круто уходящий к морю.

Тимур глядел на него, затаившись в тени кустов.

Длинноусый милиционер бдительно оглядывал пространство перед собой.

Тимка, воровато озираясь, запрятал мешок в копенку сена возле дома.

...Он сидел на берегу бухточки и смотрел на другой ее берег, где светились окошки спортбазы, двигались тени, слышались голоса.

Погасло одно окно, второе... Разом вырубили свет в коридоре.

Тимур ждал.

Послышался едва слышный плеск, и он наконец увидел, что бухточку пересекает что-то светлое: Сандра плыла, держа над головой одежду.

— Ты здесь? — шепотом позвала она в темноту, боязливо выходя на берег.

Тимур не сумел сразу отозваться — у него перехватило дух. В звездном свете тело Сандры, вышедшей из моря, серебристо сияло.

Он покашлял. Она с облегчением вздохнула:

— Ты здесь? Ну, слава Богу!

Подошла к нему, и он встал.

— Х-холодно... — сказала она жалобно.

— На! Я полотенце принес! — Он вытащил руку из-за спины и протянул.

— Ты прелесть, Тимочка! — наговаривала она, растираясь полотенцем. — Т-т-так-кой заботливый... Прямо пр-релесть! Х-холодно!

Она прижала руки к груди и вдруг прильнула к нему.

— П-п-по-греться! Никогда не думала, что море такое холодное бывает.

Тимка, очоленев от стеснения, коряво и неумело,

боязливо обозначил объятия. Они так постояли немного, молчаливо и затаенно.

Она аккуратно высвободилась из его рук.

— Ты не поворачивайся, обещаешь? Я купальник выжму.

Тимур смотрел в темноту вытаращенными от напряжения глазами, лицо его тупо закаменело. За спиной Сандра выжимала купальник, слышно было, как журчит вода.

— Ну вот! — Она возникла перед ним, уже одетая. — Теперь не замерзну! Пойдем?

— Куда?

— Ка-ак?! Ты же обещал! В подвал! Или ты наврал мне все?!

— А-а... — вспомнил, с трудом возвращаясь, Тимка.

— ...А Мурзила твой — точно! — какой-то не такой. Мы ему сгущеночки развели, котлет с обеда притащили — он поел. А потом мы на кросс пошли, в чулан его заперли, чтобы мадам Карабас не увидела. Пришли — нет Мурзилы! А чулан был заперт.

— Появится... Может, у него мамка там осталась? Соскучился. Решил навестить.

— Я первый раз тут ночью... — шепотом сказала Сандра и вдруг очень женским движением взяла Тимку под руку. — Страшненько! — хихикнула она.

Они прошли несколько шагов, и она заметила:

— А ты чего дрожишь? Тоже замерз? Или тоже боишься?

— Ну да! — обиделся Тимка, и в ту же секунду что-то непонятное с шипением и бойцовским воплем вылетело к ним прямо под ноги.

— Ой! — взвизгнула Сандра и спряталась лицом в грудь Тимке.

Грозно растопорщившись, на тропинке стоял, выгнув спину, котенок. Глаза его фосфорически светились.

Тимка продлил, сколько можно было, ситуацию, потом пальцем постучал ее по плечу.

— Я же говорил: объявится. Это ж Мурзила твой.

Она недоверчиво поглядела, сразу же развеселилась:

— Мурзила! Ну-ка, иди сюда, негодник! Кис-кис-кис!

Взяла на руки. Тот все еще косил глазами на кусты.

— Кто-то напугал тебя, бедненький!

Возле дома Тимка услышал осторожный призывный свист.

Они остановились.

Из тени выступил Георгий, поманил его.

— Менты приходили. Расспрашивали, где я был, где ты. Ты чего натворил?

— Ничего не натворил, — твердо соврал Тимка.

— Точно? Я сказал, что ты весь вечер дома сидел. Только перед их приходом — они в девять с минутами были — на море пошел. Ты в бухте, я сказал, прикармливаешь. Понял?

— Понял.

— Чего натворил?

— Ничего не натворил.

— А девчонка откуда?

— Тебе-то что?

— Да не бойся! Не отобью, — хмыкнул Георгий. — У меня своих хватает.

— Они что-нибудь искали?

— Не понял. По дому походили. В подвал заглянули, в сарай.

— В подвал?

— А у тебя что? Что-то в подвале?

— То же, что у тебя!

— У меня-то ничего.

— Ну и у меня ничего.

Тимур вернулся к Сандре, которая поджидала его, поглаживая котенка, мурчащего у нее на руках.

— Давай постоим, подождем. Пока он уйдет.

— Кто?

— Да брат мой!

— А он ничего, симпатичный...

Тимур посмотрел на нее с удивлением:

— Когда ж ты успела разглядеть его?

— Не только разглядеть, но и послушать, о чем он тебе говорил. Я любопытная, ужас! А что ты там натворил, Тимурчик? Почему за тобой милиция охотится?

— Откуда я знаю? Ничего я не творил... Но они в подвал заходили!

Брат вроде бы ушел. Сандра и Тимур вошли за загородку сада.

Остановились у входа в подвал.

Сандра вдруг побелела, когда Тимур открыл дверь. Котенок с яростным писком вырвался из ее рук, прыгнул и исчез в черном квадрате подвальной двери.

— Я... я... Мне плохо, Тим! — жалобно залепетала задрожавшими вдруг губами Сандра и схватилась ладонями за горло. — Я... я не могу, Тим!

Он закрыл дверь подвала. Она облегченно вздохнула, все еще сжимая руками горло.

— Все закружилось... Я задышаться начала... Так плохо, Тим!

Вспыхнула спичка возле сарая. Там стоял Георгий, глядя на них, прикуривая. Что-то он подозревал, что ли?

— Иди тогда, — сказал Тимур. — Отвлеки его как-нибудь. Я тогда один.

Сандра направилась к Георгию.

Тимур подождал, пока она завяжет разговор, не слышный ему на расстоянии, затем быстро распахнул дверь и нырнул в подвал.

Так же светила масляная коптилка на корявом столике, стоял кувшин с водой.

Тимур вздохнул с облегчением: незнакомец, лежавший на соломе, пошевелился, узнав вошедшего. Выпустил из рук боевой топорик. Устремил на Тимку болезненно блестящие глаза.

— Говори.

— Все плохо... — печально и виновато начал Тимка, присаживаясь возле раненого. — Я был на Ореховом мысу. И старик, и все три его сына... Ну, в общем, они убиты уже были. Эрику Десебр хочет, ему, вернее, Януар советует женить Эрику на Десебре!

— Как «женить»?

— Да нет! Замуж! Они хотят опоить ее каким-то зельем, она согласится выйти за Десебра, Десебр станет царем, армия ему подчинится — все ему подчинится.

— Даут Мудрый жив. Он единственный царь Перхлонеса.

— Ага. Но они говорят: «Он стар и болен, и стараниями юной Детры не видно конца его болезням. Печальный исход может наступить во всякую ночь». Я сам это слышал!

— Да... — непонятно согласился незнакомец. — Юная Детра...

— Кто она?

— Ее привели к Дауту, когда мы, разбитые, уходили в Кумрат. Она невольница с галеона, который пришел в Перхлонес из Дакры, в подарок от Мельхупа. Латники когорты Априла взяли галеон штурмом, она бежала, скиталась. Потом ее задержал наш разъезд.

— А дальше?

Незнакомец явно без охоты досказал:

— Даут оказался пленен ее красотой, приблизил к себе. Вот уже три года вчерашняя невольница живет, заступив место Диореи, единственной законной царицы Перхлонеса, жены Даута.

— Но ведь Диореи нет в живых!
— Тем огорчительнее всем нам видеть возвышение Детры.

Тимур внимательно посмотрел в лицо незнакомца, заметно поколебавшись, но все же начал говорить:

— Я боюсь, что вот это будет для вас ударом. Прочтите!

Он достал из-за пазухи свиток с донесением Детры, протянул раненому. Тот, едва лишь взглянув, вернул:

— Я не знаю и знать не хочу языка фаларийцев. Что здесь?

— Мне перевели, я расскажу, как запомнил. «Человеку, передавшему это, верь. Приходил гонец из Цаха, просит Даута принять семь десятков юношей, пеших и конных. Приходил из города рыбак Далмат, просит денег и копий и мечей для трех десятков, кои тайком готовят неповиновенье чтимому из чтимых. Слово у них — «Змея и Роза». Даут не будет торопиться, пока я в Кумрате. Человеку, вручившему это, верь, но пусть больше не приходит. Больше одного раза пусть не приходят. А слово пусть будет: «Роза и Змея». Два раза». Подписано, видите, как? «Чайка»!

Тимур сделал паузу и добавил:

— По-фаларийски «чайка» — «детра»!

Незнакомец застонал и откинул голову на солому.

— Я помню день, когда приходил гонец из Цаха, когда приходил твой отец, рыбак Далмат. Нас было трое в доме Даута — я, царь и Рахмет, верховный военачальник. А вино нам подавала... Детра! О, желчь змеи!

Сандра уже всю ворковала с Георгием, который уже тоже всю охмурял девочку: то и дело полубрал ее, говорил вкрадчиво, трогал, якобы в рассеянности, волосы ее. Сандре было приятно, что взрослый парень, можно сказать, ухаживает за ней. Она то и дело смеялась тем глуповатым, двусмысленным смешком, который частенько раздавался в кустах под окнами этого дома и который так мучил и раздражал по ночам Тимура.

— Ну да! Прямо уж... Как же это вы в темноте и будете гадать?

— На ощупь, Сашенька! Губками!

— Ой, щекотно! Не надо! Ну что вы!

— Нет, серьезно! Вот, слышу, линия любви... О-о! Такая глубокая! И — м-м-м! — такая вкусная!

А в подвале тем временем раненый давал последние наставления Тимке.

— Рахмету покажешь вот это... — Он снял с шеи ладанку и отдал Тимуру. — Он узнает, это его ладанка. Мы с ним названные братья. Скажешь, Горгес послал, покажешь вот это... Тебе он будет верить, как повелел бы мне.

Мои кони ждут возле Черной Мельницы. Знаешь, где? Слугу зовут Дамдир. Отдашь ему... — Он протянул боевой топорик. — Скажешь, мой подарок... перед... последний мой подарок.

— А как же вы останетесь?

Незнакомец молча обнажил короткий обоюдоострый меч.

— Иди, Тимур Далмат! Мсти за отца! Пусть боги будут милостивы к тебе!

Тимур торопясь выскочил из подвала. Стал озираться. Сандры нигде не было.

Сандру уже осторожненько щекотал губами в шею Георгий возле сарая. Сандра ежилась, настороженно поглядывала, но позволяла.

— Сандра!

— Чего тебе? — грубо отозвался Георгий.

— Я не тебя зову!

— Что, Тимочка?

— Ты пойдешь со мной?

— Никуда она не пойдет, — вместо нее ответил брат.

— Сандра!

Молчание в ответ.

— Сандра!

Молчание.

— Сама же потом и пожалеешь! — совсем по-детски, очень обиженно, чуть ли не со слезами крикнул Тимур и побежал по улице.

Он бежал, громко, обиженно дыша, и слезы действительно блеснули у него на глазах.

Он не очень много пробежал, когда услышал сзади:

— Тимка! Тимочка!

Остановился. Подбежала Сандра. Блузка у нее была слегка порвана у ворота, на плече.

— Я с тобой!

— Мда? — ехидно сказал он. — А что ж там не осталась?

— Да ну его! Дурак! — обиженно сказала Сандра. — И потом воняет.

— Иди домой! — сказал Тимур. — Мне далеко. В Кумрат. А ты... А у тебя вдруг опять не получится? Иди.

Она оглянулась. Вокруг была ночь, единственный фонарь светил за полкилометра от них, в кустах что-то шевелилось, трещало. «Страшненько» было.

— Я лучше с тобой, Тимочка. Назад я и дороги теперь не найду. А там, ты не бойся, я... снаружи подожду.

— А ты верхом умеешь? — спросил Тимка, когда они уже торопливо шли рядом.

— Раза два ездила, в Сокольниках. А мы что, на лошадях поедим? Во блеск!

— А я ни разу не ездил... — откровенно признался Тимка. — Во «блеск» будет!

У развалин Черной Мельницы они остановились в растерянности.

Кругом была темень и тишина. Только цикады звенели.

— Ты умеешь свистеть? — шепотом спросил Тимка. Она кивнула с гордостью.

— Свисти! Только осторожно.

Сандра заложила указательный и средний пальцы в рот и призывно свистнула.

Тотчас в темноте раздался шум, и возник силуэт всадника, ведущего в поводу двух оседланных коней.

— Дамдир! — тихо окликнул Тимка, и всадник подъехал.

— «Змея и Роза», — сказал Тимур. Дамдир молча смотрел на него с высоты коня. — Горгеса изрубили собаки Десебра, когда он шел в дом рыбака Далмата, в наш дом. Он и сейчас там, но сказал, что он уже не встанет. Это он передал тебе. Последний подарок, сказал он. Он шлет нас в Кумрат. Ты привезешь нас к Рахмету. Ты привезешь нас как можно скорее. Ты привезешь нас живыми: мы везем Рахмету весть об измене. Это не я говорю тебе, Дамдир, это говорит Горгес.

Дамдир взял боевой топорик Горгеса, внимательно и молча разглядел его, даже понюхал.

— Это топор Горгеса. На нем кровь фаларийца.

— И не одного. Я сам видел, как упали двое.

Дамдир кинул им поводья.

Тимур взлетел в седло, нескрывая изумившись этому своему умению.

— Девочка едет с нами?
— Ее нельзя оставлять. Собаки Десебра сегодня взбесились: факелы на каждой улице.
— Мы поедем быстро. Мы поедем трудной дорогой.
— Скажи ему, что я кандидат в мастера, — сказала Сандра.

— Заткнись! — прошипел Тимка и, обращаясь к Дамдиру: — Она выдержит, Дамдир!

Сандра поднялась в седло, и трое всадников направились вдоль реки в сторону гор — мимо Черной Мельницы, которая уже и в самом деле была мельницей, а не развалинами ее...

В лунной ночи неслись вначале долинной дорогой — галопом, затем тропами предгорья — рысью, потом уже шагом — на подходе к перевалу, на хребте уже и вовсе шли спешившись, коней ведя в поводу.

— Далеко ли Кумрат? — спросил Тимур, с тревогой оглядываясь на Сандру, уже мешком сидящую в седле.

— Далеко, — бесстрастно отвечал Дамдир.

— Может, передохнем? — спросил Тимур у Сандры, придержав коня.

Она улыбнулась ему замученной улыбкой.

— Ничего... Нам же надо спешить? Мы же возьмем какому-то там Рахмету весть о какой-то там измене? Так ведь, Тимочка?

— Ну, смотри. В случае, нить будешь — пропасти здесь глубокие. Спихну, и не ойкнешь.

— Это еще посмотрим, кто кого спихнет. Тоже мне пихала нашелся!

И опять кони карабкались по узким каменистым тропам; затем, сильно сев на задние ноги, почти скользили по осыпям вниз... И снова — гладкой дорогой высокогорья — бойким, жарким наметом неслись, только искры стреляли из-под кованых копыт!

— Кумрат... — объявил Дамдир, остановив коня.

Не очень вдаль виднелось большое село: нагромождение плоских крыш, высоких башен. Факелом кто-то вычерчивал на вершине одной из башен быстрые знаки.

Тимур оглянулся: высоко в горах еще один факел повторял эти знаки.

— «Три всадника со стороны долины», — прочитал Дамдир. — Это мы. — Слез с коня, сел на камень. — Будем ждать.

Тимур прыгнул с седла. Аж застонал от боли в ногах.

Сандра кулем свалилась на землю, притворно заныкала:

— Тимочка! Можешь закопать меня здесь. Больше я на эту зверюгу не сяду...

Сделала «березку», стала потряхивать ногами.

— А когда мы обратно?

— Не знаю. А зачем тебе обратно? Я ж тебя закопаю здесь...

Дамдир слушал их разговор, едва приметно улыбаясь в усы. Затем насторожился, прислушавшись.

Влез в седло.

— Едут! — сказал он. Пошарил в суме возле седла и кинул что-то Сандре. — Надень! Так, — он показал на джинсы ее, — в Кумрате женщинам нельзя.

— Ух ты! — восхитилась Сандра. — Пончо! Самое настоящее пончо!

Надела на себя, крутанулась перед Тимуром и Дамдиром.

— Ну как? По-моему, полный отпад! Правда, Тимочка?

Из темноты подскакали пятеро всадников с боевыми топорами наготове. Один был с факелом. Осветил лицо Дамдира. Затем — лица Тимура и Сандры.

— Кто они, Дамдир?

— Люди Горгеса. По срочному делу к Рахмету.

Тот еще раз осветил лицо Тимура:

— Ты кто?

— Далмат, сын Фрида Далмата.

— Знаю Фрида Далмата.

— Его убили, — сказал Тимур.

— Да будет ему покой на небесах! — довольно равнодушно отозвался начальник конной заставы. Осветил лицо Сандры: — Ты?

— Сандра. Боттичелли. Дочь Тэда Боттичелли, торговля квасом, скобяные товары, а также прием стеклопосуды.

— Не знаю, — сказал человек с факелом и снова повернулся к Дамдиру. — Рахмет у Даута Мудрого. Опять пир. У Ослиной скалы час назад сошел камнепад. Будь осторожен — камни еще живые. Вон... — Он показал на одного из своих всадников. У того была тряпкой замотана голова, виднелись следы крови. Его покачивало в седле.

— Я могу взять его с собой, — предложил Дамдир.

— Нет. Это мой сын. Пусть учится отличать вкус меда от вкуса жизни.

— Я поехал.

— Езжай. Они еще пируют. Они еще долго будут пировать. Они только и делают, — добавил он самому себе, — что пируют...

В большом крестьянском доме шел пир.

Стены были затянуты дорогим шелком и бархатом, на полах расстелены ковры, низкие столы ломились от изобилия еды и вин, однако чувствовалось, что это именно крестьянский дом, а не дворцовый зал, и царь, возлежащий в подушках возле престола, хоть и настоящий царь, но власти лишенный, в богатстве ограниченный.

На всем словно бы лежала тень некоей ущербности — и на обстановке, и на одежде, и на лицах людей. Атмосфера какого-то захолустного, устоявшегося уныния витала над столом, порядком уже разоренным.

Даут, как сказано, возлежал в подушках — раскрасневшийся от вина, вполне уже расслабленный и всем умиротворенный мужчина, почти старик.

Певец — молодой человек с пустыми выжженными глазницами — возле дверей пел какую-то воинственную клекочущую песнь под аккомпанемент многострунного, вроде лютни, инструмента.

Он закончил пение, и Даут милостиво похлопал в ладони. Жидкие хлопки раздалились и за столом.

— У меня закипает кровь, когда я слышу эти слова, Рахмет... — сказал Даут, обращаясь к соседу. Тон, каким он сказал это, был, впрочем, вдоволь благодушный и мирный.

Необыкновенной красоты женщина, сидевшая рядом с царем, поднялась выйти и походя погладила старика по плечу. Тот быстро и нежно успел накрыть ее руку ладонью.

— Пусть кровь твоя вскипает от другого, великий царь мой... — прошептала женщина над головой Даута, успевая при этом трезвым и жестким взглядом оглядеть всех и каждого, сидящего за столами.

На лицах придворных были написаны усталость, раздражение, разочарование. Многие смотрели вокруг себя откровенно насмешливо и цинично.

Рахмет сидел, опустив голову. Рубил лежащее на столе яблоко кинжалом. Молчал.

— Кипящая кровь — плохой советчик, — сказал он наконец.

— Ты опять чем-то недоволен? Что-то опять случилось, Рахмет?

— Слишком часто что-то случается, великий царь мой. Вот уже две ночи, как должен вернуться Горгес, посланный тобой в Перхлонес.

— Он не вернулся разве?

— Если собаки Десебра схватили и его, не говори мне больше, великий царь, что в Кумрате не может быть измены.

— Полно, Рахмет! — умиротворенно и умиротворяюще проговорил Даут. — В Кумрате не может быть измены. Здесь остались лишь самые преданные. Здесь остались те, кто потерял все, кроме ненависти к Десебру.

— Ненависть к Десебру мы тоже теряем. Она утекает, как вода сквозь ладони. Еще два месяца этой тихой, сытой и безопасной жизни, и ты можешь проститься с надеждами вернуться в Перхлонес победителем. На копьях твоих воинов, великий царь мой, жавчина праздной жизни!

— Ты воин, Рахмет... — понимающе сказал Даут. — И мысли твои — мысли воина. Я царь, Рахмет. И мысли мои — мысли царя. Еще не время, Рахмет!

— Да. И поэтому ты отказываешь в крове идущим к тебе с оружием в руках?

— Когда будет время, я позову их, Рахмет.

— Ты царь. И недаром имя тебе — Мудрый. Но время наше уходит, а ты не слышишь этого. Прости мне, великий царь. Во мне говорят боль и обида.

Один из слуг склонился над плечом Рахмета, что-то вполголоса сказал.

— Прости, великий царь мой. Я покину твой пир: прискакали гонцы из Перхлонеса.

Детра, расположившаяся невдалеке с курительным аппаратом, метнула быстрый взгляд на Рахмета.

Рахмет поднялся с ложа и пошел вслед за слугой.

Детра сделала едва приметный знак, и тотчас возле нее склонился другой слуга с черной повязкой на лбу.

Она негромко и кратко что-то приказала ему. Он торопливо удалился.

Во дворе дома, где шел пир, горели костры. Кипели котлы, жарили на вертелах туши баранов, из бочек наливали в кувшины вино. Суэта и оживление царили тут.

Дамдир, Тимур и Сандра ждали на улице, возле ворот, держа в поводу коней.

Стремительно вышел Рахмет, подошел к Дамдиру, коротко обнял его.

— Где Горгес?

Дамдир молча кивнул на Тимура.

— Где Горгес?

Тимур молча протянул ему ладанку.

— Он мертв? — почти утвердительно произнес Рахмет.

— Он был жив, когда посылал меня к тебе. Но когда мы вернемся... Отведи нас в место, где есть свет и где никто не сможет услышать нас. Я привез плохие новости.

— Идите за мной!

Рахмет повернулся и быстро пошел по улице. Трое последовали за ним.

Чуть погодя из тени возник слуга с черной повязкой. На мягких ногах последовал за ними.

Они подошли к дому, возле входа в который недвижно стояли два стража, опираясь на копыя.

— Идем! — повелительно сказал Рахмет. — Женщина останется. Пусть идет на женскую половину.

Сандра возмущенно фыркнула.

— Тимочка! Ты поскорее там!

Стражи у дверей дома Рахмета уставились на нее прожорливыми глазами.

Сандра отвернулась от них демонстративно. Погладила своего коня, привязанного, как и два других, к столбу ворот. Стала в ожидании прогуливаться.

— ...и подпись. Рисунок чайки, — заканчивал рассказ Тимур. — По-фаларийски «чайка» — это «детра».

— А-а-а! — вполголоса вскричал Рахмет с отчаянием, злобой и мстительностью в голосе. Заметался по дому. — Самой страшной казнью мы будем казнить ее! Самой страшной!!

— Даут не поверит тебе, — сказал Дамдир.

— Надо сделать так, чтобы он поверил! — отозвался Тимур.

Сандра, прогуливаясь, вышла за ворота на улицу.

С любопытством, в общем-то без особого страха смотрела вокруг. Вдруг что-то мелькнуло в воздухе.

Сандра сдавленно вскрикнула и захрипела: слуга с черной повязкой на лбу, перебирая руками аркан, подтянул ее к себе.

Сандра, полужадашенная, хрипела, пытаясь освободиться от волосяной петли.

Слуга схватил ее в охапку и поволок в темноту.

Рахмет, Дамдир и Тимур вышли из дома походкой решительной, спешной. Лица их были суровы и ожесточены.

Тимур огляделся:

— Сандра! Где Сандра? — спросил он Дамдира.

Рахмет, не оборачиваясь, уходил по улице.

Дамдир оглядывался тоже в недоумении.

Подошел к стражам, спросил их. Те, как глухонемые, показали жестом: пошла, мол, за ворота.

Тимур выскочил на улицу. Сандры нигде не было. Что-то белело на земле. Он поднял. Это была шейная косынка девочки.

Дамдир все понял. Низко пригнувшись к земле, стал высматривать следы. Наконец что-то обнаружил. Махнул рукой, показав направление.

В развалинах старой мечети горел небольшой костерок.

Сандра висела на крюке, свисающем сверху, как на дыбе: подвешена за руки, связанные в запястьях.

Пока что ей хватало сил мышц, чтобы удерживать свое тело. Но с каждой секундой все большее выворачивало ей лопатки и все большее усилие требовалось возвращать тело в положение, в котором висеть было не так больно.

Слезы уже текли по ее лицу.

Слуга с черной повязкой вынул из костерка раскалившийся кинжал и подошел с ним к девочке. Поднес острое под самый подбородок к нежной, беззащитной шее.

— Говори, дочь шакала! Какое известие привез Дамдир из города?

Сандра глядела на него глазами разъяренной кошки. Затем подтянулась из последних сил, сгруппировалась и ударом ног в лицо отшвырнула от себя палача.

Тут же закричала от боли в выворачиваемых плечах и лопатках.

С разбитым лицом негодяй вскочил, подобрал кинжал, все еще раскаленный, все еще дымящийся.

Рванул одежду на груди Сандры.

— Ты расскажешь... — страшно заулыбался он разбитыми губами и приложил острое кинжала к нежной, чуть заметной груди Сандры.

— А-а! — закричала Сандра. — Мне больно! Тимочка! Мне по-настоящему больно! Тимка!!

Тимка слышал этот крик, пытаясь открыть тяжелую дубовую дверь этого полуразрушенного строения.

— Ничего я тебе не скажу! Гад ползучий! К-козел!

Сандра опять отбивалась от слуги с черной повязкой ногами.

— О-ой! — кричала она от боли после каждого резкого движения. Слезы заливали ее лицо. — Фашист проклятый! — И снова, уже из последних сил, силой одной только ярости, kloпочущей в ней, принималась колотить ногами.

После одного из ударов, угодившего в низ живота, слуга обезумел. Заревел по-звериному и, взяв длинный свой кинжал, как меч, бросился к Сандре, чтобы зарубить ее одним ударом.

Но в это время сверху, с полуразрушенной кровли, уже летел ногами вниз Тимур.

Слуга, на которого всей своей тяжестью обрушился Тимур, ткнулся лицом в каменный пол и мгновенно затих, выронив кинжал.

— Тимочка! — ревела Сандра. — Как больно, Тимочка!

— Сейчас, сейчас... — повторял Тимур, поднимая с полу кинжал и перепиливая ремни, которыми была привязана к крюку девочка.

Она без сил брякнулась на пол. Однако, увидев, что слуга головой лежит совсем рядом, все же отползла немного. Они сидели на полу. Сандра привалилась к груди Тимура и все еще всхлипывала.

Горел костерок.

— Так больно было! Ты не представляешь...

Тимур смотрел на огонь.

— Как ты думаешь... — Она осторожно, слегка ший от боли, откинула полуразорванное пончо с груди, потрогала пальчиком. — Шрам останется?

Он посмотрел и тут же стыдливо отвел глаза.

— Ведь это ж — по-настоящему... — то ли спрашивая, то ли утверждая, сказала Сандра.

— А ты думала, тебе кино показывают? — Он все более продолжительным взглядом посматривал на лежащего слугу. Из-под головы его натекла уже поряточная лужица крови.

— Я его убил, да? — спросил он потрясенно.

Дамдир выпрыгнул через окно внутрь дома.

Облегченно вздохнул, увидев Сандру и Тимура живыми и почти невредимыми.

— Собака! Слуга собаки! — сказал он с необыкновенным презрением и брезгливостью, ногой перевернув лежащего и посмотрев ему в лицо.

— Я его убил, да? — опять спросил Тимка.

— Нет... — сказал Дамдир, долгим взглядом посмотрев в лицо лежащего. — Убью его я!

Свистнул клинок, выхваченный из ножен.

— О-ой! — В ужасе Сандра спрятала лицо на груди Тимура.

Тимур глядел перед собой взрослыми усталыми глазами.

— Ты никогда не верил мне, когда я говорил тебе об измене. Твое право. Ты царь. Но своим-то глазам, но собственному слуху ты поверишь? Пойдем, великий царь мой. Если сможешь, заранее прости верного слугу своего: я приготовил тебе зрелище тяжкое. Тебе наверняка будет больно. Однако правду должны знать даже цари.

Никуда не хотелось идти великому царю Дауту Мудрому. Не хотел он явно никаких свидетельств

измены, заведшейся в его лагере. Он был вполне счастлив и умиротворен той жизнью, которая стараниями юной прелестницы Детры шла в Кумрате. Рахмет со своими настойчивыми подозрениями уже даже и раздражал Даута.

— Своими речами ты утомляешь меня, Рахмет. Смотри, не рассерди! Я пойду с тобой, хорошо. Но если ты не сумеешь убедить меня в своей правде, пеняй на себя! Мое расположение к тебе велико. Но оно не безгранично, Рахмет. Далеко ли нам идти?

— Нет, великий царь мой. Мы не выйдем за пределы этого дома.

— Даже так? Ты хочешь сказать, что измена...

— Тсс!

— Ты ведешь меня на половину Детры? Почему?

— Тише, великий царь. Слушай и смотри.

Они оказались в крохотном чулане, который вел в комнату, приспособленную под покои Детры. Из чулана глядело в комнату узкое окно, скорее поперечная щель в каменной кладке, густо заросшая паутиной.

Детра сидела вполоборота возле низкого стола и часто обмакивала стило в большую раковину, служащую чернильницей, что-то писала.

— Хороша! — прошептал Даут. — Диво как хороша!

Вошла служанка, черная, огромная старуха.

— Он здесь. Он хочет говорить с тобой.

— Его никто не видел?

— Никто не видел.

— Впусти.

Вошел Тимур, заметно волнуясь.

Детра смотрела на него, не произнося никаких слов.

— «Роза и Змея», — сказал Тимка хриплым голосом, откашлялся и еще раз повторил: — «Роза и Змея».

— «Роза и Змея»? — переспросила Детра. — Кто прислал тебя ко мне с такими странными словами?

— Януар... Януар прислал меня к тебе с этими странными словами. Я сказал их дважды.

— Ты правильно сказал, юноша. Что хочет Януар? Отчего раньше срока он шлет ко мне посыльного?

— Он хочет, чтобы ты знала: Эрика, дочь Даута, в руках у Десебра.

— Я знаю это. Кому, как не мне, знать это? — Она удивилась и, кажется, насторожилась. — Зачем сообщать то, что уже известно?

Тимур на мгновение растерялся.

— Но знаешь ли ты, что Десебр не далее как завтра объявит о своем решении взять в жены Эрику, дочь Даута?

— Что?! — изумилась женщина. Подумала мгновение. Восхищенно мотнула головой. — Нет. Я не знала об этом мудром решении чтимого из чтимых, — с трудом сдерживая язвительный победительный смех, произнесла Детра.

Даут в чуланчике своем слушал с помертвелым лицом.

— Януар хочет знать, что посоветуешь предпринять тебе — здесь, в Кумрате, предпринять? Он очень высоко мнения о твоей хитрости и мудрости.

— Скажи Януару, будет лучше всего, если великий царь мой Даут Мудрый не доживет до известия о свадьбе своей дочери. Он объявляет о своем решении завтра?

— Завтра к вечеру.

— Я боюсь, что великий царь мой, Даут Мудрый, может и не дожить до завтра. Он стар и болен... — с притворным сожалением сообщила Детра.

На лице Даута было бешенство.

— Так говорил и Януар. «Он стар и болен, и стараниями юной Детры не видно конца его болезням. Печальный исход может наступить во всякую ночь».

— Да. Это так, увы... — вздохнула Детра. — Траурные дымы, мне кажется, поднимутся над Кумратом завтра утром. Передай Януару.

— Что-нибудь еще должен я передать ему?

— Возьми свиток.

Что-то торопливо дописала в нем.

— Береги его. Никто не должен видеть его, только Януар!

Она подошла к Тимуру, полуобняла его, погладила по голове не совсем так, как обнимают и гладят мальчиков.

— Тебе сколько лет?

— Почти пятнадцать.

— О-о! Уже совсем взрослый мужчина! Я написала Януару, чтобы в следующий раз он опять прислал за известиями тебя. Ты мне нравишься. Такой маленький — и уже седой. Хочешь сахарных орешков?

Но она не успела угостить Тимура сахарными орешками.

С треском вылетела и рухнула наземь заколоченная дверца чулана. В комнате, запыхавшийся и взбешенный, возник Даут, тщетно рвущий из ножен драгоценный кинжал свой.

— Царь?! — ужаснулась Детра.

— Я слышал! Я слышал все!

— Что ты слышал, великий царь мой? Что мог ты слышать такого, что привело тебя в такое волнение, великий царь мой? Тебе вредно волноваться, Даут! — Она протянула руку погладить царя, но тот в бешенстве отбросил ее руку, так, что Детра вскрикнула: — Осторожней, старый осел! Ца-арь! На старости лет подслушиваешь под дверями?! Хочешь убедиться, что я так же верна тебе, как рассказываю об этом по ночам? Так вот нет же! Мальчик пришел ко мне от человека, который любит меня, которого я люблю! Подтверди, мальчик, прошу тебя!

Она произнесла «Прошу тебя!» с такой силой внушения, страсти и мольбы, что Тимур растерялся.

— Ты подобрал меня на дороге, жалкую невольницу, приблизил к себе. Я честно отплачивала за это! Но не в твоей власти мое сердце, хоть ты и царь! Да, я не скрываю, я люблю не тебя, Даут, хоть ты и заставлял меня говорить обратное!

Детра действовала по извечному принципу: «Лучшая защита — нападение».

— Я была благодарна тебе, и ты не посмеешь сказать, что я не платила тебе за это так, как никто в жизни не платил тебе!

Вдруг раздался оглушительный звук разбившегося стекла.

Это царь Даут, теперь внешне совершенно спокойный, взял со стола, поднял высоко и аккуратно обро- нил на пол вазу с цветами.

Так же спокойно взял следующую вазу, поднял и бросил оземь.

Детра, замолчав, смотрела на него со страхом.

— Я слышал все, Детра, — повторил он свои слова.

— Что ты мог слышать, царь мой? Я ни в чем не виновата. Любовь — разве это вина? Я была неверна тебе, да! Но только на словах, только в письмах! Поверь мне! Вот свидетель! Мальчик, скажи ему, что это так!

Даут поглядел на Тимура. Тот выдавил из себя через силу:

— Я не скажу. Ты погубила Фрида Далмата. Я — Далмат.

Детра осела на стул как подкошенная.

— Ты умрешь той смертью, которой умирают изменники. Четыре всадника разорвут твоё тело на четыре части, и рвань твоя будет брошена голодным псам на потеху.

Детра сидела, яростно кривя красивые губы. Она

искала выхода.

Вдруг взметнулась со стула, подлетела к Дауту и ударила его в грудь маленьким острым кинжалом, который неведомо откуда оказался у нее в руках. Кинжал отскочил от панциря, надетого под кафтаном.

Даут усмехнулся, схватив ее за запястье.

— Зачем же так, златокудрая моя, нежная моя, слабая моя? — заговорил он, даже показалось, с искренней болью и горечью. Закончил твердо и страшно: — Я могу сделать для тебя только одно.

Взял кубок со стола, налил в него немного вина, из перстня высыпал яд, протянул Детре.

— Пей. Это все-таки легче, чем быть разорванной на четыре части.

Даут вышел из комнаты первым, за ним шел Тимур. Уже в дверях он услышал звук упавшего тела и звон кубка. Оглянулся — Детра лежала на полу, раскинув руки.

— Дамдир! — скомандовал Рахмет. — Я не верю ей!

Дамдир, обнажив меч, вернулся от дверей к лежащей Детре.

Тимур отвернулся, уходя.

За спиной его раздался пронзительный крик Детры, завершившийся странным бульканьем. Недаром Рахмет не поверил Детре.

Даута стало не узнать. Куда девался благодушный, расплывшийся от женских нег старик? Перед всеми был воин, решительный, грозный и деятельный.

— Теперь я скажу, Рахмет: время! Посылай гонцов во все концы Перхлонеса! Объяви, всем объяви, каждому: «Великий День Возвращения начинается!»

...И поскакали гонцы к северу и к югу, к закату и к восходу. И праздничная грозная радость была на лицах гонцов.

...Задымили сигнальные костры на вершинах.

...Сигнальщики на башнях торопливо чертили факелами, эстафетой разнося во все закоулки страны заветные, мучительно жданные слова: «Великий День Возвращения»...

— Где этот мальчик? — спросил Даут. Даут был в седле. На окраине Кумрата роились воины, всадники выстраивались в боевые порядки. — Где этот мальчик? Сын рыбака... Далмата?

— Здесь!

Тимура подтолкнули к царскому стремени.

— То, что ты говорил... об Эрике и Десебре...

— Я слышал это собственными ушами, — быстро подтвердил Тимур. — Десебр сегодня к вечеру скажет свое решение. И решение будет не таким, каким бы тебе хотелось, царь... — сочувственно закончил мальчик.

— Я знаю. Поэтому я говорю: это не должно произойти. Сделай все! Убей Эрику, если нужно, но это не должно произойти! — Он склонился с седла к уху мальчика и шепотом договорил: — Далмат! Мне нужен день и еще ночь, чтобы поднять народ и повести его на Перхлонес. Задержи свадьбу! Делай все, что хочешь, но свадьбы не должно быть! — Затем опять выпрямился в седле и обычным голосом спросил: — Сколько людей тебе надо?

— Нисколько. Во дворец им все равно не попасть. Пусть твои люди поскорее доставят нас в город.

— «Нас»?

— Меня и Сандру. Мы вместе привезли в Кумрат донесение Горгеса.

Сандра выступила из толпы, и Даут обомлел на мгновение:

— Эри... — начал он, но тотчас понял, что обоз-

нался. — Боги! Как она похожа на Эрику! — пораженно произнес царь. — Дамдир! — скомандовал он. — Ты проводишь их до Перхлонеса.

Подвели коней. Тимур и Сандра поднялись в седла.

— Я надеюсь на тебя, Далмат! — крикнул Даут. — Любая награда. Какую награду ты хочешь, сын рыбака?

— Никакой! — засмеялся Тимур, а потом с веселым в голосе прибавил, покосившись на Сандру. — Хотя... Ты обещаешь мне отдать в жены вот эту... девушку?

— Обещаю, Далмат! И обещаю быть гостем на твоей свадьбе!

Сандра фыркнула:

— Какое он имеет право? Тоже мне!

— Он, Сандра, великий царь Даут Мудрый! — засмеялся Тимур. — А царское слово — закон!

— Мы этих царей в семнадцатом году... в гробу видали... в белых тапочках...

— В семнадцатом, говоришь? — продолжал веселиться Тимур. — А в каком веке, случайно, не помнишь?

Этими репликами они перебрасывались, скача рядом, следом за Дамдиром.

...И снова — стремительный веселый галоп по долинным дорогам, и снова — мучительное преодоление горных осыпей и узеньких тропок, и снова — торопливым наметом, не теряя ни секунды, скорее туда, в Перхлонес!

Раннее летнее солнце уже освещало им дорогу.

Туман косыми седыми крыльями реял в низинах.

Горы переливались всеми оттенками синего.

Сине-зелено, ясно, свежо и чисто было в мире.

— Ах! — с наслаждением вздохнула Сандра, оглядевшись вокруг.

Они остановились на минуту: Дамдир искал брод.

— Красота какая! — вздохнула Сандра. — Никуда я не хочу. Ни в Перхлонес твой, ни в Москву, ни даже в Монреаль на Олимпиаду не хочу. Останусь вот здесь. Буду только смотреть и дышать. Какой воздух, Тимочка! Прямо клубника со сливками!

Дамдир уже перебрался на другой берег речушки и крикнул оттуда, показывая, где следует перебраться.

— Двинули! — сказал Тимур. — Нам уже машут.

— Ну, двинули... — с вялым капризом отозвалась Сандра. — Ну, машут... А я, может спать, уже хочу... И вообще на утреннее построение наверняка уже опоздала.

Они подскакали к Черной Мельнице.

Стоя невдалеке от слива, уже спешившись, Дамдир, перекивая шум льющейся воды, говорил Тимуру:

— Я буду здесь, знай. Если буду нужен, пришлешь сказать: «Змея и Роза». — Затем трудно улыбнулся и коснулся одежды Тимура: — Мы благодарны тебе, знай. Великий День Возвращения... ты приблизил его. Ты и...

Он никак не назвал Сандру, только посмотрел на нее добрыми, вмиг повеселевшими глазами.

Тимур с Сандрой карабкались вверх по тропинке, к городу.

Вдруг требовательный, жалобный и обиженный крик раздался у них за спиной.

Следом за ними, явно не поспевая, торопился котенок.

— Мурзила! — восторженно возопила Сандра. — Бедненький ты мой! Вот! Весь мокрый даже... Какие мы с тобой все-таки редиски, Тимур, оставили мальчику ночью одного!

— Сам виноват, — хмуро отозвался Тимур, ревниво косясь на ласкаемого котенка. — Шмыгает, как дурак. Отсюда — туда, оттуда — сюда. Уследишь за ним, как же...

— Теперь я тебя никуда не отпущу! — сказала Сандра котенку, который, конечно же, уже мурчал у нее на руках. — Даже плавать вместе со мной будешь. Понял?

— Гляди! — прервал ее Тимур.

Утренний ветерок уже почти разогнал туман в низине, откуда они выбирались.

На месте Черной Мельницы чернели руины.

— А что же это все-таки было... с нами? — тихо и пораженно спросила Сандра.

— То и было, о чем я тебе рассказывал.

— Хорошо хоть пончо оставили! — неожиданно переключилась Сандра. — Аккуратненько можно заштопать... — Затем, вспомнив, откинула полуоторванный лоскуток с груди, обрадовалась: — Уй! Смотри, Тимур! Уже заживает!

С полуомертвелым, жутковатым лицом Тимур шагнул, наклонился и поцеловал, вернее ткнулся губами в уже рубцующуюся рану чуть ниже ключицы Сандры.

— Бац! — совсем не оскорбленно и нисколько не возмущенно воскликнула девочка, стукнув для порядка Тимура по голове. И тотчас обомлела: — Тимочка! Что у тебя с головой?!

— Что с головой? — обиженно отозвался Тимка. — Бьют по голове.

— Ты ж седой совсем! Это, наверно, от этого... — И вдруг взволновалась: — А у меня? Посмотри! У меня тоже?

— Ты рыжая. У тебя не заметно.

— Сам рыжий! Я платиновая.

В волосах у Тимура и в самом деле гораздо прибавилось седины за эту ночь.

Это особенно было заметно, когда он стоял на берегу бухточки, глядя вслед уплывающей Сандре, а утреннее солнце освещало его.

Надпись была еще цела на песке: «После отбоя. Жди».

Котенок чинно восседал на комком свернутой одежде, которую Сандра держала в высоко поднятой руке, подгребая одной лишь правой.

Тимур разгреб копешку соломы невдалеке от дома. Все вокруг спали.

Добыл мешок с монетами.

Только сейчас, при свете утра, обнаружил маленькую дырку, через которую высыпались монеты. Мешок перевернул дыркой вверх, понес его под мышкой.

Он открыл калитку. Поглядел на спящий дом, но пошел не туда, а в подвал.

Незнакомца не было.

Солома была странно разворошена.

Керосиновая лампа лежала на боку.

Тимура аж пошатывало от усталости.

Он сгреб ногами солому в кучу. Положил мешок с деньгами под голову и мгновенно заснул.

Эрика играла с котенком. Котенок был тот самый — черный с белым.

Матерчатый бантик на ниточке подсказывал на полу, котенок бросался на него, воображая бантик дичью, а себя не иначе как тигром. Эрика смеялась, но невесело. Слишком уж невеселые думы одолевали.

На ней по-прежнему было серое монашеское облачение. И прав, конечно, был царь Даут, да и Тимка тоже, когда отмечали поразительное сходство между Эрикой и Сандрой. Они были похожи, как близнецы, неодинаково одетые и неодинаково стриженные.

Возле дверей этой комнатки с зарешеченными окнами стояло на столике блюдо с едой и фруктами. Эрика посматривала на него время от времени, сглатывала слюну.

Вошел мочаливый слуга, цахец, судя по непомерным усам-штопорам.

Забрал нетронутое блюдо. На его место поставил точно такое же.

За огромным столом, заваленным свитками, фолиантами, картами местности, восседал Януар. С лупой в руке читал очередное чье-то донесение, написанное на обрывке ткани.

Прочитал. Взял несколько других донесений (одно было на пергаменте, другое — на куске кожи, третье — на дощечке), положил их рядом. Перечитал бегом.

Встал встревоженный.

Гремя коваными сапогами, размахивая руками от нетерпения идти быстрее, пошел коридорами в покои Десебра.

Все, кто встречался ему на пути, норовили либо заранее свернуть в какой-нибудь закоулок, либо вжаться в стену, дабы стать незаметнее; воины вытягивались во фрунт с окаменевшими лицами. Боялись Януара при дворе наместника, явно боялись.

Возле решетки, отделяющей замок от покоев Десебра, он вынужден был остановиться. Цахец-охранник каменно смотрел на верховного советника, не сделал и движения, чтобы открыть замок.

— Ну! — нетерпеливо гаркнул Януар.

Цахец по-прежнему без всякого выражения зрил начальство.

— Истукан цахский! — произнес Януар в сердцах и заметно напрягся, припоминая слово-пропуск. Наконец, вспомнил: — «Змея и дьявол», чтоб твоя корова сдохла! — Однако быстро успокоился, пока охранник сбрасывал засовы: — Впрочем, молодец! — И сунул ему монету.

— Премного благодарны стараться вашей милости! — хриплым полусшепотом гаркнул цахец, дважды стукнул албардой по полу, трижды пристукнул каблучками.

Тимур, оказывается, был свидетелем этой сцены: стоял, вжавшись в стену, неподалеку от решеток покоев наместника.

— «Змея и дьявол», — повторил он. Дождался, когда охранник начнет ходить там, за решеткой, повернется к нему спиной, и ударился бегом по коридору, придерживая под мышкой завернутый в материю мешок с деньгами.

Десебр был занят: сидел на краю маленького круглого бассейна и кормил рыбок. Вынимал из серебряного ведерка маленьких отборных лягушат и бросал в воду. «Рыбки» — острозубые, свирепые хищники — взлетали со дна к поверхности. Лягушата и дрыгнуть ножками не успевали.

З. «Юность» № 1

— Позволь оторвать тебя, чтимый из чтимых, от государственных раздумий твоих... — с почтительной язвительностью произнес Януар, остановившись за спиной у Десебра.

— Хе! Ты шутишь, Януар? Это тревожит... Что за неприятность ты собираешься сообщить мне?

Десебр неохотно оторвался от своего занятия.

— Царь Даут объявил День Великого Возвращения.

— !!! — хрипло и досадливо каркнул Десебр и встал. — Он что? Возомнил себя воином после ночей с Детрой?!

— Вчера вечером он казнил Детру ядом.

Десебр коротко и негодующе взвыл. Взял ведро с лягушками и разом высыпал в бассейн. Вода в бассейне тотчас вскипела от взметнувшихся со дна рыб-чудовищ.

— Ах, Детра! — скорбно покачал головой Десебр. — Верная девочка моя... Я ведь рассчитывал на нее — очень! — в моих делах с Септебром, любимейшим из любимых! — Последние слова он произнес с ненавистью.

— Я подождал бы, чтимый из чтимых, думать о Септебре. В Кумрат идут воины со всех концов провинции. К утру у Даута было уже семьдесят сотен копий. Почти все на конях. Войско Даута увеличивается каждый час.

— Распорядись, чтобы во всех когортах седлали лошадей. Заставы усилить вдвое и выслать их как можно ближе к Кумрату!

— Я знал, что ты сделаешь именно так, чтимый из чтимых, и посмел опередить тебя.

Десебр зыркнул на него с неудовольствием.

— Может быть, ты сам и поведешь моих латников на сброд Даута? — осведомился он. — Веди. А я пока покормлю моих рыбок.

— Прости, чтимый из чтимых.

— Что еще у тебя? — сварливо спросил Десебр, видя, что Януар не торопится уходить.

— Эрика, дочь Даута... — напомнил Януар. — Сейчас самое время объявить о будущей свадьбе. Это надломит Даута. Это внесет разброд и неуверенность в его войско. Позволь, я прочту то, что будут кричать глашатаи на всех площадях и базарах Перхлонеса.

Януар извлек из простой холщовой торбы, которая болталась у него на боку, кусок пергамента.

— «Эрика, светозарная дочь царя Перхлонеса Даута Мудрого, объявляет сим о своем горячем намерении сочетаться узами жены и мужа с самым чтимым из всех чтимых во всей Фаларии, наместником Десебром. Не одно лишь сердечное чувство к солнцеподобному Десебру, но и желание, чтобы мир и тишина царили на земле Перхлонеса, будут говорить устами Эрики, светозарной дочери Даута Мудрого, когда завтра в полдень она ответит «Да!» на вопрос святой церкви, желает ли она стать любимой и верной женой наместника Десебра. Радуйся, народ Перхлонеса! Тишина и мир на нашей земле уже на пороге!»

— Она читала это? — чем-то недовольный, спросил Десебр.

— Ей необязательно это читать. Я даже не знаю, грамотна ли она. Я жду твоего слова, Десебр. Время уходит.

Десебр все еще морщился.

— Так ты видел ее? Какая она?

— Да будь она с лицом грифона, руками обезьяны и ногами крокодила, ты все равно должен был бы сказать: «Да!» Но у нее лицо ангела, руки нежны и белы, ноги... Ног, впрочем, не видел. И ты тем более должен сказать: «Да!» В твоём разговоре с Септебром, о котором ты так мечтаешь, ты будешь слышать за собой дыхание сотни сотен преданных тебе перхлонесцев, ты...

— Да! — рывкнул вдруг Десебр. — Да! И проваливай отсюда, ты мне надоел! Априла, Августа, Кривого Десебра и этого... германца, главного над арбалетчиками...

— Суитерн... Но он не германец.

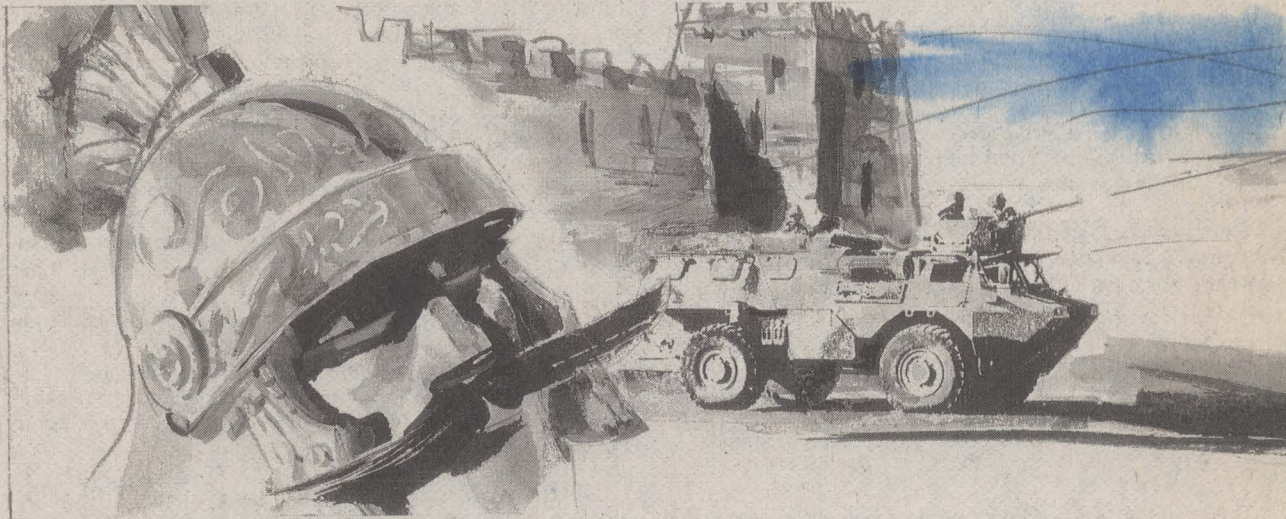
— Какая разница?! Гони ко мне! Чтоб через десять минут были!

— Слушаю, чтимый! — Януар торопливо закослапил к выходу.

Распахнулась дверь в комнату, где в заточении пребывала Эрика.

Эрика в растерянности и испуге смотрела на вошедших воинов во главе с Януаром и на двух женщин с ними.

— Встань, Эрика! — почти попросил Януар. — Надеюсь, ты не хочешь, чтобы к тебе применяли силу.

— Что вы хотите?

— Ничего страшного, девочка. Всего лишь снять с тебя мерку. Не к лицу дочери великого царя Даута Мудрого быть на собственной свадьбе в одеянии монахини.

Эрика онемела от удивления и возмущения.

— К-к-какой свадьбе?

— Не делай вид, Эрика, что тебе ничего не известно о собственной свадьбе. На всех площадях и базарах Перхлонеса глашатаи читают вот это...

Он протянул ей свиток.

—...Я не могу не выразить своего восхищения мудростью, которую ты выказала этим поступком. Истинно, ты — дочь Даута Мудрого. Наконец-то тишина и мир придут на истерзанную землю Перхлонеса.

Эрика была возмущена и растеряна.

— Это ложь! Я ничего не знаю об этом! Я не собираюсь быть женой ненавистного мне Десебра!

— Ну, это дела уже семейные... — усмешливо и нагло произнес Януар. — Собираешься не собираешься, но мерку с тебя снять нужно. — Он сделал знак. Два воина взяли Эрику за руки и как бы распыли ее. Женщины — надо полагать, портнихи — боязливо приблизились и стали обмерять девочку. Монашеский балахон явно мешал им в их деле. Одна из женщин, пожилая, сказала об этом Януару.

— Сбросьте с нее это! — приказал он воинам. Те, с масленными улыбками, с готовностью повиновались. Эрика осталась в коротенькой и тоненькой рубашонке. Слезы бессилия и унижения текли по ее лицу.

— В платье из кружев цвета бледной розы, — по-

хотливо озирая Эрику, заговорил Януар, — ты будешь самой прекрасной невестой, какую только видел Перхлонес! Зависть — тяжелый грех, но я не могу не признаться, Эрика: впервые мне захотелось оказаться на месте Десебра!

— Я не забуду своего унижения, мерзкая тварь! — сквозь слезы, теперь уже сквозь слезы ненависти и злобы, проговорила Эрика. — Ты еще вспомнишь эту минуту!

— Я всего лишь исполнитель чужих желаний, милая Эрика. Увы! Всегда исполнитель и всегда чужих желаний. Не держи на меня обиды... Вы закончили? — обратился он к женщинам.

— Да, — ответили портнихи.

— Отпустите ее!

Воины отпустили руки Эрики. Все стали выходить из комнаты.

— Я убью себя!

Януар даже не изменился в лице.

— Она по-прежнему не ест? — спросил он у начальника охраны.

— Не ест и не пьет.

— Прекрасно. С этой минуты — вообще ни капли воды, ни капли вина. Никаких фруктов. Распорядись на кухне, чтобы в еду не жалели соли и перца.

Горбун вытер слезы.

— Это слезы радости, Далмат. Не смотри на меня с укором. Я и не чаял, что дождусь этого дня, Дня Великого Возвращения. Многие из моих друзей не дождались. И твой отец в том числе.

— Рано плакать от радости. Великий День Возвращения не состоится, если Десебр успеет со свадьбой. Воины Даута не обратят копья против тех, кто защищает не просто ненавистного Десебра, а законного мужа законной наследницы престола! Я только сейчас понял все змеиное коварство их замысла.

— Я это понял сразу. Я вызнал, где они держат Эрику: В Старой башне. Туда один лишь ход.

— Ты говорил о деньгах, — сказал Тимур. — Вот деньги! — Он кинул горбуну мешок.

— Вход в Старую башню охраняют люди из Цахской долины. Их нельзя подкупить. Но к Эрике ходит человек с кухни — он тибериадец, приносит еду. Сегодня приходили белошвейки — они шьют свадебный наряд для Эрики. Попробовать можно.

Келья Атиллы Лавениуса являла собой типичную

картину лаборатории алхимика.

Когда Януар отворил двери, Лавениус внимательно следил за чем-то ядовито-зеленым, бурлящим в колбе.

— О! Благодарение небесам! — с наигранной радостью воскликнул придворный лекарь. — Сам Януар осчастливил эти зловонные стены своим появлением.

Он что-то бросил в колбу — колба яростно забурлила и мгновенно окрасилась всеми цветами радуги. Что-то бросил в тигель — тут же раздался взрыв, взметнулся дым. Сделал жест — и оглушительно, на разные лады, завывали крохотные еще зверюльки за решетками клеток.

— Я всегда так делаю, Януар, — по-простецки объяснил Лавениус, — когда кто-то навещает меня в моем уединении. Человек сразу же преисполняется трепета и почтения перед моими занятиями.

— Зря старался. Я и так преисполнен почтения.

— Пожалуй, что я не настаиваю. Впрочем, дело твое.

— Настой готов?

— Или я зря сижу в этой темнице? Вот он.

Он показал невзрачный глиняный флакон, заткнутый тряпицей.

— Не хочешь попробовать?

Он подманил кошку, греющуюся в солнечном квадрате на подоконнике. Капнул из флакона на пол. Кошка недоверчиво обнюхала, лизнула. Затем жадно вылакала все, что было налито. Даже камень дочиста вылизала.

— Посмотри, что с ней сейчас будет.

Кошка сделалась словно бы пьяная. Вдруг начала двигаться какими-то замысловатыми кругами... затем пала набок, томно отбросив лапы... затем перевернулась на спину... Стала верещать требовательно и стра-

— И все же... Позволь еще один фокус? Его еще никто не видел.

Быстро слил из нескольких кувшинов какие-то жидкости, встряхнул.

Что-то немощно зашипело, поплыл тощий дымок. Лавениус сморщился.

— Не получилось, верховный советник... Не изволь казнить. Должно быть, твой приход слишком взволновал меня, — почти весело прокомментировал он свою неудачу.

— Меньше вони будет.

— Тогда взгляни хоть на моих ребятишек! Я боюсь пасть в твоих глазах. Обрати внимание, им нет еще и года, а зубы у них, как у вполне взрослого шакала. У них не будет этой смешной человеческой привычки ходить прямо. Зато в проворстве бегать и прыгать они не уступят горной кошке. Хороши? Сознайся, Януар! Они тебе нравятся?

— Меня тошнит глядеть на твоих «ребятишек»! — отозвался Януар. — Ты знаешь это. Когда ты умрешь и попадешь в ад, надеюсь, терзать тебя будут именно они.

— Неужели я попаду в ад? — с притворным ужасом вскричал Лавениус. — Ты это точно знаешь? Откуда? — И расхохотался, безбожный человек.

— Десебр хочет, чтобы сегодня к вечеру Эрика, дочь Даута, уже вкусила твоего настоя.

— Наш юный жених от нетерпения роет землю копытом?

Януар посмотрел холодно:

— Ты не настаиваешь, Лавениус, чтобы я передал это Десебру?

стно. Затем и вовсе уже не пристойные вещи стала проделывать.

— Бедная Эрика! — почти искренно сказал Януар. — Неужели она будет вытворять то же самое?

— Чувствовать она будет то же самое... — отозвался Лавениус. — Даже одно только прикосновение мужской руки к ее руке сделает ее покорной и беспамтной, как народ солнцеподобной Фаларии. Этого вы хотели с Десебром?

— Ну... Пожалуй, что этого.

— Я счастлив, что сумел угодить влюбленному Десебру!

— Твои шутки, Лавениус, приведут тебя на плаху.

— Все дороги ведут на плаху. Просто не все проходят эту дорогу до конца. Слышал я, что Даут идет на Перхлонес?

— Тебе-то что беспокоиться? Ты просто лекарь.

— Я и не беспокоюсь. Этот вопрос — к твоим словам о плахе. В случае чего обращайтесь с Десебром ко мне: у меня есть дивная композиция! Стоит только помазать, и отрубленная головенка приклеивается намертво!

— «Намертво» сам себе приклеивай, старый циник. Сколько этого зелья требуется влить в кувшин с вином?

— Лей, не жалея, Януар! Десяти капель хватит даже для глубокой старухи.

Януар взял флакон осторожно и боязливо. Бережно опустил в карман одежды.

Блюдо для дочери Даута было уже приготовлено.

Януар, спустившийся в кухню, спросил у тибериадца, готового взять поднос:

— Эрика, дочь Даута, что-нибудь съела за день?
— Ничего не ела. Ничего не пила. Ничего не пила, потому что пить было приказано ей не давать.
— Сейчас дай.

На блюде появился кувшин с вином и еще один — с водой.

Януар накапал в каждый кувшин из глиняного флякона.

— Неси!

Тибериадец понес блюдо вверх по крутой лестнице. На одном из поворотов глаза у него полезли из орбит от страха.

Перед ним стоял горбун, направляя острие копья к горлу.

Посуда забренчала на блюде.

Тибериадец затравленно оглянулся — с другого бока его подталкивал Тимур. Лицо Тимура было наполовину закрыто плотной повязкой.

Посуда забренчала и того пуще.

— Осторожно, дружок! — приветливо сказал горбун. — Так ты оставишь бедную Эрику без обеда. Совместными усилиями они завлекли тибериадца в каморку, здесь же, на площадке лестницы.

Горбун взял у него блюдо, поставил на стол.

— Давай-ка на всякий случай и это... — сказал он, расстегивая пояс с мечом.

— Ва-ва-ва... — сказал тибериадец трясущимися губами.

— Я отдам тебе твой меч, не бойся. Никто и не узнает. Ты лучше скажи мне, дружок, сколько у тебя коров?

— Ко-ко-ко?..

— Смотри не снесись, — заметил горбун. — Именно ко-ко-ко-ров.

— Не-е-е! — наконец выдавил нечто членораздельное тибериадец.

— Плохо. Служишь, служишь, а ни одной коровы нет. А хочешь ведь?

— А-а! — воскликнул, разулыбавшись, тибериадец. — Да!

— Видишь? — Горбун показал ему кошелек. — Тут не одна корова. Тут целое стадо коров. Стадо коров лучше, чем одна корова?

— А-а! — опять, уже с мечтательностью во взоре, осклабил солдат.

Горбун дернул завязки на кошельке, высыпал на стол монеты.

Глаза тибериадца вспыхнули.

— Ты пока посчитай, сколько у тебя будет коров. А чтоб удобней было... — Горбун снял с его головы шлем, надел на Тимура. Снял плащ. Тоже надел на мальчика. Перепоясал мечом.

— Ты какие слова говоришь страже, когда проходишь?

Тот уже считал монеты, откликнулся с готовностью:

— Змея!

— А еще?

Тот задумался, не отрывая глаз от груды монет. Почесал в голове, вспомнил:

— И дьявол! Во!

— Молодец!

Тибериадец опять принялся за монеты.

Удивительнейшим образом он стал в этот момент походить на Георгия. Тимур смотрел потрясенно.

— Ты погоди! Успеешь сосчитать свое богатство. Кто-нибудь что-нибудь добавлял в еду, в вино, в воду?

— А-а? — У солдата вид был неменяемый. Глаза глядели тупо, он вряд ли понимал вопрос. Взглядом то и дело возвращался к деньгам.

— Кто-нибудь... — раздельно, как больному, повторял горбун, — в еду или в вино... делал... буль-буль?

— Буль-буль! — слабоумно обрадовался тибериа-

дец. — Януар. Буль-буль. Вот! И вот! — И он показал на кувшины с вином и водой.

Глядел на горбуна, сияя и глупо улыбаясь.

— Считай, считай...

Горбун вылил вино и воду из кувшинов на пол. Из угла выволок большую плетеную бутылку. Сполоснул кувшины. Налил из бутылки.

— Ну, Далмат... — сказал он, волнуясь. Поправил шлем на голове Тимура, расправил кольчугу, свисающую с боков шлема. — Усы бы тебе! — сказал с сожалением.

Тимур обиделся:

— И так сойдет!

Попытаться освободить Эрику силой, как надеялся Тимур, было бы безумием.

Ближе к вершине Старой башни стражники, в основном цапцы — неподкупные, тупые, все как один с усами-штопорами, — стояли чуть ли не через каждую ступень.

Тимур нес блюдо, очень опасаясь уронить его, все его мысли были заняты только этим. Может быть, именно поэтому вел он себя естественно и подозрений не вызывал.

Возле решеток, непосредственно у входа в комнату Эрики, дорогу ему заступил начальник стражи.

— «Змея и дьявол!» — с некоторой досадой в голове сказал Тимур. — Открывай, не тяни. Ничего не жрет, а все равно наложили целую гору. Все руки оттянул.

Начальник стражи смотрел не то чтоб с подозрением, но с некоторым удивлением.

— А где этот? — Он жестом обрисовал усы тибериадца.

— Януар велел отрубить ему голову: он опрокинул кувшин с вином на одежды верховного советника. От пупа и ниже верховный советник сделался красный.

— Га-га-га! — подумав, заржал начальник стражи — цахец, разумеется. — Красный? Га-га-га!

Хохоча, он отворил решетки, сбросил наружные засовы на комнате Эрики. Предупредил:

— Будь осторожен. Она кидается чем попало.

— Ничего... — успокоительно произнес Тимур, входя с блюдом в комнату, и в ту же секунду о шлем его со звоном разбилось что-то стеклянное.

— Тише ты, дура! Убьешь ведь! «Змея и Роза», — шепотом добавил он.

Эрика застыла с занесенной в руке тарелкой.

— Повтори... — попросила она с мольбой и надеждой.

— «Змея и Роза», — повторил Тимур и только теперь взглянул на нее пристально. Он поразился: перед ним стояла Сандра, но длиннокудрая, в сером монашеском балахоне.

— Слушай! Вчера я видел твоего отца. Он сказал: свадьбы не должно быть ни в коем случае. Он сказал мне: можешь убить ее — тебя то есть, — но свадьбы не должно быть.

— Ее и не будет! Скорее солнце поднимется на западе, скорее...

— Погоди ты! Ничего не пей. Вот это — можешь. Мы подменили вино. Они подмешивают тебе зелье, после которого ты послушно станешь невестой Десебра.

— Никогда! Лучше я... Я лучше вот этими самыми руками...

— Ты можешь слушать? — уже сердясь, оборвал ее Тимур.

— Я лучше умру от голода и жажды, нежели соглашусь...

— С тобой хорошо мыло есть — не даешь рта открыть. Повинуйся только тому, кто скажет «Змея

и Роза». Но только повинуйся. И не болтай столько!

— Я целый день молчала,— резонно ответила Эрика.

— Представляю, какая это была мука для тебя. Мы тебя не оставим. Свадьбы не будет. Свадьбы не должно быть, и ее не будет, сказал твой отец.

— Только, если можно, не убивай меня, а? — Она сделала глазки.

— Ч-черт! — не удержался от восклицания Тимур, на секунду задумавшись.— До чего ж ты похожа на одну мою знакомую!

— Эта тарелка все-таки сейчас полетит в твою голову. Я наследница престола. Я Эрика, дочь Даута Мудрого! А ты смеешь сравнивать меня...

— Ладно, ладно... Наследница престола... Вот обижусь, брошу вас тут одних — посмотрю, как запоете!

— Ты когда придешь? Приходи скорей. Я хоть и швыряю в них чем попало, а мне страшно. Да и тарелок уже не осталось.

— С тарелками поможем...

Выходя из комнаты с блюдом, Тимур заметил начальнику стражи:

— Откуда вы такую взяли? Ведьма, а не девчонка! Бедный, бедный Десебр! Мне от души жалко его...

— Миловидова! Не сачкуй! — привычно заорала в мегафон «мадам Карабас», глядя вслед уплывающим девчонкам.— Я тебя все равно вижу! — И, исполнив сей обязательный ритуал, облегченно направилась к креслу, стоящему на солнышке. На ходу уже снимала тренировочный костюм.

Девочки лениво плыли к буям на выходе из бухты. Переговаривались:

— ...он говорит: «А сегодня вечером?» Я отвечаю: «А сегодня вечером — тем более!»

— Ну и дура!

— ...а в магазине рядом, за те же двадцать франков, смотрю!...

— ...опять, говорит, лишний компот взяла? Это ж надо такой стервой быть!

Рядом с плывущей Сандрой появилась вдруг из-под воды седая голова Тимура.

— Боттичелли! Не сачкуй!

Сандра была почти грустная.

— Я тебя ждал-ждал на берегу! А ты все плаваешь-плаваешь...

— Будешь плавать,— отозвалась девочка.— Она меня собирается со сборов отчислить. Уже в Москву звонила. Я же на построение тогда все-таки опоздала.— Она покосилась на Тимура, плывущего рядом: — А ты опять там был? Совсем белый стал, бедняжка...

Тимур искренне огорчился.

— Ты, значит, никак не можешь?

— А что там случилось?

— Да понимаешь... — горячо стал рассказывать Тимур.— Все на волоске повисло!

«Мадам Карабас» загорала, подставив солнцу телеса.

Ей было славненько. Она даже мурлыкала какую-то песенку себе под нос.

Вдруг почувствовала, что солнце кто-то заслонил, и открыла глаза. Перед ней стояла Сандра.

— Почему не в воде, Миловидова? Опять сачкуешь?

— Мне нужно в город. Срочно позвонить. В Москву.

— Зачем в Москву? — вскинулась «мадам».

— В ДСО «Труд». Зайцеву. Вы же меня все равно отчисляете?

— Ты, Миловидова, не дури. Решения еще никакого нет...

— Мне надо позвонить.

— Ты понимаешь, что собираешься делать?! На носу первенство, через месяц — приз «Советской женщины», а она... ишь, чего выдумала! Никуда не пойдешь!

— Мне надо позвонить. Мне нужно в город,— закаменев в упорстве, повторила Сандра, повернувшись и пошла. Она была уже одета для города. В руках была полиэтиленовая сумка.

— Миловидова! Стой! — караульным голосом гаркнула «мадам Карабас».— Ты же команду разбиваешь! — И бросилась за Сандрой.

Сандра тоже побежала.

— Не смей звонить Зайцеву! Сашка! Не дури!

— Я вернусь, не бойтесь! К вечеру вернусь! — крикнула издалека Сандра, которой почему-то жалко стало в эту минуту тренершу.

— Спокойно, Людочка! — сказала себе «мадам Карабас».— Вздохнули! Вы-дохнули! — Она подняла и опустила руки.— Она же сказала, вернется, так что спокойно, Людочка... Вдох! Выдох!

Смотритель наливал из заварного чайника в большую кружку и вдруг в изумлении прервал это занятие.

— Пришел? — спросил он.

— Вот... — Тимур положил на стол свиток с пятым донесением Детры.— Чтоб вы не думали... Монеты, правда... Но вы же сами говорили, что они вам не нужны!

— Насчет монет ты не беспокойся! Я и милиции сказал, что абсолютно ничего не пропало. Так что не беспокойся. Зря ты, конечно... Мог бы и так попросить.

Тимур порылся за пазухой, достал последнее донесение Детры.

— Ее последнее донесение. Даут казнил Детру.

— Казнил? А как он догадался?

— Догадался... — неохотно отозвался Тимур.— Вы перепишите, если вам надо. О чем она написала?

Смотритель с интересом схватил свиток.

— «Человеку, вручившему это, верь. Даут пока послушен и тих, но очень мешает Рахмет. Пришли нужного человека, чтобы Рахмет не мешал. Шесть десятков всадников ушли в сторону Карачара ждать сборщиков налогов. Слово теперь будет «Змея и Небо». Пусть этот мальчик придет опять».

— «Этот мальчик» был ты? — тихо и потрясенно спросил смотритель.

— Я.

Сандра заглянула в комнату смотрителя из зала музея, недовольно спросила:

— Ты скоро?

— Кто это?

— Сандра. Она была там со мной. Мы опять собираемся. Десебр затеял свадьбу с Эрикой. Держит ее взаперти. Даут объявил День Великого Возвращения, но если свадьба будет... Они поэтому и торопятся со свадьбой.

— Подожди, подожди! — ошарашенно сказал смотритель.— Она тоже была, ты сказал? Как же ей удалось?

— Не знаю. Как-то удалось. Сам не знаю.

Лицо смотрителя вдруг сделалось вдохновенным и одновременно же каким-то умоляющим.

— Тебя как звать?

— Тимур.

— Тимур! Друг дорогой! Попробуй, чтобы и я с тобой! Я же историк, Тимур! Мне нужно только одним глазом глянуть! Сделай!

Тот пожал плечами.

— Пожалуйста... Только не знаю, получится, не получится. А потом, там же все по-настоящему! Сандру так даже пытали, до сих пор шрам. Может так повернуться, что и не вернемся.

— Все равно! — в лихорадочном возбуждении вскричал смотритель. — Только бы глянуть! Своими глазами глянуть! — И стал торопливо рассовывать по карманам блокноты, карандаши, авторучки.

Втроем они очень быстро и озабоченно шли по набережной.

Возле причалов, перемахнув через ограду, возник перед ними Георгий.

— А вот и я! — заорал он, не сомневаясь, что все ему обрадуются. — Меня ищете? Я тут! — Сделал вид, что только-только заметил Сандру: — Сашенька! И ты здесь? — Попробовал обнять ее за плечики, но Сандра увильнула. — Я обещал прокатить вас на «Анастасии». Пожалуйста! Моя яхта к вашим услугам, мадам! — И он опять попытался обнять ее. Сандра вновь увернулась от его объятий. Демонстративно взяла Тимура за руку.

— Простите. Мы торопимся. Пойдем, Тимочка!

Они присоединились к смотрителю, который поджидал их в отдалении, и двинулись дальше.

— К Черной Мельнице? — спросил Тимур.

— Наверно... — отозвалась Сандра. — Если Дамдир ждет еще...

Смотритель прислушивался к их репликам, все еще не зная, верить ему или не верить в реальность происходящего.

— «Тимочка»... — с ехидством в голосе, удивленно повторил Георгий, глядя вслед уходящим.

— Жорик! — раздалось снизу от причалов.

Георгий оглянулся. Возле «Анастасии» стоял уже знакомый нам пижон в белоснежном костюме.

Двое телохранителей скучали невдалеке.

Георгий спустился к набережной. Хмуро спросил:

— Ты ж позавчера приходил. Или забыл?

Тот улыбнулся ясно, белозубо и нагло:

— Жорик! Безудержная инфляция в мире капитала, равно как и рост цен на предметы второй, третьей и первой необходимости, вынуждает нас...

Георгий хмуро слушал, выкладывая из ведерка какие-то железки, которые он отмачивал в керосине. Керосин был грязный, весь в радужных разводах.

— Короче. С сегодняшнего дня наши услуги стоят дороже. Врубаешься, Жорик?

— Я тебе не «Жорик!» — сказал вдруг Георгий и выплеснул содержимое ведерка в физиономию белокостюмного пижона.

Тот взвыл, схватившись за лицо, заляпанное грязной жижей.

Георгий подскочил и от всей души влепил вымогателю в ухо.

Пижон кувырнулся в воду.

Телохранители уже спешили к Георгию.

Георгий схватил багор и с воинственным кличем бросился им навстречу.

На крик обернулись владельцы других лодок, окавшиеся в этот час на причале.

Георгий уже схлестнулся с вымогателями.

Один из них, получив удар багром, все же, падая, сумел вырвать оружие из рук Георгия, и теперь второй — с удовольствием и мастерски — избивал Тимкиного брата.

Пронесся свист над причалами.

Вымогатель оглянулся. На него, кто чем вооружившись, бежали дотоле смиренные данники.

Он бросился бежать, но не сумел. Георгий, с разби-

тым лицом, с заплывшим глазом, прыгнул на него, и они вновь покатались по песку.

Белокостюмный под шумок уполз по-собачьи с места сражения. Он оглядывался со страхом.

Тимка и Сандра смотрели сверху на развалины Черной Мельницы. Растерянность была на их лицах.

— Давай все-таки попробуем! — неуверенно сказал Тимка.

— Ага!

И они побежали по тропинке вниз.

Когда, преодолев заросли колючего кустарника, они почти уже достигли цели и подняли глаза, Черная Мельница (не развалины) вся открылась их взору. Шумела вода в сливе. Было тихо.

Смотритель, гораздо отставший от молодых, все еще воевал с зарослями.

У него на глазах Сандра и Тимур вошли в окованную железом дверь и скрылись во мраке.

Медленно и важно дверь закрылась за ними.

Смотритель наконец тоже выбрался. Подбежал.

Дверь, ведущая внутрь развалин Черной Мельницы, была заколочена позеленелыми древними досками. Дремучая ржавчина покрывала железные скрепы. Огромный, черный от древности замок густо оброс мохом.

— Тимур! — Смотритель в почти детском отчаянии подергал дверь. — Где вы?

Прислушался. Никто не отвечал.

Цвиркнула птичка над головой и какнула смотрителю на плечо.

— Свистни, — попросил Тимка.

Негромкий призывный свист Сандры гулко разнесся под сводами мельницы.

Дамдир выглянул, сжимая в руке обнаженный меч.

— Дамдир! Миленький! Ты тут?

Дамдир сдержанно, но обрадованно улыбнулся.

Подскакали ко рву. Привязали лошадей.

Подошли, и ужас нарисовался на лицах у всех.

Даже Дамдир смотрел в ров со страхом в глазах.

Там по-прежнему кишели, царапая стены рва когтями, роняя слюну и скаля кривые, страшные зубы, зверочеловеки Лавениуса.

— Т-т-тимочка! — прямо-таки сотрясалась от страха Сандра. — Как же мы? Что же это такое?

Тимур добыл из-за пазухи дудочку свою.

Заиграл. Зверолоуди угомонились.

— Не бойтесь, — сказал Тимка, как говорил ему когда-то горбун. — Их взяли детьми. Это колыбельная. Они до сих пор помнят свою колыбельную. Видите?

Он снова заиграл.

— Спускайте лестницу. Я буду играть. Они никого не тронут. Переберемся на ту сторону! — говорил он, на краткое время отрываясь от игры.

Спустили лестницу, и вначале Дамдир, а потом и Сандра слезли на дно рва. Последним спустился Тимур, не переставая играть.

Сандра стояла, окованная от страха. Зверолоуди ластились к ней, просили погладить.

Дамдир приладил лесенку к противоположной стенке рва. Последним выбрался Тимур. Подняли лестницу, Тимур кончил играть, и зверолоуди, почувствовав, что их обманули, взвыли от ярости, бросились на стену рва.

— Вот сейчас я, наверно, точно поседела! — сказала Сандра. — Погляди.

— Ничего ты не поседела! — отвечал Тимур. — А вот как с твоими волосами быть? Не могла уж подлиннее отпустить! У Эрики во-о какие!

— Ну и иди к своей Эрике! У меня, между прочим, градуированное каре! И еще, между прочим... Вот! — Она жестом фокусника извлекла из полиэтиленовой сумки с надписью «Березка» белокурый парик. — У Ольги Кудряшовой увела! Она все равно не носит.

— Ух ты! — не сдержал восхищения Тимур. — Вот умница! Слушай! — Он посмотрел на нее как бы новым взглядом. — Ты и правда умница.

— Спасибо! — иронически надула губки Сандра. — Только сейчас догадался?

— Ты и умница, и красавица... почти как Эрика! — подначил ее Тимур.

— Ща ка-ак дам!

Тем временем Тимур открыл потайную дверь в крепостной стене, и, тревожно озираясь, они проникли в винный подвал.

— Придется, Дамдир, ждать... — словно бы извиняясь, сказал Тимур. — Не знаю, сколько. Или я, или Сандра, или такой, с горбом, придет. «Змея и Роза» — это наше слово.

— Иди, — кратко отозвался Дамдир. — Я умею ждать. Ее, — он кивнул в сторону Сандры, — береги.

— Не знаю, Дамдир. Как получится. Мы такое придумали... Сам не знаю, как получится. Главное что? Чтобы свадьбы Десебра и Эрики не было, так? Так.. Ну а остальное — как получится. Посмотрим. Пойдем, Сандра!

Сандра накинула свое пончо. Она волновалась.

— А почему, Тимочка, — шепотом говорила она, — я когда вот это пончо в лагерь принесла, оно такое, как будто вылинявшее было, а сейчас опять яркое? Ты не знаешь, почему это, Тимочка?

— Ты помолчишь? Трещишь, прямо как эта... как Эрика!

— Еще раз вспомнишь ее, точно говорю, в лоб схлопочешь! Ты мне дай только до этой Эрики добраться, я ей скажу пару ласковых!

— Тсс!

Два воина, погромыхивая древками копий по камням лестницы, спустились мимо Тимура и Сандры, пошли по коридору.

Они торопливо и осторожно побежали по лестнице, ведущей вверх, к Старой башне.

На площадке, где Тимур с горбуном остановили тибериадца, Тимур замер, прислушался, а затем условно постучал в дверь каморки.

Горбун тотчас открыл.

Тибериадец вскочил — стоял по стойке «смирно», ел глазами «начальство».

— А-а... — сказал ему Тимур. — Ну? Сколько коров насчитал?

— Десять! — явно все еще не веря в случившееся, ликующим шепотом выкрикнул тибериадец.

— Ну, теперь заживешь...

Тимур отозвал горбуна к окну, и они стали быстро переговариваться о чем-то.

Тибериадец глядел выпученными глазами на Сандру, затем выпалил в несказанном удивлении, восторге и почтительном страхе:

— Эрика!

— У-у-ух! Н-н-надоели же вы мне со своей Эрикой! — возмущенно высказалась Сандра. — Ща-а ка-ак брошу все! И уйду! Сами кувыркайтесь тут без меня! «Эрика... Эрика...»

— Эрика! — уже утвердительно-радостно и тупо повторил тибериадец, за неимением начальства пожирая глазами Сандру.

Горбун беззвучно выскользнул в дверь. Тимур закрыл засов.

— Ну вот, сейчас самое главное... — сказал он Сандре. — Сумеет он швеек уговорить или нет. Боишься?

— Не-е... — храбрысь, ответила девочка.

— Боишься. Я и сам боюсь. Коленка вон почему-то прыгает. Ты только не вздумай пить у нее там, из кувшина! Потерпи. Я ж тебе рассказывал, какое зелье они подмешивают? Главное сейчас — сумеет он их уговорить или нет?

— Ты, может, помолчал бы? Трещишь, прямо как эта... Эрика!

Тимур усмехнулся:

— Она тебе понравится, вот увидишь. Только не забудь сказать ей «Змея и Роза». А то звезданет чем-нибудь! Меня чуть тарелкой не убила! — В голосе его звучало нечто похожее на восхищение.

— Уж что-то ты чересчур много говоришь об этой... Влюбился, что ли?

Тимка посмотрел на Сандру и сказал очень повзрослому:

— Дурочка! Она же просто на тебя похожа.

— То-то же, — удовлетворенно отозвалась Сандра, но видно было, что румянец радости и смущения выступил у нее на щеках.

Раздался условный стук в дверь.

Тибериадец вскочил, встал по стойке «смирно».

Тимур отодвинул засов. Горбун впихнул в каморку девушку, шумно дышащую от волнения, перепуганную; в руках она сжимала кошель с деньгами.

— Быстро! Надевай ее накидку! — скомандовал горбун Сандре.

Сандра накинула на голову покрывало девушки. Оно почти совсем скрыло лицо Сандры.

От дверей Сандра вдруг вернулась, быстро поцеловала Тимку в щеку:

— Пока, Тимочка!

— Пока! Ни пуха ни пера!

— К черту, Тимочка!

И исчезла.

Горбун перекрестился.

Беловшейка сидела возле стола, вся еще окоченевшая от страха и волнения. Пораженно взирала на кошель с монетами.

Тибериадец присел рядом, глянул ей в лицо.

Показал свой кошель. По размеру он был точно такой же, как и у беловшейки.

— Десять коров, — сказал он нежно и вкрадчиво. И показал на свой кошель. — Десять коров... — И показал на кошелек девушки. Ткнул пальцем в оба кошелка и, как великое открытие, сообщил: — Десять и десять — два раза по десять коров? А? — И уставился на девушку.

Похоже, что это было предложение руки и сердца.

Впереди шел вооруженный воин.

За ним три женщины осторожно и аккуратно несли свадебный наряд Эрики.

Замыкали шествие еще два воина.

Сандра несла подол платья.

Загремели засовы.

Воин вступил в комнату Эрики.

— Приказано примерить, — объявил воин.

— Не буду ничего мерить! — Эрика стояла с грозно занесенной рукой. В руке — длинная острая вилка для мяса. — Сделаешь шаг — я убью себя!

— погоди! — сказала Сандра, появляясь из-за плеча воина. — Дай я с ней поговорю! — И бесстрашно приблизилась к Эрике.

Эрика смотрела на нее с некоторой ошалелостью во взоре.

— «Змея и Роза», — громко прошептала Сандра, повернувшись спиной к дверям и лицом к Эрике. — Давай быстренько примеряй!

Выволокла на середину комнаты ширму, которая отделяла ложе наследницы престола от посторонних взглядов. Громко крикнула:

— Вносите! — А воину, по-прежнему стоящему у дверей, сказала: — Я думаю, вам необязательно видеть, как невеста Десебра примеряет платье?

Тот напрягся, пытаясь осмыслить чересчур витиеватую для его разумения фразу, потом, когда понял, о чем речь, чрезвычайно этому обстоятельству обрадовался, глупо, во весь рот заулыбался. Дважды стукнул копьем об пол, трижды пристукнул каблуками, повернулся и вышел за дверь.

Женщины внесли платье, повесили его на ширму.

За ширмой шло переодевание.

— А это как застегивается? — шепотом спрашивала Сандра, уже влезши в платье Эрики. — Во дикари! Нет чтоб «молнию» обыкновенную... А здесь завязочки, что ли?

Эрика тоже переодевалась, часто, молча и удивленно взглядывая на Сандру.

Наконец Эрика накинула пончо и накидку. Сандра облачилась в монашеское одеяние Эрики.

Котенок — черный с белым — сидел неподалеку и со всевозрастающим беспокойством глядел то на Эрику, то на Сандру. Похоже, он был в недоумении.

Наконец Сандра достала парик, надела на голову.

Котенок перевел взгляд с Сандры на Эрику, с Эрики на Сандру, горестно вдруг заверещал и, срываясь, стал карабкаться вверх по шторе.

Можно было понять котенка: где — Сандра, где — Эрика, невозможно стало разобрать.

— Ты чем глаза рисуешь? — деловито осведомилась Сандра, поглядев в зеркало. — Тоже мне «зеркало»! Ничего не разглядишь! — подышала на полированный серебряный диск, потеряла рукавом.

Подвела глаза.

— Ну все! Подать сюда Десебра! — Сандра расхоталась. Засмеялась и Эрика.

— Если бы я не знала, что у меня нет родной сестры...

— Ладно, сестричка! Тебе пора тикать отседа!

— «Отседа»? — не поняла Эрика.

— Ну отсюдова! И смотри, если узнаю, что ты Тимочку охмуряешь, я тебе глазенки-то вот этими самыми ноготочками... фпр! — Она издала некий кошачий звук.

— Ой! — воскликнула Эрика. — Какие у тебя ногти! Ты их покрасила чем-то?

— Обычный маникюр. Ну, давай-давай, подружка! Тебя там ждут!

«Примерка» окончилась, и женщины (Эрика, разумеется, в их числе) столь же церемонно понесли платье вниз по лестнице.

На площадке их поджидал горбун.

Эрика постучала в дверь каморки.

Тотчас оттуда выскочила разругавшаяся белошвейка. Вслед ей замаячила в дверях глуповато-влюбленная физиономия тибериадца.

— Так мы сговорились, Квестра?

Дверь перед его носом захлопнулась.

Десебр в волнении бегал по залу. Януар скромно стоял возле стола.

— Тем не менее все именно так, чтимый из чтимых... — говорил Януар, то и дело поворачивая лицо вслед за мельтешащим наместником. — Когорта Априла позорно бежит. Если они будут бежать так же резво, завтра к полудню дикари Даута будут у стен Перхлонеса.

— Априла — на копья ограды! Во главе латников пусть встанет Мартос! Арбалетчики этого... германца... пусть цепью стоят позади строя. Каждый, повернувший коня, — изменник! Пусть его и постигнет кара, достойная изменника!

Януар довольно прохладно слушал распоряжения Десебра.

— Твое решение, как всегда, мудрое, чтимый из чтимых. Но, осмелюсь сказать, одной воинской мудрости сейчас недостаточно.

— Что ты хочешь?

— Поторопись со свадьбой, Десебр! Это единственное, что остановит сброд Даута. Это единственное, что спасет Перхлонес! Уже сегодня вечером ты должен быть обвенчан с наследницей Даута. Только это, чтимый из чтимых, спасет Перхлонес!

Десебр досадливо поморщился:

— Сознайся, у тебя в роду наверняка были сводни. Эта... Эрика... она уже отведала снадобий Лавениуса?

— Час назад мне донесли: она выпила целый кувшин воды и после этого съела весь обед.

— Ну и что? Как она ведет себя после этого?

— Она же не кошка. Страсть сжигает ее изнутри. Ты вскоре убедишься в этом и сам. Я видел ее сегодня. Она прекрасна, чтимый из чтимых.

Десебр все же еще колебался.

— Вместо того, чтобы вместе с моими латниками крошить дикарей Даута, я буду стоять под венцом, дышать благовониями и слушать бормотания святого отца?

— После этого, воля твоя, можешь крошить кого хочешь и сколько хочешь. Если тебе так уж нравится это... Но я — я пошлю тогда людей в порядки Даута, и они будут кричать: «Против кого мы подняли копья? Мы подняли копья против Эрики и богом данного супруга ее Десебра! Это против воли небес!» Мои люди знают, что кричать. Не сомневайся, чтимый из чтимых.

— Ладно! — оскалился Десебр. — Давай распоряжения! Но пусть все будет быстро и коротко.

— Я повинуюсь, чтимый! — Януар, явно обрадованный, выскочил из дверей. Заторопился по коридорам к себе.

Белошвейки (и Эрика в их числе) церемонно и бережно несли по коридорам свадебное платье наследницы престола.

Остановились ненадолго возле одной из дверей.

Страж посмотрел, казалось, подозрительно. Однако после некоторого колебания, услышав от старшей: «Змея и Небо», — стал открывать замок.

За дверь был монастырский дворик. И их ждала, с трудом скрывая нетерпение, пожилая монахиня, наконец, настоятельница. Просияла, увидев Эрику.

Столь же церемонно и торжественно платье понесли через двор, к одной из дверей.

Януар стоял, склонившись над столом, что-то рассматривая в сильное увеличительное стекло, когда распахнулась дверь и воины вволокли Тимура.

— Господин! Мы поймали его! Он пытался убежать! Это лазутчик Даута!

— Лазутчик Даута? — изобразил удивление Януар. — Это правда? Ты лазутчик Даута?

Тимур глядел на Януара одним глазом, поскольку второй заливала кровь из раны на лбу.

— Вели своим людям отпустить меня! — сказал Тимур и дернулся. Воины держали крепко.

Януар сделал знак, его отпустили.

— Вели оставить нас одних.

• Януар удивился:

— Ну что ж...

Те удалились.

Тимур достал из-за пазухи донесение Детры, протянул Януару.

— О-о! — не скрыл изумления Януар. — И давно ты от Детры?

— Я выехал из Кумрата, когда солнце еще не взошло.

— В Кумрате все спокойно? Детра жива-здоровая?

— В Кумрате все спокойно. Детра жива и здорова. Если она написала письмо...

— Ну, письмо... Письмо она могла написать заранее. «Пусть этот мальчик придет опять», — пишет Детра. Это про тебя?

— Наверное. Не знаю.

— «Пусть этот мальчик придет опять...» — повторил Януар. — А что прикажешь мне делать, если «этого мальчика» я к Детре не посылал? — Лицо его мгновенно изменилось, он хлопнул в ладони, и в дверях возникла стража. — Извини, Далмат. Тебе придется умереть. Мои люди скакали, к сожалению, быстрее, чем ты, и они рассказали мне про мальчика по имени Далмат, из-за которого погибла Детра. Тебе придется умереть, но прежде ты мне кое-что расскажешь, не так ли? Не обессудь, я сейчас очень занят — Десебр, понимаешь ли, женится, так что придется тебе пока поскутаться без меня. Ты всегда такой молчаливый, Далмат?

Тимур молчал.

— Ну, мы еще поговорим, я не сомневаюсь.

Воины схватили Тимура и потащили вон.

Горбун, оказавшийся неподалеку, в ужасе и отчаянии втиснулся в какую-то щель.

Когда Тимура протащили мимо, он, выждав немного, последовал за стражей.

Затем, очень скоро, тем же коридором пробежал назад, торопясь в подвал, к Дамдиру.

Дамдир вскочил, обнажив меч.

— Далмата схватили!

— Ты, я вижу, из Цаха? — спрашивал Тимур у воина, сторожившего вход в зарешеченную каморку.

Тот молчал.

— Вижу, из Цаха. У тебя на лице написано: «Я родился в Цахе!»

Тот каменно молчал.

— Слушай! А вот ты такую песенку слышал? — Тимур полез за дудочкой.

Заиграл колыбельную.

Посредине коридора, едва заметная, лежала тонкая волосая петля.

Стражник дозором обходил вверенный ему участок замка.

Вдруг как подкошенный рухнул наземь! С необыкновенной быстротой заскользил на боку и скрылся за поворотом коридора.

Чья-то рука быстро высунулась из-за угла и подобрала оброненную алебарду.

Дамдир примерял фаларийские шлем и плащ...

Цахец, охранявший Тимура, оставив алебарду к стене, сидел уже на полу и заливался слезами.

Тимур играл колыбельную.

— Так дело не пойдет... — сказал Тимур. — Ну что ты уселся и реवेशь? Лучше бы дверку открыл!

Тот каменно молчал, слизывая слезы с усов.

И снова зазвучала колыбельная.

Цахец слушал, совсем уж расслабленный. Не заметил даже, как чья-то рука отстегнула с его пояса ключи...

...Как рука эта открыла замок на решетках...

Потом его, словно тяжелобольного, подняли на ноги — колыбельная все звучала и звучала.

Провели в каморку, усадили на место Тимура и закрыли замок снова.

Колыбельная еще позвучала немного и затихла в глубине коридора.

Охранник очнулся, возмущенно взрычал, бросился трясти решетку.

Дамдир, горбун и Тимур кралась по коридорам в глубь замка.

В небольшой замковой церкви было не сказать что битком народа: десятка полтора сановников, с десятков дам, десятка три-четыре стражников, неизвестно от кого плотной цепью опоясавших собрание.

— Согласен... — бурчливо и быстро ответил на вопрос священника Десебр и покосился на невесту. Ему явно хотелось разглядеть лицо Сандры, скрывающееся за фатой.

— Согласна ли ты, Эрика, дочь Даута, взять в мужа Десебра, наместника солнцеподобной Фаларии в Перхлонесе?

Сандра вдруг откинула вуаль с лица.

Десебр глянул, и явное одобрение нарисовалось на его лице. Совсем другое дело — Януар, который хоть и глядел сбоку, но сразу же почувствовал что-то неладное. Сандра, конечно, была очень похожа на Эрику, но все же это была не Эрика.

— Нет, дядечка! — нахально сказала Сандра. — Не согласна я брать в мужи вот их! — Она кивнула в сторону Десебра. — Во-первых, он старый, во-вторых, противный, а в-третьих, он хочет в жены какую-то Эрику, дочь Даута, а я не Эрика. Компренэ ву?

Десебр в ярости оглянулся на Януара.

На Януаре не было лица. Он не знал, что делать. Потом замахал: давай, дескать, там разберемся!

— Не слушай ее, святой отец! — властно сказал Десебр. — Эрика немного не в себе от волнения.

— Сам ты не в себе! — возмутилась Сандра.

— Продолжай, сказано!

Испуганный священник быстро проговорил:

— А теперь в знак того, что судьбы ваши отныне и навеки слиты воедино, соедините ваши руки.

Десебр протянул правую руку. Сандра спрятала руку за спину.

Но тут же закричала от боли — Януар сзади, силой, тащил ее ладонь к ладони Десебра.

— Что за дела? — закричала Сандра. — Я не Эрика! Не желаю соединять руки с этим маразматиком!

— Соедините ваши руки, дочь моя! — почти умоляюще сказал священник.

— А-а! — вскричал в ярости Десебр и вдруг затряс правой рукой, кисть которой была насквозь пробита стрелой, пущенной с хоров. — Стража!

— Ага-га! — ликующе заорала Сандра и выскочила на церковное возвышение. — Выкусил? — И вдруг сорвала с себя парик. Скинула платье, оставшись в джинсах и фирменной маечке в обтяжку.

Собравшиеся завопили от суеверного ужаса.

— Ведьма!

— Это не Эрика!

— Взять ее! Стража!

Дамдир выстрелил еще раз — теперь уже в Януара — и тотчас прыгнул с хоров, обнажая меч.

Тимур тоже брякнулся рядом с Сандрой.

— Теперь тикаем! Дамдир! Уходим!

Отбиваясь от наседающих латников, Дамдир стал прикрывать отход Тимура и Сандры.

— Сюда! Сюда! — показывал им дорогу горбун.

Внезапно из-за какого-то закоулка вывалилась куча стражников. Тимура схватили. Он вырвался, оставив в руках у стражников чуть ли не половину рубахи.

Из-за пазухи вылетела и покатила по полу дудочка. Кто-то на нее в пылу борьбы наступил, и она рассыпалась прахом.

Сандра колотила алебардой куда попало — закрыв глаза.

Тимур шуровал копьем, как кочергой, не подпуская к себе близко воинов Десебра.

Вдруг латники посыпались в разные стороны. Это тибериадец — коровий владелец — ворвался в гущу боя, расшвыривая латников.

— Где Квестра? — орал он. Лицо его было уже разбито, и глаз наглухо заплыл. Он опять, на удивление, был похож на Георгия. И даже клик издавал точно такой же.

Бросились вниз, к винному подвалу.

Число преследователей увеличивалось с каждой минутой.

Дамдир был уже весь в крови.

Ворвались в подвал. Успели захлопнуть дверь и вдвинуть засов.

Тотчас же дверь стала содрогаться от ударов. Под сводами подвала гудело.

Дамдир выбил нижнюю бочку из многоэтажного штабеля — бочки посыпались, загроможда преследователям дорогу.

— Квестра! Где моя Квестра? — спрашивал тибериадец.

— А где Эрика? — спросила Сандра.

— С ней нормально. За нее не бойся. Слушай! — Тимур все в большей панике хлопал себя по бокам и карманам. — Дудка! Где дудка?! Я потерял дудку! Дамдир!

Все тотчас глянули в ров, где волновались в предвкушении пиршества зверолюди.

— Нам не выбраться отсюда!

Горбун посмотрел вдруг странно: глаза его загорелись сумасшедшим вдохновенным светом.

— Я отвлеку этих! — крикнул он, показав на зверолюдей, и побежал вдоль рва. Большинство существ бросились за ним, но штук пять осталось.

— Прощайте! — послышался крик горбуна, и все увидели, что горбун прыгнул в ров.

Тотчас вскипела дикая свара в том конце рва. Зверолюди, остававшиеся возле отряда, тоже кинулись туда, где терзали тело бедного горбуна.

— Быстро! Лесенку!

Спустили лестницу.

Переставили лестницу к противоположному скату рва, стали выбираться.

— Дамдир! — крикнул Тимур, выбравшись на ту сторону рва.

Дамдир отчаянно бился в узкой двери, ведущей из винного подвала наружу.

— Уходи, Далмат! Прощай! Прощай, Сандра!

— Дамдирчик! Миленький! — Слезы ручьем текли по лицу Сандры.

Подскакал тибериадец. Бесцеремонно подхватил ее под мышки, усадил на коня.

Из ворот замка появился новый отряд преследователей. На конях. С арбалетами.

Дамдира смяли. Он упал, и через его труп бросились ко рву преследователи. Некоторые, самые азартные, стали прыгать в ров. Тут же дикие вопли, алчное рычание, молебь и проклятия огласили воздух.

Тибериадец, Тимур и Сандра успешно отрывались от погони.

Они не могли знать, что другой отряд преследователей идет им наперерез.

Тибериадец заметил это слишком поздно.

— Не успеем! — уныло сказал он, остановил коня и вынул меч. — Вы! — обратился он к Тимуру и Сан-

дре. — По этой тропе! Они нас еще не видят. Может быть, сумеете!

— А как же ты? А твои коровы?

— Мои коровы при мне! — Тибериадец похлопал себя по боку и дал шпоры коню.

Тимур и Сандра кубарем слетели с коней, бросились по тропе, которая через кустарник, большой дугой выходила к окраине города.

Они бежали что было сил.

Они бежали из последних сил.

Они бежали и уже чувствовали, что обманули погоню, и уже улыбались друг другу.

Арбалетчик с высокого холма видел, как они бегут.

Спрыгнул с коня. Воткнул в землю двурогое фаларийское копье, как рогатину. В развилку копья приладил арбалет.

— Ведьма!

Тщательно и неспешно прицелился. Выстрелил.

Стрела полетела.

Тимур и Сандра бежали теперь уже почти весело. Они не знали, что стрела летит...

...Летит над кустарником и над лугами с копнами сена...

...На фоне деревьев...

...На фоне домов — заурядных пятиэтажек, которые на рассвете казались даже красивыми...

...Вдоль улицы, в конце которой заворачивал, громыхая, первый утренний трамвай...

Они добежали.

Сандра обняла ствол чинары и от усталости села. Тимур обнял чинару у нее над головой, тяжело дыша и улыбаясь.

— ТИМОЧКА!!! — в ужасе и отчаянии крикнула Сандра.

Тимочка замер, обнимая руками ствол дерева. Стрела арбалета пригвоздила его к чинаре, пробив насквозь.

Когда через несколько мгновений он сполз наземь, в стволе остался торчать обломок стрелы.

— Тимочка! Тимочка... Ты ведь живой? Ты ведь должен быть живой! — Сандра плакала над ним, и Тимур слушал ее плач и нежные слова сквозь невыразимо прекрасную музыку и невыразимо прекрасные цветочные пятна, которые роились и переливались у него перед глазами. — Тимочка! Ну очнись же! Как же я теперь без тебя, Тимочка?!

И он открыл глаза.

— Ф-фу! Наконец-то! — с несказанным облегчением сказала Сандра. Лицо ее было зарезано. — Я прямо чуть не расплакалась из-за тебя.

Она в изнеможении от усталости и счастья опрокинулась на траву и тоже стала смотреть в небо.

В небе плыли облака. Пролетела чайка.

— А вообще-то интересно, Тимочка. Что великий царь Даут Мудрый подарит нам на свадьбу? А? — спросила Сандра.

И с искренним интересом повернула лицо к Тимке в ожидании ответа.

14

ГОТОВЫХ

Сочинений

от Грибоедова до Маяковского. А также небольшой литературоведческий словарь и некоторые рекомендации по написанию сочинений. Цена комплекта — 15 рублей. Заявки направляйте по адресу: 121609, Москва, ул. Маршала Устинова, д.11, "Литературные консультации".

Пособия высылаются наложенным платежом.

Помните, что экзамены уже не за горами.

© "Юность" Рекламное бюро Тел.: 251-14-21

© "Юность" Рекламное бюро Тел.: 251-14-21

100

**СЕКРЕТОВ
ПЕТРОВСКОГО
ЗАСТОЛЬЯ ...
И ДАЖЕ МАЙОНЕЗ!**

Вас смущает пустота прилавок?

... Суп из раковых шеек, а также щи, кисели, жаркое, разнообразные соусы и даже майонез - все это вы сможете приготовить без особого труда, если воспользуетесь методическими советами нашей заочной "Школы Кулинарии".

В книге "Кухня времен Петра Великого" более ста рецептов старинных оригинальных блюд.

Стоимость - 19 рублей 50 коп.

Заявки направляйте по адресу: 121609, Москва, ул. Маршала Устинова, д.11, "Кухня времен Петра Великого".

Как-то вечером в конце февраля девяносто первого года у меня дома зазвонил телефон. Незнакомый женский голос начал разговор весьма банально:

— Вы меня не знаете, но мне необходимо встретиться с вами.

Подобного рода звонки случаются довольно часто. Как обычно, люди на другом конце провода либо жаждут сниматься в кино, либо хотят работать у меня в съемочной группе, либо предлагают сочиненный ими сценарий. Умение отвергнуться и остаться вежливым — дело непростое. В особенности если ты смертельно устал, а собеседник настырен.

Я около месяца назад закончил съемки своей новой ленты «Небеса обетованные» и, собрав в кулак остатки сил и здоровья, всюю занимался монтажом и озвучиванием. Встретиться с кем бы то ни было совершенно не входило в мои планы. Для начала я поинтересовался: а по какому поводу нам «необходимо» встретиться? Оказалось, знакомка намерена передать мне рукопись повести недавно погибшего писателя, чтобы я ее прочел.

Тут я соврал, что для следующей постановки у меня уже готов новый сценарий.

— Речь идет не об экранизации повести, — объяснила мне собеседница, — а о том, чтобы ее опубликовать.

— Извините, как вас зовут? — осведомился я.

— Людмила Алексеевна.

— Дорогая Людмила Алексеевна, — почти торжествующе сказал я, — в данном случае вы ошиблись адресом. Я не учреждение. Вам надо обратиться в редакцию какого-нибудь журнала. Или же в издательство, благо их сейчас расплодилось множество...

Эльдар
РЯЗАНОВ

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Повесть

— Нигде не станут разговаривать всерьез с человеком с улицы. Я уже пробовала, они даже не взяли читать. Вещь написана известным писателем, но под псевдонимом. Я не имею права раскрыть его. Я обратилась к вам, потому что вы у меня вызываете доверие...

Сейчас она начнет расточать комплименты моим фильмам и тому, как я вел «Кинопанораму»...

— Я думаю, вы, вероятно, знали автора, хотя он вывел себя в повести под псевдонимом. Кроме того, судя по всему, вы, наверняка, человек отзывчивый.

«Телезрители даже не подозревают, как обманчива внешность человека, вещающего с экрана», — подумал я и пробормотал:

— Спасибо большое, но я вряд ли смогу помочь.

— Если захотите, сможете, — твердо сказал голос. — Поймите, речь идет о последнем, предсмертном произведении писателя.

— Но я не занимаю никакой должности, — затянул я привычную песню. — И не могу повлиять...

— Неужели вы такой же сытый и заплывший бездушием человек, как вся наша интеллигенция? — В ее голосе звучало отчаяние, а не желание обидеть, горечь, а не злость. — Это вещь недлинная, прочитать ее не займет у вас много времени. Каждый человек должен делать добро, и оно к нему вернется. Где я вас завтра увижу?

Я проклял себя за бесхребетность, но что-то в голосе незнакомки, какое-то подлинное горе заставило меня сдаться.

В следующий вечер Дом кино устраивал встречу с читателями «Экрана», где я числился членом редколлегии. Я назначил свидание у входа перед началом вечера и, честно говоря, повесив трубку, тут же позабыл о разговоре.

Назавтра после утомительной смены в душном ателье (новую тон-студию построили так, что забыли сделать вентиляцию) я, выпотрошенный до конца, подрулил к углу Брестской и Васильевской, думая с отвращением, что сейчас мне придется вылезать на сцену и какими-то байками развлекать публику. В этот момент ко мне приблизилась женщина с канцелярской папкой в руках. Я мгновенно вспомнил вчерашнюю настойчивую особу и в глубине души послал

подальше и ее, и себя заодно. Рассмотреть ее я не успел, было темно, да и некогда. Она всучила мне рукопись, а я нелюбезно буркнул, чтобы она позвонила мне в воскресенье вечером. Потом я вернулся к автомобилю, зашвырнул на сиденье опус, чтобы не таскать его в руках, и нырнул в здание.

Через час, выступив и по мере сил развеселив полупустой зал, я покинул Дом кино. На какой-то заграничный фильм я не остался. Попроцавшись с билетершами, которые знали меня уже много лет, я вышел в февральский промозглый вечер. Ветреная, стылкая, пронизывающая дрожью погода подчеркивала неуютность разваливавшейся повсюду жизни. Подходя к своему «жигуленку», я сразу почувствовал что-то неладное. И действительно, шоферская дверца была полукрыта, видно, незваный гость посетил мой автомобиль. Я ускорил шаг и распахнул дверь. Магнитофон с радиоприемником были вырваны с корнем, только торчали оборванные концы проводов. В «бардачке» обычно лежал пропуск для въезда на «Мосфильм», газовый баллончик и еще что-то, чего я не мог сейчас припомнить, но в данный момент «бардачок» оказался пуст. Испарилась также моя кожаная заграничная сумка, в которой я носил с собой на съемку полдники, ибо советское казенное общественное питание я — инстинкт самосохранения — отменил много лет назад и кормился только тем, что приносил из дома. Большие брать было нечего. Тут я увидел, что на лобовом стекле, под «дворниками», лежит какая-то папка. Я вылез из машины. Это оказалась та самая папка, в которой находилась рукопись неизвестного автора. Значит, литературным шедевром жулики побрезговали. Они предпочли менее духовные ценности. На душе было омерзительно, как всегда, когда тебя обворовывают, надуют, обманывают. Я открыл багажник, но там вроде было все в порядке: то ли не добрались, то ли их кто спугнул. Я стоял разозленный. Раньше вместо стиренных вещей можно было купить другие. Но сейчас в стране шел особый период, когда купить ничего было невозможно. Я еще не подозревал, что через месяц, второго апреля, стоимость украденного благодаря заботам правительства как минимум утроится. Вообще я обратил внимание, что последние месяцы мы стали жить иначе, нежели раньше. Прежде, если, к примеру, рвались носки, их выбрасывали в мусоропровод и покупали новые. Теперь жена садилась вечером и старательно заштопывала дыры, поскольку приобрести новые носки было нелегко. В застойные времена, если изнашивались старые рубашки или, пардон, трусы, ими пользовались как тряпками для мытья машины. Теперь на них нашиваются заплатки.

Я машинально вынул из-под «дворника» чужую, не нужную мне папку, и в этот момент она случайно раскрылась. Из нее посыпались на тротуар листы. Я не успел нагнуться, как вихревой порыв ветра понес белые прямоугольники, испещренные машинописью, на мокрую, грязную, местами заснеженную мостовую. Из папки высыпалась добрая половина ее содержимого. Некоторые страницы сразу же прилипли к шинам автомобилей, мчащихся по 2-й Брестской, и уехали навсегда и бесповоротно. Я было попытался догнать листы, да куда там! Мне удалось схватить только две или три мокрые, испачканные страницы. Остальные же сумасшедший ветер разметал в разные стороны, и листочки со страшной скоростью исчезли из моего поля зрения. Это меня как-то совсем доконало. Я выругался и, поняв, что заявлять в милицию — дело безнадежное, отправился домой...

В воскресенье вечером мне позвонила Людмила Алексеевна. Я, разумеется, рассказал ей о случившемся, о краже и о потере существенной части рукописи. И посетовал, что не смог выполнить ее просьбу. Она посочувствовала мне в том, что касалось воровства, а затем сказала буквально следующее:

— Вы знаете, Эльдар Александрович, рукопись, которую я вам передала, обладает какими-то странными свойствами, я бы сказала, необычайной живучестью. У меня было два случая, когда мне казалось, что экземпляр погиб, утрачен навсегда, а на следующий день повесть оказывалась на месте, целая, нетронутая, листочек к листочку. Не считайте за труд, взгляните в папку... Может, и на этот раз все страницы в порядке...

— Но я ж сам видел, как ветер унес...

— Я верю, не сомневаюсь. И все-таки прошу вас, взгляните в папку...

— Это просто смешно, — с легким раздражением сказал

я и не совсем вежливо добавил: — Хорошо, подождите!

Я отыскал эту проклятую папку и открыл ее. На первом листе было напечатано заглавие: «Предсказание». Далее действительно все страницы следовали одна за другой, как и положено. Вторая шла за первой, третья за второй, четвертая за третьей и так до конца. Мне стало не по себе. Я же сам видел: исчезло немалое количество листов. Обескураженный, я вернулся к телефонной трубке и смущенно пробормотал:

— Там, и правда, все страницы! Но этого не может быть.

— С этой вещью может! — убежденно сказала моя собеседница.

— Но это же какая-то чертовщина! — недоуменно процедил я.

— Вы правы, тут и в самом деле замешано что-то потустороннее. Так прочитаете?

Я промычал нечто, обозначающее согласие.

— Когда мне вам позвонить? — спросила Людмила Алексеевна.

— Ну, дня через три, — промямлил я.

Черт побери, я же отчетливо видел, как по меньшей мере половина этого сочинения унеслась в тартарары, в февральскую мглу. А во всяческие ведьмизмы и прочее колдовство я не верю абсолютно. Тут мелькнула мысль, что, вероятно, в папке лежали два экземпляра повести, по счастливой случайности исчез один экземпляр, а второй остался в целости и сохранности. Когда Людмила Алексеевна позвонит в следующий раз, я ее непременно спрошу об этом. Собравшись с духом, я принялся за чтение, ибо ждал, разумеется, графоманства. Однако вещь читалась легко и даже с интересом. Опус носил явно автобиографический характер, но ни с кем конкретно не ассоциировался. Я узнавал детали, места действия, известные мне личные истории, но принадлежали они все разным людям, а не какому-то единому прототипу. Я неплохо знаю писателей того поколения, которое изобразил автор, он же герой повести. Со многими дружу, с иными знаком, о некоторых слышал. Кое-какие факты я мог отнести, скажем, к Окуджаве, другие подробности — к Войновичу или Искандеру, нечто прилипло к Аксенову или Трифонову, а действие происходит там, где живет Горин. А то, что герой вел популярную телепередачу и его узнавали в лицо, с успехом мог бы отнести и на свой собственный счет. И все-таки, думаю, сочинитель обрисовал некий обобщенный образ или тип, не знаю уж, как точно выразиться с литературоведческой точки зрения.

Конечно, у меня возникали кое-какие подозрения по поводу личности автора, но поскольку с ним я не был знаком, то полной уверенности, что это именно он, у меня не было.

Людмила Алексеевна не позвонила ни через три дня, ни через пять дней, ни через десять. Не позвонила никогда. Я был занят окончанием фильма и сперва не вспоминал о том, что у меня на руках анонимная рукопись. На титульном листе фамилия автора не фигурировала, одно лишь название. Кроме того, не существовало обратного адреса или номера телефона этой самой Людмилы Алексеевны. Но потом работа над фильмом завершилась, и все чаще и чаще стало всплывать в моем сознании смутное чувство невыполненного долга, неясное ощущение вины. Вещь, как мне показалось, стоила того, чтобы ее опубликовали. Ибо в ней странным образом соединились мистический сюжет и наше очень реальное время, тревожное, пугающее многих, быстро меняющееся.

Я решил отдать повесть в «Юность» и позвонил главному редактору журнала Андрею Дементьеву с просьбой, чтобы он прочитал сочинение неведомого мне автора, которое я сопроводил добрыми словами. Прежде чем отнести рукопись в редакцию «Юности», надо было снять с нее копии: в журнал следовало отдать два экземпляра, а третью копию я хотел оставить себе. Так, на всякий случай. У нас на «Мосфильме» есть типография, где установлен ксерокс, и я упросил барышень скопировать мне с оригинала два отпечатка. Когда я на следующий день заглянул в комнату, где находится ксерокс, я увидел траурные лица сотрудниц и следы весьма приличного пожара. Стены были закопчены, потолок в сажу, вороха черной, рассыпавшейся под ногами сгоревшей бумаги шуршали, пахнула обувь.

— Это все случилось ночью, вийо, проводка загорелась, — сказала симпатичная Сима, которая, собственно, и согласилась помочь мне. — Я отпечатала вам два экз-

пляра, но они сгорели вместе с кучей сценариев, приказов и всего остального. Вроде сама копировальная машина не очень пострадала.

— А оригинал рукописи тоже сгорел? — спросил я на-прягишись.

— Это просто какое-то чудо! Папка лежала на окне, и пламя ее не коснулось. Вот оригинал в целости и сохранности.

И Сима протянула мне бессмертную папку. Я почувствовал, как дрожь пробежала по моей спине.

Я поблагодарил, сказал какие-то добрые слова погорелицам и выкатился весь в поту. Конечно, можно считать все эти случаи счастливыми совпадениями, но все же, все же... Я решил поскорее избавиться от рукописи, отвез ее в редакцию журнала и вручил в собственные руки главному редактору.

Через некоторое время, прямо скажем, не короткое, Дементьев пригласил меня для разговора.

— Мы решили опубликовать вашу вещь в первом номере девяносто второго года. Раньше мы не успеем, поскольку печатаем большой роман Василия Аксенова. Просто нет места.

— Спасибо. Но это не моя вещь.

— Что значит не ваша? — опешил Андрей Дмитриевич.

Я рассказал, как рукопись попала ко мне.

Андрей Дмитриевич слушал меня недоверчиво, считая мои слова рассказами и фантазиями и не понимая, зачем мне все это нужно.

— Так вы что, хотите напечатать вещь под псевдонимом? Нас это не устроит. Нам в интересах подписки нужно, чтобы повесть вышла под фамилией автора, то есть под вашей. — Тон редактора был непреклонен. — Мы дадим хорошую рекламу. Мы не хотим терять подписчиков.

— Но на рукописи нет моей фамилии, — сказал я.

— Ошибаетесь!

И Дементьев протянул мне заветную папку. На титульном листе, над названием, было напечатано: «Эльдар Рязанов». Я сразу определил, что напечатано на той же пишущей машинке, что и весь остальной текст повести.

Опять я почувствовал, что соприкасаюсь с чем-то бесовским, необъяснимым, перед чем я бессилен.

— Хорошо, — покорно сказал я. — Но тогда я предварительно вещь предисловием, в котором объясню, что это писал не я, расскажу, как повесть попала ко мне и про странности, которыми сопровождалась вся эта дьявольщина.

— Делайте, что хотите. Это ваше авторское право. Были в истории литературы «Повести Белкина», «Театр Клары Гасуль» и еще многое другое, — сказал главный редактор. — Все равно мало кто поверит, что «Предсказание» написали не вы.

После этой беседы стало ясно: или вещь придется публиковать под своим именем, или она будет похоронена. Я выбрал первое.

Далее публикуется то, что оказалось в папке, переданной мне Людмилой Алексеевной промозглым февральским вечером.

Эльдар РЯЗАНОВ

После ливня летний лес в испарине.
Душно. К телу липнет влажный зной.
Я иду, а мне навстречу парень,
он черноволосый и худой.

Он возник внезапно из туманности
со знакомым, близким мне лицом...
Где-то с ним встречался в давней давности,
словно с другом, братом или отцом.

Время вдруг смутилось, заколодилось,
стасовалось, как колода карт...
На меня глядела моя молодость —
это сам я сорок лет назад.

Головой кивнули одновременно,
посмотрели пристально в глаза.
Я узнал родную неуверенность,
о, как мне мешали тормоза.

На меня взирал он с тихой завистью,
с грустью я рассматривал его...
В будущем его, я знал безжалостно,
будет все, не сбудется всего.

Он застенчив, весел, нет в нем скрытности,
пишет безысходные стихи...
Я провижу позднее развитие,
Я предвижу ранние грехи.

Будут имя, фильмы, книги, женщины...
Только все, что взял, берешь ты в долг.
И когда приходит время сменщика,
то пустым уходишь в эпилог.

Главное богатство — это горести,
наживаешь их из года в год!
Что имеет отношение к совести,
из печалей и невзгод растет...

Он в меня смотрелся, словно в зеркало, —
отражение было хоть куда!
Лишь бы душу жизнь не исковеркала,
если остальное — не беда.

Слушал он, смеялся недоверчиво,
сомневался в собственной судьбе...
Прошлое и нынешнее встретилось!
Или я немного не в себе?

Попрошались мы с улыбкой странною,
разошлись и обернулись вслед...
Он потом растаял за туманами,
будто его не было и нет.

Только капли россыпями с дерева
шлепаются в мокрую траву...
Мне, пожалуй, не нужна уверенность,
было ли все это наяву?

Глава первая

Думая о том, как начинать эту повесть, в какой манере ее писать, я понял, что никакого литературного пороха не изобрету. И очень огорчился. В глубине души я давно знал про себя, что стал совсем консервативен. А сейчас окончательно в том убедился. Черт побери, я самый настоящий традиционалист. А в наши дни это особенно отвратительно! У меня не получается, чтобы фраза обгоняла фразу, чтобы одна мыслишка налезала на другую, подминая предыдущую. Я не умею сочетать в одном предложении несочетаемое, сшибать нескладные противоположные ассоциации. Кажется, подобный стиль называется «потоком сознания». Когда я читаю литературу «потока сознания», я восхищаюсь буквально всем: и якобы случайным нагромождением одних и тех же слов, и нарочитой неряшливостью эпитетов, и свободными ассоциациями, причинность которых может быть понятна одному только автору, да и то вряд ли. Впрочем, все это не имеет значения, ибо важна не мысль, а нагнетание речи, повторение глаголов или прилагательных до неимоверного количества, в результате чего что-то рождается или не рождается. В конце концов не в смысле дело. Мне особенно нравится фраза типа

«шел дождь и два студента». Ведь написано это совсем не от неграмотности и отнюдь не от бескультурия. Поскольку писатель не может не знать букваря, грамматики и синтаксиса, следовательно, все сделано им сознательно, в полете новаторства, для обновления языка. Но те читатели, которые считают, будто писатель, выражаясь подобным образом, на самом деле думает, как пишет, считают неправильно. Так думать противоестественно. Это все равно что правой рукой чесать левое ухо. За эдакой манерой письма стоит тяжелая работа, авторский писательский труд, страшный отбор словес, в результате которого будто бы и рождается беспечная моцартовская легкость рассказа, переходящая не то в свежий стиль, не то в оригинальный авторский почерк, не то в нечто новое, чему еще нет названия. Короче, мне это не по плечу, не под силу. У меня так писать не выходит. То ли нет потока, то ли неважно с сознанием. Меня душат логика, смысл и обстоятельность, что сейчас никому не интересно. Требуется непосредственная, наивная словесность, вроде бы неорганизованная, лишенная закономерности, вне правил и, главное, не совсем понятная. Ибо раньше в нашей литературе было понятно все, и даже чересчур, а это надоело. Однако пора кончать с тем, что не имеет отношения к сюжету...

Я решил поведать о странной истории, которая приключилась со мной, но мешает то, что я не знаю, как к ней подступиться. Писать по-старому — никто читать не станет, кроме старичья, а по-модному не умею. Но история весьма фантастическая, и не рассказать ее жаль. Так и тянет начать: «В то серое, осеннее утро я возвращался из Ленинграда. «Красная стрела» подползла к перрону. Поезд — это стало обычным в последние месяцы — опоздал на два часа...» Но придется себя переломить и начать как-нибудь пооригинальнее. Или вообще начать без начала, откуда получится...

У меня с собой был тяжелый чемодан с редкими книгами. Я купил их в Ленинграде у одного дантиста, который намылился уехать в Израиль и поэтому распродавал все. Он не верил в будущее страны и боялся погромов. Он решил бросить все, чтобы его дети росли на свободе, в сытости и безопасности. И за это его не стоит осуждать, ибо у него имелись основания для беспокойства. Внешность его, и у детей тоже, была, что называется, ярко выраженной. Как говаривала моя покойная жена, «такая внешность — пособие для антисемитов». Дантист продавал книжки за бешеные деньги, но, хоть спасибо, за советские. Поскольку рубли уже не деньги, а книжки, наоборот, еще книжки, я без сожаления отдал за них все, что заработал в Ленинграде творческими встречами. Казалось, гонорары мне платили немислимые, но это только казалось до первой же встречи с жизнью.

Носильщик, на тележке которого было выбито, что цена одного места стоит 30 копеек, заломил 30 рублей. Мне уже за шестьдесят, и врач запретил таскать тяжести. Я попробовал потроговаться, но носильщик понимал, что имеет дело с вшивым интеллигентом. Пришлось покориться. Носильщик довез мой многопудовый чемодан по перрону, ловко объезжая пассажиров и группы спецназовцев с автоматами. Видно, солдаты несли караул на вокзале. Среди пассажиров «Стрелы» было немало знакомых, и я все время с кем-то раслаивался. Внезапно я встретился глазами с молодой цыганкой. У нее на руках хныкала запаршивевшая девушка лет двух. В конце перрона на тюках и чемоданах жил целый табор. Мне показалось, что там даже горел костер, на котором в котелке что-то варилось.

Недаром говорят, что не надо смотреть цыганам в глаза. Через секунду цыганка уже вертелась около меня.

— Шеф, дай Бог тебе здоровья... Видишь, дочка

у меня больная... Позолоти ручку, сделай доброе дело...

Пока я доставал кошелек, ко мне подскочила еще одна цыганка, чуть постарше, с тяжелым, но красивым и значительным лицом. Не успел я раскрыть бумажник, как красненькая десятка мгновенно перекочевала в руки молодой мамаше:

— Спасибо, начальник, душа у тебя хорошая!.. Зачтется тебе!..

Я попытался было пуститься вдогонку за носильщиком, но другая цыганка властно схватила меня за руку.

— Давай погадаю тебе, молодец, все поведаю... И про прошлое, и про то, что ожидает тебя. Не скупись, супермен ты мой ненаглядный...

Я заметил, что цыганки взяли на вооружение вместо старинных слов «барин», «красавец» новые, современные.

И не успел я очухаться, как красотка-гадалка с ловкостью необыкновенной выхватила из моих рук двадцатипятирублевую купюру.

— Эй-эй! — только и сумел воскликнуть я.

Но цыганка воспаленными глазами, в которых сверкало что-то колдовское, уже изучала линии моей ладони.

Я оглянулся: носильщик с моим чемоданом скрывался в привокзальной толпе. Я попытался вырваться, но предсказательница держала меня мертвой хваткой.

— Было у тебя две жены, с одной развелся, другая померла... Дочь у тебя есть от первого брака... Внучка трехлетняя...

Цыганка говорила правду, но я не очень-то изумился. Все-таки человеком был достаточно известным, несколько лет вел по телевидению популярную литературную передачу, многие меня узнавали в лицо. Обо всем этом цыганка могла иметь представление.

— Ждет тебя встреча с незнакомой женщиной...

— Женщина, конечно, красивая и молодая? — с иронией поинтересовался я. — Вроде тебя?

Действительно, глядя на ее смуглую, дьявольскую, восточную красоту, можно было понять предков, которые из-за цыганок пускались во все тяжкие.

— Зря насмешничаешь, — хриплым голосом сказала гадалка. Вдруг посмотрела на меня нежно, улыбнулась. Лицо ее преобразилось и стало домашним, приятным. — Был бы ты помоложе, да позвал бы меня, я бы... — Потом она снова перешла на профессиональный тон пророчицы: — Женщина будет молодая и красивая. Любовь у вас вспыхнет, но недолго продлится... Потому что...

Тут цыганка вдруг нахмурилась и замолчала.

— Продолжай, — сказал я и еще раз попытался обнаружить своего носильщика, но тщетно. Он исчез.

— Не стоит, барин. Тут что-то невнятное. Ступай своей дорогой. Не вышло у меня с тобой гадания...

Я уставился в ее бездонные глаза. Цыганка уклончиво отвела взгляд.

— Говорить не хочешь? Что-то неприятное разглядела?

— Не пытай, ясный сокол. Зачем тебе знать? — Голос у гадалки, несмотря на хрипотцу, был грудной, низкий, таинственный.

Я поневоле забеспокоился.

— Что на роду написано, того не миновать, — настаивал я. — Не скрывай. Но ведунья отпустила мою ладонь и хотела отойти. Тогда я схватил ее за локоть.

— Давай выкладывай! Я человек крепкий. Не испугаюсь... Да и потом это все так... слова...

Гадалыщица еще раз посмотрела на линии моей руки и вдруг сказала медленно, да таким голосом, что мороз пробежал по моей спине:

— Жить тебе осталось одни сутки. Завтра в это же время... — И цыганка цокнула языком, давая понять, что завтра в это время я откину копыта.

Я машинально посмотрел на часы. Было без двадцати одиннадцать.

— Ну ты даешь, — попытался усмехнуться я. — Что же, на руке и день, и час обозначены?..

— И день, и час, — как эхо, повторила гадалка.

— От чего умру, не знаешь? — Я пытался ерничать, хотя, честно говоря, мне было не по себе.

— Должно быть, убьют. Видно, в роду у вас так повелось... Отца-то твоего тоже убили... — угасшим голосом молвила ворожея и с сомнением — «брать или не брать» — посмотрела на двадцатипятирублевку. — Зря ты из меня это вытянул...

— Да я все равно не верю, — храбрился я. — Деньги себе возьми. Мне до завтрашней смерти хватит того, что осталось.

— Я правду говорю, — вдруг обиделась цыганка и спрятала деньги. — Знай: через час у тебя такая встреча случится, каких еще не было ни у кого... Тогда попомнишь мои слова...

— С чертом, что ли? — Я махнул рукой и направился в сторону, где исчез носильщик. Досада не покидала меня. Отдать двадцать пять рублей, чтобы узнать такую пакость, — вот маразм! Я, конечно, ни в грош не ставил ворожбу цыганки, но все равно было противно.

Кому я сдался, чтобы меня убивать?.. Если грабительно, алкашу или приезжим из провинции юнцам-налетчикам, то тут, конечно, никто не застрахован... Если же речь идет о Головорезе с большой буквы, — то людей побогаче меня тьма-тьмущая... Да и для рэкетиоров я не представлял интереса — так, мелкая сошка. Внезапно я вспомнил своего соседа по поезду — парня лет эдак тридцати, с длинными, как у женщины, пшеничными жирными волосами, которые хотелось срочно помыть. Рыжеватая редкая неряшливая борода обрамляла круглое прыщавое лицо. Мы стояли в коридоре вагона, по радио гремел бравурный радостный марш, очевидно, передающий оптимистические чувства пассажиров, прибывающих в столицу. Прыщавый вдруг вступил в разговор:

— Был я вчера на вашей встрече с читателями...

Я тщеславно обернулся к нему, ожидая комплимента, — честно говоря, был избалован вниманием. Но услышал совсем другое:

— Зря вы так резко о нас высказались! Лично вам-то что наша партия плохого сделала?

Вчера, получив из зала записку с вопросом, что я думаю о Национал-Российской патриотической партии, я ответил, что считаю их фашистами, что они представляют серьезную опасность для страны, что если, не дай Бог, они придут к власти, я тут же отправлюсь в эмиграцию, если успею, конечно...

Я сухо ответил прыщавому попутчику:

— Сказал то, что думаю.

— Понимаю, — кивнул прыщавый. — Только время говорить, что думаешь, кончается. Опасно. А вы вчера речь вели неосмотрительно, неосторожно. Мы ведь все фиксируем, запоминаем...

— Не сомневайтесь, — перебил я его и отвернулся.

— Не пожалеть бы вам, — безразлично произнес пассажир. Отсутствие угрозы в его интонации как раз и содержало угрозу...

Я отогнал эту картинку, вдруг вспыхнувшую в памяти, и помотал головой. Вообще в последнее время я стал получать на публичных встречах оскорбительные записки, вроде такой: «Горюнов — сын жидовки и эссовца». Иногда звонили по телефону, ругались матом и предавали меня анафеме за то, что я продался сионистам. Я еще не привык к проклятиям, и от этого у меня портилось настроение...

Усилием воли я стряхнул с себя все неприятное, что нахлынуло после встречи с цыганкой, — не хотелось погружаться в хандру.

Выйдя на привокзальную площадь, в центре которой дежурили два бронетранспортера и группа ОМОНовцев в пластиковых шлемах, я обнаружил своего носильщика. На такси стояла огромная очередь, но носильщик своими путями уже раздобыл мне машину (там у них одна мафия). Как я понял, в тридцатку входило раздобывание автомобиля. И хотя от трех вокзалов до Пушкинской площади, где я живу в доме, в котором разместился магазин «Армения», всего несколько километров, шофер запросил с меня полсотни.

— Да туда по счетчику два рубля, — взбеленился я.

— А на метро пять копеек, — невозмутимо парировал таксист. — Но в метро забастовка. А на такси очередь.

Я посмотрел в сторону вестибюля метрополитена. Двери были закрыты, никто не входил в вестибюль и не выходил из него.

— Давно бастуют?

— Третий день. Так как? Поедете? Скажите спасибо, что долларов не требую...

Я покорно полез в машину. Тем более что трое усатых чернявых кавказцев уже били копытами в ожидании того, чем кончится моя беседа с мародером-таксистом. Они были готовы заплатить любые деньги — это у них было начертано на физиономиях.

Во дворе я первым делом бросил взгляд на свою «Волгу». Она стояла на месте, покрытая рябым слоем пыли, из чего понял, что ночью капал дождь.

У парадного дежурила «раковая шейка» с мигалкой на крыше. Впрочем, кажется, их сейчас так уже никто не называет. Ведь конфет «Раковая шейка» не выпускают миллион лет, их, наверное, и не помнят. Да и на милицеских машинах перестали красить на кузове красную полосу.

— Что в доме случилось? Убили кого-нибудь? — спросил я у лейтенанта, который сидел за рулем и читал книгу. Я его запомнил, ибо читающий милиционер — явление нечастое. При этом я поймал себя на том, что время изменило мою психологию. Несколько лет назад мне бы не пришел в голову вопрос об убийстве. Я бы поинтересовался: «Кого-нибудь ограбили?..»

— Квартиру обчистили! — обронил блюститель, не отрываясь от чтения. — На четвертом этаже.

Я облегченно вздохнул:

— Я на седьмом живу... Меня не было несколько дней, а дома никого...

— Считайте, что вам повезло, — усмехнулся милиционер. — Лифт не работает.

Я чертыхнулся. Пришла мысль попросить таксиста поднять чемодан, но такси уже умчалось.

За те пять дней, что я отсутствовал, почты набралось порядочно. Я опорожнил почтовый ящик и сунул всю пачку прессы в карман плаща.

Когда я пер тяжеленный, будто набитый свинцом, чемодан на свое «седьмое небо», поток сознания захлестнул меня. Правда, он сопровождался потным потоком, который тек мне за шиворот.

Зачем я тащу проклятую тяжесть? Я все равно не успею прочитать эти книги, загнущь раньше. Господи! В детстве в публичных библиотеках — я был записан сразу в нескольких — я стоял в очередях, чтобы прочитать хорошую книгу, а теперь у меня дома своя роскошная библиотека. И книги стоят в очереди ко мне, ждут, когда я их прочту. А я не успею их прочитать. Книг много, а времени жить мало.

На третьем этаже я уселся на чемодан, чтобы передохнуть. Я сидел и вытирал платком пот.

Тем более если я сдохну завтра утром, как обещала гадалка, то зачем мучиться сегодня? И вообще если предсказание цыганки — правда, надо успеть сделать неотложные дела. Тут я себя одернул: что за хренови-

на лезет в голову! Кого же на четвертом этаже ограбили? Все-таки хорошо, что я установил железную дверь,— спасибо кооператорам! Может, это защитило... А что если бросить чемодан с книгами здесь, а то, глядишь, пророчество сбудется прямо сейчас, досрочно. Все-таки старость — большая мерзость!

С четвертого этажа спускались милицейский фотограф и какой-то хмырь в штатском.

— Много взяли? — спросил я.

Они с любопытством оглядели меня.

— Пока не ясно. Хозяева на курорте,— сказал штатский.

— Главное — всю мебель порезали, посуду побили, нагадили везде... — добавил фотограф. — А вы, Олег Владимирович, тоже в этом доме живете?..

Работа на телевидении сделала мою жизнь одновременно в чем-то приятной, а в чем-то несносной. Иногда было лестно, что тебя знают в лицо, а иногда это раздражало. Сейчас я был раздосадован — я не любил, чтобы меня наблюдали в минуты слабости.

Я буркнул что-то утвердительное и с молодецким видом оторвал чемодан от пола. Думал-то я про чемодан (не бросить ли его тут, на лестнице?) логично, но характер у меня был, пожалуй, сильнее моих же умственных способностей. Он победил разум и на этот раз. Сердце у меня колотилось, пот заливал глаза, но я упрямо продолжал восхождение.

— Было бы мне сейчас лет двадцать пять! — вслух выдохнул я.

— И что бы было? — любопытно спросил сбегавший вниз майор милиции.

— Было бы все! — сказал я, выпустил из рук непосильный груз и, тяжело дыша, привалился к перилам. — Улики есть?

— Кое-что нашли. Хотя орудовали в перчатках. — И майор исчез.

На четвертом этаже дверь в квартиру Кустовского была открыта, в прихожей возились какие-то люди, видно, из угрозыска, на площадке дежурил милиционер. Дома у Кустовского я никогда не бывал, но знал, что он много лет работал представителем «Совэкспортфильма» за границей. Думаю, что пожить у него было бы неплохо. Так думали, вероятно, и те, которые пожились...

Теперь очередные передыхы происходили после каждого лестничного пролета, через каждые пол-этажа. Когда я, весь в собственном соку, устроил привал между пятым и шестым этажами, вниз, постукивая каблучками, сбегала хорошенькая барышня, которая жила рядом со мной. Увидев меня в столь непрезентабельном виде, она предложила:

— Давайте я вам помогу, Олег Владимирович...

При мысли, что молодая привлекательная женщина потащит наверх мой чемодан, я вспотел еще больше. Я ведь пытался изображать, что я еще «ого-го»! Репутация балагура, весельчака, жизнелюба требовала определенного ответа, легкого и непринужденного. Я тут же рассказал анекдот:

— Мужчина насиловал женщину в подворотне. Та закричала: «Помогите! Помогите!» Мужчина удивленно уставился на нее и сказал: «Что вы кричите? Может, я еще сам справлюсь!»

Соседка засмеялась, а я добавил:

— Спасибо. Я еще сам справлюсь!

Номер был беспроектным. Я им неоднократно пользовался в аналогичных ситуациях. Хотя сейчас я не был уверен, что справлюсь сам с чемоданом, а тем более с женщиной.

Наконец я оказался у собственной двери. Отперев два замка, я из последних сил впахнул ненавистный чемодан в прихожую, уселся на стул и стал звонить в охрану.

— Пуль! — услышал я из телефонной трубки.

— Добрый день! — поздоровался я.

— Здравствуйте, Олег Владимирович, приехали?

Это была Таня Королева, одна из барышень, дежуривших на пульте охраны квартир. Она всегда узнавала меня по голосу. Кроме того, она была моей почтительницей, знала все, что я наудил в прозе и в стихах. Я ее никогда не видел, но у нас было нечто вроде телефонного романа. После смерти жены мне не хватало тепла, а манера Таниного разговора напоминала чем-то интонацию Оксаны. Мы иногда с Таней болтали, но недолго, потому что она находилась на службе и не могла занимать телефон, да и у меня никогда не было свободного времени. Я совершенно не представлял себе, какая она. Толстая, худая, высокая, симпатичная, уродливая? Единственное, что было ясно, — молодая.

— Слава Богу, приехал... — ответил я.

— Как прошли ваши встречи?

— Битком было. Не понимаю, кому в такое время интересно встречаться со старой развалиной... Обломком застоя...

— Да вы что, Олег Владимирович! Я бы обязательно пошла!

— Спасибо, Танюша. Просто вы ко мне необъективны. Снимите, пожалуйста, с охраны.

— Отдыхайте! Всего доброго! С охраны сняла! — И Таня повесила трубку.

— Хорошо все-таки дома, — произнес я вслух и улыбнулся.

Вынув из кармана плаща почту, я вошел в комнату. Письма от читателей, от редактора моей книги из Англии, приглашения из двух посольств, билет на открытие вернисажа, приглашение на премьеру нового фильма, анонимка с ругательствами...

И вдруг я вздрогнул. Я почувствовал, что в комнате не один, что тут находится еще кто-то. Я поднял голову. На кожаном диване, развалившись, сидел молодой человек в перчатках и смотрел на меня. Я уставился на него. На вид ему было лет двадцать пять. Лицо его мне показалось знакомым, даже очень знакомым. Я его явно где-то видел раньше, но где? Испуг волной прошел по моему телу. Я почувствовал, как от страха затрепыхалось сердце. Оно забилось противно и подло. Присутствие чужого человека оказалось слишком неожиданным. И вообще я всегда подозревал, что я трус. Смел я только в одном: лепить правду-матку — и в книгах, и в статьях, и в выступлениях. Тут я почему-то ничего и никого не страшился. Говорил такое, что не понимал: почему меня не уводят в наручниках? Но когда я представлял свою персону в стальных застенках, то, по совести говоря, побаивался, что вел бы себя недостойно, всех бы оговорил, все бы подписал, потому что боль выношу плохо. Хотя порой мне казалось, что я бы выдюжил, не спасовал и стоял бы насмерть. Но Бог милował от подобного испытания. Когда бушевали великие репрессии, я был пацаном...

Молодой человек улыбался, глядя на меня. Улыбался приветливо и даже дружелюбно. Меня все равно чуть подташнивало от униженного и беспомощного чувства ужаса. Почему он в перчатках? Это один из тех, кто ограбил Кустовского? Но как он проник сюда? Квартира на охране. Я бросил взгляд на балконную дверь, которая была тоже подсоединена к пульту охраны. Дверь заперта, стекло не разбито.

— Что ж ты так перепугался? — вдруг сказал молодой человек. Голос мне тоже показался знакомым. — Не робей!

— Кто вы? — хрипло спросил я.

— Не узнаешь? — Он рассмеялся. — Жаль...

Неожиданно паника прошла. Я даже удивился хладнокровию, охватившему меня. Может, меня успокоил голос пришельца, но не думаю. Между нами, послед-

нее время я готовил себя к тому, что в любой момент могу встретиться с грабителем, уголовником, убийцей. Я раньше проигрывал в уме разные ситуации подобного рода. Страна находилась в безумии, в преддверии гражданской войны, и всякая нечисть повывлезала из всех щелей. Вообще-то война уже шла на окраинах империи. Все мы ждали, когда она явится в Россию. Я приучал себя к мысли, что пожил достаточно, пора и честь знать. Внушал себе, что, если придется умирать, постараюсь уйти достойно. Коли вдуматься, ничто меня не держит на этой земле. Разве только желание пожить еще. Но в конце концов надо уметь обуздывать свои желания.

— Что вам здесь надо? Как вы сюда вошли? — спросил я.

— Садись, поговорим, — ответил незнакомец и пошутил: — Чувствуй себя как дома.

Что-то унижительное было в том, что я обращался к нему на «вы», а этот соплик тыкал мне. Тут я вспомнил, что у меня в письменном столе лежит газовый револьвер, который я привез из Германии. По счастью, таможня тогда не проверила меня. Я рванул в кабинет и открыл ящик письменного стола. Револьвера не было!

— То, что ты ищешь, у меня в руках, — послышался насмешливый голос из гостиной. — Я боялся, что ты в меня с испугу пальнешь, и забрал эту игрушку.

Я вернулся и увидел в руках пришельца мой газовый револьвер. Он небрежно положил его на журнальный столик и сказал:

— Можешь взять. Мне он не нужен.

Я медленно тянул руку за оружием, не сводя глаз с визитера. Он улыбался. Я схватил пистолет.

— И что ты будешь делать дальше? — лениво спросил непрощенный гость и добавил: — Слушай, обращайся ко мне на «ты», а то ерунда получается.

Я подумал, что он вынул из барабана патроны, и быстрым движением проверил. Револьвер был заряжен.

— А ну, пошел отсюда! — Я наставил дуло на незнакомца и держал под прицелом. — А то выстрелю.

Я знал, что не промахнусь. Я часто тренировался в тире. Раньше просто так, а последнее время делал это с двойным прицелом, то есть с двойным смыслом.

— Спасибо, что уважил мою просьбу и перешел на «ты», — спокойно сказал молодой человек, достал пачку «Мальборо» и закурил.

— Не предлагаю тебе, потому что ты уже десять лет как не купишь.

В поведении этого парня, в мирной его интонации было что-то такое, что сбивало меня с толку. Кроме того, лицо его было до жути знакомым. И потом, я действительно десять лет назад бросил курить. Я отвел револьвер и присел на подлокотник кресла.

— Так и не узнаешь? — спросил неизвестный. Он достал из кармана фотографию и протянул мне. — Чья это карточка? — спросил он.

Я посмотрел и узнал на фотографии себя, лет эдак тридцать с лишним назад.

— Моя, — пожал я плечами.

— Вовсе нет. Карточка снята японской камерой. На ней напечатана дата. А когда тебе было двадцать

пять лет, этого технического достижения еще не существовало.

Внизу на изображении виднелись белые цифры 20.8.90, значит, снимок был сделан два месяца назад.

— Двадцатое августа — день моего рождения, — сказал я.

— И моего, — сказал парень. — Только годы у нас разные. Это я на фотографии, а не ты.

Он подошел к книжной полке и вынул из-за стекла мою карточку, где я был снят в 1953 году в день своего рождения. Я переводил глаза с одного снимка на другой. Было совершенно очевидно, что на обеих фотографиях один и тот же человек. Я тупо рассматривал два своих изображения — костюмы были разные, прически были разные, фотографическое исполнение было разным, но, без сомнения, и на той, и на другой карточке был снят именно я.

Переведя взгляд на незнакомца, я понял, что он до жути похож на тогдашнего меня. С успехом можно было сказать, что не я изображен на снимках, а он.

— Тебе цыганка на вокзале предсказывала необыкновенную встречу? — спросил мой молодой двойник.

Опять озноб пробежал у меня по спине. Пытаясь выстроить логическую цепь, я промышчал нечто невразумительное.

— Так вот, она имела в виду меня. Ты ведь не завтракал в «Стреле». Идем перекусим.

Я покорно поплелся за ним на кухню, где был накрыт завтрак на две персоны.

— Надеюсь, ты не будешь возражать, если я тоже позавтракаю?

Он хозяйничал на кухне без всякого стеснения. Достал из холодильника бутылку кефира и разлил по стаканам, потом поставил на плиту вариться четыре яйца, наполнил чайник водой и водрузил его на конфорку.

На столе я увидел записку от Терезы, написанную крупными печатными буквами. Тереза помогала по дому еще при Оксане и досталась мне по наследству. Сама она была из немок Поволжья и, хотя всю жизнь прожила в России, по-русски писала с вопиющей неграмотностью, а немецкого не знала вовсе. Тереза была полуслепая старуха, добрая, старательная, и без нее я бы совсем пропал. Она готовила, делала постирушки, убирала квартиру, стояла в очередях.

«МАЛАКА Я НЕ ДОЗТАЛА НА АБЕТ КАТЛЕТЫ И ГРЕШНЕВА КАША СУПА НЕИСЧЕВА ДЕЛАТЬ БАЛЫШИ ОЧИРИДИ ИЗТРАТИЛА 20 РУБЛЕЙ 16 КОП.».

У нее была катаракта, и я договорился с самим Федоровым, что ей на днях сделают операцию в его клинике. Она знала, что я прибуду сегодня, и накануне, видно, сходила в магазины, чтобы я не ввалился в квартиру с совсем уж пустым холодильником. Но думал я, разумеется, не о Терезе. Мой молодой двойник тем временем сунул в тостер ломтики хлеба. Я лихорадочно пытался вспомнить свои романы, которые у меня случились лет тридцать семь назад. Но вспоминалось туго. Не то, чтобы их у меня совсем не было и не то чтобы их было чересчур много. Просто прошла такая уйма лет. Я был убежден, что этот парень, конечно, мой сын, о существовании которого

я попросту не подозревал. Сходство между нами ошарашивало. В 1951 году я женился первый раз и, что там греха таить, не очень-то был верен супруге. Как журналист я много ездил по стране и, конечно, бывало всякое.

— Как звали твою мать? — спросил я предполагаемого сына.

— Твои размышления, что я твой незаконный отпрыск, глубоко ошибочны, — с иронией сказал незнакомец, положил на тарелку два хрустящих тоста и стал сыпать в чашки растворимый кофе. — Ты думаешь по шаблону. А что сказала цыганка? Что у тебя будет такая встреча, каких еще ни у кого не было.

— Ты что, действительно черт? — усмехнулся я. — Вельзевул, Волад?..

— А тут ты думаешь литературно и тоже по стереотипу. Нет. И для убедительности могу показать свои конечности: копыт, рогов, хвоста — ничего нет. А мать мою звали так же, как и твою, — Белла Моисеевна. И отца моего звали так же, как и твоего: Владимир Иванович. Ты ешь...

Я машинально начал прихлебывать кефир. Столбняк, в котором я находился, не проходил, а, наоборот, становился еще более столбнячным.

— Слушай, я ничего не понимаю, — жалобно сказал я. — Чего тебе от меня надо? Кто ты? Зачем ты здесь?

— Ничего не утаю, — ответила моя молодая копия. — Все расскажу. Но сначала позавтракаем. Налей, Олег.

— Ты тоже давай. — Я вспомнил, что все-таки я здесь хозяин. — Не стесняйся. Как тебя зовут?

— Олег. По отчеству Владимирович.

— Это я Олег Владимирович, — возразил я.

— И я тоже. Так уж вышло, что нас двое.

— Так не бывает.

Он засмеялся.

— Пощупай меня. Убедишься, что я из обычной человеческой плоти.

Чего там было его щупать. Он жрал с таким аппетитом, что подозрения насчет его нечистого, дьявольского происхождения отпадали сами собой. Я невольно смотрел на него с удовольствием. Все-таки я был хорош в его годы: строен, густые черные волосы, горящие карие глаза. Смахивал на американского героя-любовника. В общем, посмотрев на себя в молодости, я остался доволен. Не то что сейчас — погрузневший, полысевший, с потускневшим взглядом, со всякими возрастными болячками и хворями. «Господи, что с нами делает жизнь!» — мысль хоть и банальная, но все равно верная.

— Значит, ты хочешь сказать, что ты — это я? — попыток я наше знакомство и тоже принялся с аппетитом жевать.

С аппетитом у меня вообще всегда было хорошо. Я не хотел есть только в одном случае — когда температура поднималась за 38. Если я не испытывал чувства голода, значит, у меня высокая температура, градусником можно было не проверять.

— Я твоё точное повторение, только из другого времени. У нас с тобой все одинаково, кроме возраста. Я родился в 1965-м.

— Но мать и отец тогда уже умерли.

— Они умерли в этой жизни, но они продолжали и продолжают жить в другой.

— В загробной, что ли? — с ехидством спросил я.

— Ты примитивен, как все вы, изуродованные материализмом. У жизни множество измерений, ты даже не подозреваешь, сколько. Но пойми, я тебе не только не сын, но и не брат. Я — твой дубликат, точное воспроизведение...

— Но это же мистика.

— Да, — согласился он, — только у вас мистика — ругательное слово. А на самом деле...

— Но такого не бывает, — перебил я его.

— Бывает. И не такое. Ты даже не подозреваешь, что бывает. Слушай ты, атеист, материалист, марксист...

— Я не марксист, — откестился я.

— Но все равно — безбожник! Не ломай голову, а то еще свихнешься. Тебе это не по разуму. Принимай мое существование как данность. Или, если хочешь, не принимай. Тогда расстанемся — я уйду сразу после завтрака. Но ты же сам пожалеешь.

Некоторое время мы завтракали молча. Я лихорадочно думал. В существование летающих тарелок я в последнее время начал не то чтобы верить, но стал допускать эту возможность. Очень уж много и часто про НЛО говорили и показывали по «ящику» людей, которые общались с инопланетянами. Они так убедительно врал, сообщая всяческие подробности, что я стал колебаться в своем прежнем неприятии. И тут я ухватился за соломинку, решив, что, может, передо мной какой-нибудь внеземной прохиндей, принявший мой прежний облик. Это было, пожалуй, единственное логичное объяснение той хреновины, которая внезапно возникла в моей жизни.

Следующая фраза моего визави только подтвердила предположение.

— Ты думаешь, что я свалился с летающей тарелки и влез в твою молодую шкуру. Опять ошибаешься.

«Как же, ошибаюсь! — подумал я про себя. — Он же отгадывает мои мысли. Он их прямо-таки читает...» А я слышал, что инопланетяне владеют этой способностью.

— И тем не менее ты не прав. Можешь, конечно, мне не верить. — Диалог у нас получался, прямо скажем, удивительный: я думал про себя, а он отвечал мне вслух. — Ну, как тебе доказать, что я — на самом деле ты. И при этом живой — с человеческой кровью и натуральными потрохами?

В этот момент в дверь позвонили. Я испуганно дернулся, так как никого не ждал.

— Иди открывай, — глядя на меня насмешливо, произнес мой двойник. — И не думай, что там пришли мои сообщники, чтобы тебя пришить и ограбить.

Я покраснел. Он опять угадал мои мысли. Ощущение, что тебя видят насквозь, было непривычным и, что там греха таить, очень неудобным. Я чувствовал себя так, будто я голый. Я еще раз посмотрел на гостя и нерешительно направился к входной двери. Прильнув к глазку, я увидел на площадке человека в милицмейской форме.

— Это не переодетый, а настоящий, — услышал я голос из кухни и, решив больше ничему не удивляться и не сопротивляться, отпер дверь.

Несколько лет назад по Москве пронесся слух, будто меня ограбили. Оксана тогда еще была жива. Рассказывали, будто бы я в своем подъезде наткнулся на полуодетую плачущую женщину, которая, рыдая, сказала мне, что ее только что раздели хулиганы, что она просит приютить ее. И я — у меня репутация добряка — привел ее, согласно байке, в дом, даже дал ей халат жены. Так мне рассказывали! Жертва ограбления попросила у меня позволения позвонить мужу, чтобы он приехал за ней. А через десять минут после ее телефонного разговора раздался звонок в дверь. Ничего не подозревая, я открыл замок. На пороге стояли двое верзил, один из них огрел меня железной трубой, я рухнул. Квартиру обчистили полностью, а меня отвезли потом в реанимацию. Самое главное, что находились люди, которые навещали меня в больнице. Жаль только, что я лично не встретился тогда ни с одним из них. Бедная Оксана устала отвечать на телефонные звонки, а их было до полсотни в день. Оксана брала трубку и сразу же начинала говорить специальным жизнерадостным тоном, чтобы на дру-

гом конце провода сообразили бы, что все это вздор, белиберда, и не задавали бы вопросов о моем здоровье, на которые Оксана устала отвечать. Почему возник именно такой нелепый слух, я так и не понял... Если бы толки ходили компрометирующие, можно было бы догадаться, откуда они исходят и зачем. Если бы болтовня была, наоборот, лестная, это следовало приписать успеху, популярности, а тут...

Итак, я отпер дверь, и в квартиру вошел лейтенант-книгочей, с которым — мне показалось, давно, а на самом деле минут двадцать назад — я беседовал во дворе.

— Извините, — сказал милиционер, — мне бы хотелось задать вам несколько вопросов. Долг службы. Может быть, вы сможете нас натолкнуть на что-то...

— Пожалуйста, — натянуто сказал я и невольно оглянулся в сторону кухни.

Младший Олег — будем называть его так — вышел в это время в прихожую и поздоровался с милиционером. Я заметил, что перчаток на его руках не было, но когда он их снял — во время завтрака или еще раньше — никак не мог вспомнить.

— Я не знал, что у вас гости, но это займет несколько минут...

Я пригласил оперативника в комнату, и мы уселись около журнального столика. Милиционер оглядел комнату. Она была очень большая. В свое время мы с Оксаной, когда поженились, сменяли две наши квартиры в разных концах города на две других, расположенных рядом в одном подъезде, на одном этаже. Первое, что я сделал, — сломал стену между квартирами, и получилась огромная комната, нетипичная для советского жилья. После бесконечного глобального ремонта мы вызвали для уборки строительного мусора человека из «Зари». Будучи, естественно, пьяным в лошадку, он оглядел непривычную кубатуру и спросил, икая: «Это что у вас будет? Фойе?» С тех пор мы с Оксаной иначе эту комнату не называли.

— Откуда вы приехали? — начал допрос милиционер.

— Из Ленинграда. У меня там были творческие встречи.

Милиционер бросил взгляд на моего гостя, смотревшего в окно. И вдруг нахмурился:

— Пойдите, Олег Владимирович, вы же сказали, что у вас дома никого нет, а на самом деле... В парадное после вас никто не входил.

Наступила решительная минута. Я мог бы поведать оперативнику о нежданном и странном вторжении незнакомца, о перчатках на его руках, которые вдруг исчезли, о его странной осведомленности... Этого, думаю, было бы достаточно, чтобы парня тут же заграбастали.

Младший Олег испытующе смотрел на меня, ожидая, как я поступлю, — он ведь знал, о чем я думаю. Ждал и лейтенант, который как раз не подозревал о моих мыслях. Пауза затягивалась.

— Понимаете ли, — по возможности искренне начал я, еще не зная, как выкручусь, — дело в том, что этот молодой человек... — Тут меня осенило: — Он мой сын... Да, представьте... Он вчера приехал, не предупредив меня... Мы очень похожи... Остался ночевать... Вот такой приятный сюрприз... Он всегда сваливается как снег на голову...

Лейтенант, вероятно, почувствовал какую-то фальшь. Он внимательно разглядывал моего посетителя.

Я же продолжал усугублять подозрительность милиционера.

— Ты откуда приехал, Олежек? — задал я идиотский для отца вопрос.

— Я же говорил тебе, папа, из командировки, — уклончиво ответил «сын».

— Это я помню, — сказал я. — Но ты мне не сообщал, откуда именно.

— Ты интересуешься для себя или для милиции? — нагло спросил «сынуля».

— Исключительно для себя.

Признаться, я был совсем не в своей тарелке и роль играл плохо, притом не очень-то соображал, какую именно роль я должен играть. С одной стороны, я не хотел «закладывать» парня — что-то меня удерживало, а с другой, в присутствии милиционера я чувствовал себя уверенней, спокойней.

— От тебя у меня нет секретов, старик, — развязно заявил отпрыск. — Но это была секретная командировка. Так что я пока промолчу.

— Как его фамилия? — неожиданно спросил у меня лейтенант.

— А почему вы именно у меня спрашиваете? — увиливал я.

— Вы что, не знаете фамилию своего сына? — насторожился милиционер.

— Почему не знаю! — хорохорился я. — Я знаю... Но... Олег, кстати, ты сохранил мою фамилию или взял фамилию матери?

— Конечно, сохранил твою. Горюнов. Кому в нашей стране нужна фамилия Рапопорт?

— Можно ваш паспорт? — спросил лейтенант у моего не внушающего доверия потомка.

— Сделайте одолжение, — с легкой издевкой зевнул младший Горюнов и достал из кармана паспорт. Советский, но такой, какой дают при выезде за рубеж.

— Собираетесь уезжать... — процедил лейтенант, сверяя фотографию с оригиналом. — Далеко?.. Действительно, Горюнов Олег Владимирович.

— С вашего разрешения, в Израиль, — подчеркнуто вежливо объяснил мой тройной тезка.

— Но если вы сын Олега Владимировича, то почему у вас отчество Владимирович? — любопытствовал милиционер.

— А там отчество Владимирович? — Я не сумел сдержаться. — Разрешите взглянуть?

— Пожалуйста. — Лейтенант многозначительно протянул мне паспорт моего визитера.

— Папа, я во всем хотел походить на тебя, в том числе и отчеством. И попросил в милиции, — тут Олег сделал жест, показывающий, что он всучил за это деньги, — чтобы у меня было отчество по имени деда, Владимира Ивановича. Такое же, как у тебя.

Вся эта ситуация была для меня какой-то двойной пыткой.

— Понимаете, — начал я лихорадочно объяснять, — дело в том, что я расстался с его матерью много лет назад... Она снова вышла замуж... Я помогал... Потом его мать перестала мне писать... Да и Олега я не видел уже много лет...

— Как же тогда он попал к вам в квартиру? — поинтересовался лейтенант. В логике ему отказать было нельзя.

— Как ты попал? — тупо спросил я. Мне и самому это было интересно.

— Папа, ты меня пугаешь! Ты же сам оставил ключи для меня у Терезы... — разъяснил сообразительный сынишка.

«Значит, он знает и Терезу», — подумал я, а вслух сказал:

— Да, верно. Как я мог забыть? Маразм... Знаете анекдот про маразм? Стоит человек на углу с пустой авоськой. И говорит сам себе: «Вот маразм чертов! Не помню, в магазин иду или из магазина?»

И я вопросительно уставился на лейтенанта, пытаюсь понять, поверил ли он нам.

— Тут, в загранпаспорте, естественно, нет вашего домашнего адреса, — сказал сыщик. — А нам придется, возможно, вас побеспокоить, пригласить...

— Дело в том, что я улетаю завтра утром. Если у вас какая надобность во мне, то не откладывайте... А то не ровен час...

— Но вы же вернетесь? — улыбнулся лейтенант.

— Сейчас такое время, что ни за кого ручаться нельзя.

Милиционер задумался.

— Товарищ Горюнов-младший, вы не станете возражать, если я позову дактилоскописта? Он сейчас в ограбленной квартире работает.

— А вы по закону имеете право? — спросил я.

— В нашей стране после революции никто не соблюдал никаких законов, — сказал «потомок». — Но я не против. Это замечательная идея! Я с удовольствием оставлю на прощание милиции свой автограф.

Милиционер позвонил в квартиру Кустовского и позвал специалиста по отпечаткам пальцев. Через несколько минут у меня в «фойе» появился еще один сыщик.

Правда, он был в штатском, но от него несло чем-то военизированным за версту. А по физиономии было ясно, что выпито им за прожитые годы невероятное количество самого разного алкоголя.

Пока он готовился снять отпечатки пальцев у младшего Горюнова, тот поинтересовался:

— Это правда, что на свете не бывает двух совершенно одинаковых отпечатков?

— До сих пор не встречалось. Пожалуйста, надавите пальцем сюда.

Молодой Олег с удовольствием прижал свой палец к стеклянной пластинке, вымазанной чем-то синим.

— А теперь сюда. — Дактилоскопист расстелил на столе небольшой лист бумаги.

— У меня к вам просьба... Вот мы с отцом поспорили на бутылку коньяка. Я считаю, что у нас с ним должны быть идентичные отпечатки пальцев, а он не согласен, говорит, что так не бывает. Вы не проведете эксперимент, чтобы разрешить наш спор?

— Незачем время тратить. Ваш отец прав.

— Но если это не очень сложно, прошу вас. Мы поставим рядом свои отпечатки, а вы сличите. Если я не прав, то разопьем мой проигрыш вместе. И немедленно.

— Открывайте бутылку, — сказал дактилоскопист и протянул еще одну стеклянную пластинку. На этот раз мне.

Я понял, что затеял мой двойник, тезка, сын, брат, инопланетянин — в общем, черт знает кто — и безропотно приложил свой большой палец.

Рядом с моим отпечатком на бумажный лист лег след от большого пальца младшего Горюнова.

— Сейчас я могу сказать только приблизительно, — сказал дактилоскопист, вооружаясь лупой. — Точный анализ можно сделать в лаборатории. Но бутылочку, молодой человек, можете открыть...

Уверенности у меня, что проиграл молодой человек, не было, но я распахнул дверцу бара и достал бутылку армянского коньяка, купленную с полгода назад. Сейчас ничего такого нельзя было купить, разве что за огромные деньги. Армения практически отделилась и перестала поставлять нам коньяк. А поскольку я уже давно не пью и даже не выпиваю, у меня в баре сохранилось несколько бутылок спиртного.

— Минуточку, минуточку, — оторопело забормотал специалист по отпечаткам пальцев и выпивке. — Боюсь, что... Нет, это невероятно... Если бы сам не был свидетелем того, что отпечатки делались разными людьми... Умом поехать можно... Елки зеленые!

— Неужели полная идентичность? — ахнул я.

— Боюсь, что вы проиграли, папаша, — сказал дактилоскопист. — А впрочем, посмотрите сами.

Я схватил лупу и стал разглядывать отпечатки.

Младший Олег, победно улыбаясь, взял бутылку и нахально сказал:

— Разрешите, папаша, я открою ваш проигрыш!

И тут я понял, что завтра утром, без двадцати одиннадцать, меня действительно убьют.

Сверстнику

Его взяло отчаянье и зло.

В тюрьме родился, в ней провел всю жизнь он.

Иным везет, ему не повезло:
застенком для него была отчизна.

Пожизненно! Весь срок прошел в тюрьме, где свыкся он с суровым распорядком. Он знал, конечно, что живет в дерьме, но уговаривал себя, что он в порядке.

Он жал плечом — незыблема стена!

А правила жестоки, неизменны.

Да, на таран не шел, и в том его вина...

Порой лишь бился головой о стену.

Считал, что в катажке и умрет...

Но вдруг начальник новый был назначен, пробил в стене дыру, проем, проход и для начала все перенимал.

Привольный мир открыла та дыра:

дорогу, речку, луг, где лошадь ржала.

В пролом рванула первой детвора и босиком по полю побежала.

Ребята в речку прыгали, визжа,

они свободу приняли, как должно.

А он, привыкший к кулакам вожда, с опаской шел, на ощупь, осторожно.

Приволье, а ему не по себе:

нет стукачей, не бьют, не держат плетку...

И он, мечтавший о такой судьбе,

вдруг захотел вернуться за решетку.

Он рад и злобен... И в конце пути

все прокликает и благословляет...

Тюрьма не только держит взаперти, она к тому ж еще и охраняет.

Гримасой жалкою его лицо свело,

фигура сгорбилась понуро и устало.

С эпохой ему не повезло — как раз на жизнь свобода опоздала!

Глава вторая

В голове у меня будто стучал метроном, отбивающий время. Причем стучал как-то лихорадочно быстро, во всяком случае, мне так казалось. С большим трудом удалось спровадить милиционеров. Дактилоскописту пришлось вручить недопитую бутылку — я понял, что, пока он ее не прикончит, его из дома неставишь.

Мы снова остались вдвоем — я с моим младшим «я». Сказать, что я испытывал неуверенность, двойственное чувство, сомнение, — было бы слишком неполно. Смятение раздирало меня. С возрастом я стал более терпим к мысли, что необыкновенного и непознанного в мире очень много, но сам лично я никогда ни с чем иррациональным, не имеющим логического объяснения не встречался. На этот раз всю цепь случившегося я вынужден был принять как данность, хотя это противоречило моему предыдущему опыту уже довольно долгой жизни...

Однако если завтра мне действительно предстоит переселение, что называется, «в мир иной», то надо собраться с мыслями и перед расставанием с жизнью привести в порядок свои дела. Ну, а если все это... ну, скажем... классный розыгрыш, то я буду выглядеть законченным кретином. Впрочем, привести дела в порядок, осуществить то, до чего не доходили руки, — в этом не было ничего плохого. Я колебался, что же мне все-таки предпринять, изредка поглядывая на себя

«молоденького». «Я молоденький» читал один из последних номеров «Нового мира», где наконец-то напечатали мою повесть, которую я сочинил лет двенадцать назад. Когда я ее писал, то знал, что работаю «в стол». И тем не менее вещь писалась запойно, словно я ее выдохнул. Понимая, что публиковать ее не станут и предлагать ее журналам с моей стороны по меньшей мере нахально и бестактно, я все-таки предпринял тогда кое-какие попытки. Отнес вещь в послетвардовский «Новый мир» и в «Дружбу народов». Но, как и ожидал, получил отказы с извинениями, сожалениями, невразумительным бормотанием. Еще три года назад я, честно говоря, не верил, что повесть когда-нибудь прочтает наш читатель. За границей ее тиснули в «Континенте», и тогда у меня возникли неприятности. Сейчас вспоминается об этом с легкостью и даже, к собственному удивлению, без чувства злобы, но семь лет назад, когда началось гонение, было достаточно противно. Меня вызывали в Союз, на заседание секретариата, допытывались, как мой «пасквиль» попал за кордон. Признаюсь, я и сам не знал этого, так как рукопись за рубеж не отправлял. Мое клеветническое сочинение лежало в двух редакциях московских журналов достаточно долго, что-то около полугода, а потом все экземпляры вернулись ко мне, и Оксана засунула их в папку и спрятала на антресоли. Оксана не выбрасывала черновики и вообще ничего из того, что вышло из-под моего даровитого пера, и бережно все сохраняла. Единственная гипотеза, которую я смог выстроить, заключалась в том, что кто-нибудь из сотрудников этих журналов, кому понравилось мое сочинение, снял с повести копию и как-то переправил ее за границу. Несмотря на разгром «Нового мира», там еще оставались приличные люди, да и в «Дружбе народов» выгравить прогрессивный дух до конца не удалось. Разумеется, этого своего предположения я вслух не высказывал, ибо у «органов» тогда были очень интимные отношения с писательской организацией. Но и на себя «грех» брать не хотел, зачем возводить напраслину на себя, любимого. Поняв, что я не раскалываюсь, секретари и разные доброты стали от меня требовать, чтобы я дал в «Литературке» отповедь «пиратской акции антисоветчиков и отщепенцев». Я понимал, что для собственного блага надо бы пойти на уступки и написать что-то вялое, якобы возмущенное, но переступить через свою совесть не смог и отказался. Мне пригрозили исключением из Союза писателей. Тут и я закусил удила, сказал, что чести им это не сделает, что надо не только служить, но и о совести думать, что я попаду в недурную компанию вроде Солженицына, Галича и Аксенова. При гробовом молчании присутствующих я ушел с заседания секретариата. У меня не было никакого геройского чувства, наоборот, что-то мерзкое, трусливое и гадкое бултыхалось в душе. А потом приходил домой какой-то литературовед в штатском, советовал уехать из страны, обещал всяческую поддержку в быстром оформлении выездной визы. Я был с ним вежлив, но сказал, что выдворить меня можно только под конвоем. От меня помаленьку отстали. Писатели не рисковали меня исклочьить, а КГБ, видно, тоже махнул рукой. Правда, очевидно, были телефонные указания, и меня перестали издавать, упоминать в газетах. Стали вычеркивать мою фамилию из критических статей, исключили из редколлегии «Комсомолки», вывели из художественного совета «Мосфильма». «Советский писатель» изъят из плана мой одотомник. Тут оказалось, что и государственная граница на замке. Во всяком случае, для меня. Да я и не особенно тыркался. Могли выпустить, а потом захлопнуть шлагбаум и лишить гражданства. Прецедентов подобного рода было немало. Больше всего, пожалуй, пострадал мой друг Стасик, критик

и литературовед. Набор его книги обо мне был рассыпан. В общем, в старину это называлось «опала». Меня вроде как бы не стало: не то умер, не то исчез, не то испарился. В такое положение я попадал не впервые — у меня уже имелся опыт немилости властей. То за подписание письма в поддержку выслаемого деятеля культуры, то за автограф на протесте против ввода наших войск в чужую страну или суда над инакомыслящими. А «подписантов» у нас в стране ох как не жаловали. И я решил засесть за роман, приняться за который все было недосуг. Я понял, что как минимум годика два трогать меня не станут и можно спокойно — если только внутренняя эмиграция в собственной стране может считаться состоянием покоя — заняться настоящим делом, не отвлекаясь на жизненную суету. И действительно, не приставали довольно долго. Телефон, раньше трезволивший без умолку, вдруг утих. Куда-то исчезли интервьюеры и интервьюерши, я перестал интересоваться устройтелей литературных вечеров и декад, не говоря уже об организаторах писательских пленумов. Оксана была трусихой, очень боялась, что со мной может что-нибудь случиться, и вздрагивала при каждом звонке в дверь. Но, к счастью, вздрагивать ей приходилось не так уж часто...

Мой гость впился в «Новый мир» и частенько хихикал, не обращая на меня никакого внимания.

А повестушка-то содержала в себе леденящую кровь историю. Это был сюжет о молодом историке, выпускнике университета, который почему-то крайне неодобрительно относился к самому прогрессивному строю в мире и мечтал смыться из самой лучшей на свете страны. Конечно, он был неблагодарной скотиной, не ценившей, что Родина его воспитала, приняла в комсомол, дала высшее образование и двухгодичную воинскую закладку после окончания университета. Пребывание в армии почему-то особенно не понравилось герою, и он поставил себе задачу покинуть Отечество любой ценой. Но осуществить это было не так-то просто. Уехать в туристическую поездку в капиталистическую страну, в такую, откуда перебежчика не вернули бы обратно, никак не получалось. Он был холост, а без заложников за рубеж не выпускали. Такая родня, как родители, братья и сестры, дяди и тети, в расчет не принималась. Организовать служебную командировку, хотя Шурупов — такая фамилия была у героя — уже стал кандидатом исторических наук, тоже не удавалось. Право выезда за пределы, то, что в любой стране предоставлялось любому просто так, ни за что живешь, не за какие-то там заслуги, в нашем самом гуманном обществе следовало заслужить. Бедняга и в партию вступил — не помогло. Те, кто думал, что в отличие от зеков живут на свободе, ошибались. Просто зона у них была побольше, а колючая проволока их лагеря шла по государственной границе СССР.

Взвесив свои возможности, Шурупов установил, что имеет три возможности отъезда за бугор. Первый способ — жениться на иностранке, на «фирменной» девочке, и вместе с ней сигануть на волю. Второй путь был похож, но менее приятен: следовало охмурить какую-нибудь еврейку (тогда говорили: «Еврей не национальность, а средство передвижения»), сочетаться с ней законным браком, далее организовать вызов от мифических родственников из Израиля и рвануть в Соединенные Штаты. Еврейский вариант меньше нравился Шурупову, ибо он недолго любил эту активную нацию. Не то чтобы он был рыным антисемитом, но не лежала у него к ней душа, да и тело тоже не хотело ложиться в одну койку.

Третий путь был кровавый, и герой, будучи гуманистом не только по образованию, его отвергал. Речь шла об угоне самолета. Дело предстояло хлопотное:

доставать оружие, суметь протащить его на борт... Кроме того, не было никаких гарантий, что самого Шурупова не прихлопнут. Да и убить человека он, пожалуй, в отличие от Раскольниковова не сумел бы. Эта версия была отброшена бесповоротно.

Сначала герой попробовал два первых способа. Он начал каждое утро принимать душ, и ежедневно менял белье, и даже душился заграничной туалетной водой. Но все было напрасно. Ни стильные девочки из-за бугра, ни еврейские барышни на него не клевали. Он потратил немало денег на рестораны, но почему-то никто не хотел ложиться с ним в постель. А он, как дурак, каждый день ходил чистый, надушенный и в свежем белье. В особенности Шурупов обижался на евреек. Он, можно сказать, делал им одолжение, предлагая себя, совершал, можно сказать, подвиг, преодолевая свою нелюбовь к их национальности, а они ужинали с ним и потом воротили от него свои, как правило, длинные носы. Наш историк имел несколько мужских недостатков: мал ростом, неказист, некрасив, необаятелен и как-то несексуален. И хотя у него были недюжинные мужские достоинства, ему никак не удавалось пустить их в ход. Ну не хотели женщины иметь с ним никаких амурных дел! И только невзрачная, чтобы не сказать уродливая, соседка по подъезду удовлетворяла его плотские вожделения.

Короче, многочисленные попытки завязать серьезный роман, переходящий в женитьбу, со «средствами передвижения» потерпели фиаско. Шурупов устал каждый день мыться и решил пойти другим путем. Конечно, это потребовало от него своеобразного, можно выразиться, даже геройского поступка. Он — чистопородный русский — решил переменить национальность. Все-таки отвращение к социалистическому строю возобладало над неприязнью к евреям. Он написал заявление в милицию, что потерял паспорт. Через месяц ему по правилам должны были выдать новый. Когда начальник паспортного стола заполнял паспорт, Евгений Федорович Шурупов, родившийся в Васильсурске на Волге в семье агронома, вдруг сказал майору милиции:

— В графе национальность напишите «еврей»!

Догадливый майор перестал писать и протянул раздумчиво:

— Пожалуйста. Только нужно представить документы, удостоверяющие...

Шурупов положил на стол конверт и произнес со значением:

— Здесь не один документ, а три...

И он выразительно посмотрел на майора. И, хотя, где-то в тайниках его сознания, испуг не проходил, он все-таки надеялся, что майор не поднимет хипежа и не начнет обвинять его в даче взятки.

Его надежда более чем оправдалась.

Майор сгреб конверт со стола, заглянул внутрь, где лежали три сотенные ассигнации, прохрипел:

— Тут потребуются не три, а четыре документа.

У Шурупова испуг, словно камень с плеч, скатился и что-то радостное запело в душе. Он добавил еще сотню и так, всего за четыреста рублей, приобрел желанную национальность. Как он тогда был счастлив! Но одновременно, будто резкая холодная тень, набегало чувство тошноты и омерзения. Надо же, он — и еврей! Далее, через знакомых своих знакомых, чьи знакомые укатали на свою историческую родину, он получил вызов от несуществующей тети. Подал заявление на отъезд. По тогдашним правилам он должен был оставить работу в историко-архивном институте, где преподавал восемнадцатый век в России. Изучая историю этого столетия, собирая материалы для диссертации, он поездил по русскому Северу и собрал не только материалы, но и немало старинных икон. Иной раз воровал ночью в церкви, другой раз

скупал по дешевке у выживших из ума стариков, а то и выносил из дома, где только что умерли и покойник или покойная еще не успели остыть. При этом он говорил себе, что, по сути, спасает произведения русского искусства от разграбления и уничтожения. Может, он был и прав. Но ведь и его конкуренты, как правило, считали так же. Те десять месяцев, что тянулось оформление, он зарабатывал на жизнь, разнося авиационные и железнодорожные билеты по квартирам. Жил неплохо. Даже, пожалуй, лучше, чем на институтскую зарплату. «На чай» часто давали весьма щедро. Наконец документы на выезд оформили, билеты были куплены, вещи упакованы. Однкомнатная квартира была возвращена кооперативу, а на стоимость пая покупались постельное белье и разные вещи, которые тут стоили дешево, а там — дорого. Предстояло щекотливое дело с отправкой икон. Но и здесь Шурупов повезло. Таможенник, проверявший его багаж — мебель, книги, телевизор, холодильник, коробки, чемоданы и пресловутый ящик с иконами, откровенно смотрел в руку, и Шурупов не поспешил. Все его пожитки беспрепятственно миновали границу и отправились в Италию. В Остию, близ Рима, должен был прибыть и хозяин багажа после кратковременной сортировки эмигрантов в Вене.

Накануне отъезда Шурупов устроил в пустой квартире вечеринку. Невзрачная любимая-нелюбимая женщина из его подъезда помогла ему приготовить ужин. Друзья завидовали, но втайне, скрывая друг от друга непатриотическое чувство. Нелюбимая возлюбленная плакала в предчувствии разлуки. Все сидели на чемоданах, старых табуретках, на подоконнике. Пили из бумажных стаканчиков, закусывали на газете. И было всем не столько грустно, сколько скучно. А когда все ушли, герой занимался прощальной любовью прямо на полу, опять-таки постелив газеты. Он клялся сожительнице прислать ей оттуда вызов, но оба понимали, что он этого не сделает никогда. Однако это не мешало им пылко предаваться страсти...

А наутро произошло ужасное, неожиданное, непредсказуемое! В Шереметьевском аэропорту, когда Шурупов проходил таможенный досмотр, к нему с распростертыми объятиями подошел земляк и близкий друг его покойного отца Степан Сергеевич. Он служил в пограничных войсках и даже имел какой-то приличный чин. Сначала он обрадовался, увидев сына своего покойного друга. Но, разобравшись в ситуации, буквально оцепенел. Мысль, что сын Шурупова уезжает по еврейской визе в объятия сионистов, повергла его в ужас. Но, как и подобает чекисту, он быстро вышел из прострации и поступил с незадачливым эмигрантом весьма круто. Все-таки замечательно, что нашу границу охраняют такие бдительные и неподкупные люди. На свой рейс Шурупов, естественно, не попал. Не отправили его и на следующий день. Дуболом-патриот Степан Сергеевич вывел на чистую воду афериста. Для полковника пограничных войск отдать чистокровного русака в лапы международного империализма было невозможно. Его свидетельства, что он лично знает этого псевдоеврейского молодца буквально со дня рождения и у того нет никакой тетки в Израиле, что тут пахнет предательством Родины и происками израильской разведки, оказалось достаточно, чтобы аннулировать визу. Так Шурупов и остался в своем Отечестве. Без работы, без квартиры, без обстановки, без икон, без телевизора, без холодильника, без постельного белья, без денег, но зато с национальностью — еврей. И кто бы смог предвидеть, как дальше повернется его жизнь? А повернулась она таким образом: он пошел работать служкой в московскую синагогу, выучил иврит, принял иудейскую веру и превратился в самого ярого приверженца сионизма. Шурупов стал не только анти-

советчиком, что естественно, но и русофобом, что отвратительно. Какие только фортели не выкидывает судьба!..

По нынешним меркам вполне безобидная вещь. Написана она была довольно едко, в разнузданной манере, чем особенно, думаю, раздражала всяких разных начальников и привела в бешенство моих правоверных коллег по «писательскому цеху» — любил у нас приблизить сочинителя к рабочему классу.

Младший Горюнов посмеивался, читая опус старшего Горюнова. А я все метался и не понимал, что же мне предпринять, с чего начать. Тут я обратил внимание на еле заметный шрам на лбу моего гостя. У меня на том же самом месте был точно такой же, почти невидимый шрам.

— Откуда у тебя эта отметина? — спросил я, показывая на свою.

Младший Горюнов оторвался от чтения:

— Слушай, я не представлял себе, что буду так здорово писать, когда подрасту.

— Надеюсь, ты будешь писать лучше, — с любезной иронией ответил я.

— А этот шрам на лбу я получил так. Мы играли во дворе в расшибалочку. Мне было, наверно, лет семь или восемь... Я поставил на кон свой гривенник. А один из парней, он был постарше, стоял на черте, собирался бросить биту... ну, ты знаешь... тяжелую, сплюснутую, большую монету... Так вот, этот тип думал, что я поставлю свою долю на кон и отбегу в сторону... и швырнул биту... А я не видел и побежал не вбок, а навстречу. И бита, как снаряд, врезалась мне в лоб. Я свалился без чувств...

— А разве в ваши годы еще играли в расшибалочку? — спросил я, холодея.

Все это точь-в-точь случилось со мной перед войной, и я вспомнил наш проходной двор на Смоляге, голубятню, около которой гужевало пацанье. Мы соорудили самопалы и ходили войной на соседние дворы, до одури резались в пристеночек, в расшибалочку и в джонку. В семь лет я уже курил, конечно, не всерьез, но всю выпускать дым, а в случае опасности прятал незагаженный чинарик в рукав. В первом классе мать нашла у меня в кармане пачку папирос-гвоздиков «Бокс», которые, помню, стоили 35 копеек. Мне каждый день выдавалось 1 рубль 10 копеек на школьный завтрак. Так вот, 35 копеек из них я тратил на курево. Если вдуматься, мальчик был как мальчик...

Бита угодила мне в лоб, и я рухнул без чувств, меня отвезли в больницу. Я пришел в сознание на больничной койке. А потом около двух месяцев ходил с марлевым тампоном-пузырем на лбу. Я иногда думал: сыграло это ранение какую-то роль в моей судьбе или нет? Может, если бы бита промчалась мимо, психика моя не изменилась и жизнь понеслась бы по другой колее? Кто знает? Думать про всякие случайности и что бы стало, если бы их не было, мне всегда казалось интересным...

Но сейчас поразило меня другое. Историю с расшибалочкой, кроме моих давно умерших родителей да дворовых мальчишек — где они сейчас?! — никто не знал. Этого ЕМУ никто не мог рассказать. НИ-КТО!

И тогда я отбросил всяческие сомнения. Я отчетливо понял — мне остался один, последний день жизни. Вдруг я почувствовал, что моя воля парализована. Энергия, сила, решимость уплыли куда-то, и я подумал: не надо суетиться, что-то делать, куда-то бежать... Надо просто ждать, когда наступит конец. Главное, не терять спокойствия и ждать с достоинством. Послушать музыку, перечитать напослелок что-нибудь любимое. А еще лучше поехать куда-нибудь на природу, к воде и бездумно сидеть, глядя на чаек и белые пароходы, у которых кончается навига-

ция. В общем, надо поступить, как подобает настоящему человеку прошлого века, а не как ничтожному порождению нынешнего. Но я — дитя своего времени, дешёвого, вульгарного, торопливого. Мне было не по силам проникнуться стоическим умением владеть собой. Шило в заднице, которое сидело всегда, пришло в движение. Характер, вопреки сознанию, опять диктовал мое поведение. Я стал собираться с мыслями. Что необходимо сделать сегодня, именно сегодня? Признаюсь, я не был готов к такому резкому повороту. В голове проносились всякие незавершенные дела, почти все казалось мелочью по сравнению с тем, что меня ждало. Я осознал — надо отбросить мишуру, необязательное, ибо времени в моем распоряжении ничтожно мало. Рядом со смертью, которая стала критерием отсева, почти все представлялось лабудой. Удивительным было то, что я не испытывал паники, мандража и о смерти думал, как о чем-то отвлеченном.

— Учти, я эти сутки в твоём распоряжении, — сказал «я двадцатипятилетний» «мне шестидесятидвухлетнему». — У меня самолет завтра в 12 часов 40 минут дня.

То есть через два часа после предсказанной моей кончины. А что если именно он меня как раз прихлопнет и тут же уберется из страны?

— Какая чушь тебе лезет в голову, — встрял в мой мыслительный процесс двойник. — Если удастся, я, наоборот, постараюсь помешать убийству... Хотя ты и старый уже, но болван!

И он снова уткнулся в мою повесть, потом повернулся и сказал:

— Слушай, а твой сюжет мне тоже приходил в голову, но сейчас писать об этом уже поздно, поезжай...

«Надо поехать на кладбище, попрощаться с Оксаной, со стариками. Хотя, кто знает, может, это будет прощание перед встречей? Что там ожидает, за финальной чертой? Потом надо повидать дочь с внучкой... Но они в санатории в Крыму... Слава Богу, завещание написано, менять ничего не буду... Так что времени на формальности, справки, нотариусов можно не тратить. Вечером, пожалуй, устрой вечеринку, приглашу друзей на собственные поминки... Здоровая идея!.. Кое-кому надо ответить на письма... А, впрочем, можно и не отвечать... У меня уважительная причина для неответа...»

Вдруг мой внутренний монолог оборвался, как будто что-то толкнуло меня. Как я сразу не вспомнил про это дело? Ведь я занимался им уже много лет, да так и не довел до конца... В цепи доказательств зияли пустоты, я не мог найти документальные подтверждения своим догадкам, подозрениям, больше того — уверенности. Но сейчас я понял, что попросту не имею права умереть, не поставив точку. Ибо дело шло о смерти моего отца, а вернее об убийстве. Недаром и цыганка на вокзале сказала, что отец был убит...

(Окончание следует)

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Для того, чтобы установить прямой контакт с каждым подписчиком нашего журнала, просим вас сообщить о себе следующее:

1. Фамилию, имя, отчество
2. Точный почтовый адрес
3. Сколько лет выписываете журнал
4. Возраст
5. Род занятий

Просим откликнуться все библиотеки и организации, выписывающие наш журнал. Редакция предполагает осуществить ряд акций, адресованных каждому подписчику «Юности».

Ответы просим присылать на почтовых открытках с пометкой «Подписчик» для удобства и быстроты обработки.

ВСТУПАЙТЕ

В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНУЮ КОРПОРАЦИЮ

КОНТИНЕНТ-НОРД

✓ "КОНТИНЕНТ-НОРД":

- купит контрольный пакет акций Всесоюзной государственной телерадиокомпании
- создаст имидж любой фирме в средствах массовой информации
- откроет фирмы, банки, акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью в любой стране мира
- поможет взять кредиты в банках США и Германии

✓ А ТАКЖЕ:

- продает брокерские места и акции на зарубежных биржах
- предлагает помещения для офисов в США и Германии
- реализует международные программы обучения для академий и школ бизнеса
- финансирует проекты и изобретения

✓ КРОМЕ ТОГО, "КОНТИНЕНТ-НОРД" приглашает:

- принять участие в конкурсе на замещение вакантных должностей директоров наших филиалов, преподавателей Академии международного бизнеса, Международной заочной школы менеджеров и Школы гидов-переводчиков. Иногородним предоставляется жилплощадь.

- на работу журналистов
 - организации и частных лиц в любой точке страны, мира выступить нашим представителем
 - к сотрудничеству высшие учебные заведения России
- Транснациональная корпорация "Континент-Норд" готова помочь всем, кто в этом нуждается.

Председатель Правления корпорации

Михаил Керов

Президент Корпорации

Павел Керов

Наш адрес: 129346, Москва, ул. Изумрудная, 22. Корпорация "Континент-Норд".

Телефон: (095) 472-32-21.

Автоответчики с 9.00 до 18.00: (095) 476-09-73, 479-93-69.

Александр Карвовский родился в Париже в русской семье. В 1955 году двадцати двух лет от роду он переехал в Москву.

Так что двуязычие для него — обычное состояние, норма. Он и стихи пишет на двух языках. Причем если его французские стихи уже не однажды публиковались во Франции и Бельгии, то стихи русские пока что опубликованы не были. И, по-моему, зря, ибо они весьма любопытны.

На мой взгляд, они свидетельствуют не только о своеобразном таланте автора, но и достаточно полно показывают его поиски в мало распространенной у нас форме верлибра.

Читая А. Карвовского, я что-то принял у него сразу, а с чем-то согласиться так и не смог. Однако мне нравится искренность поэтической мысли автора. Нравится мне и его умение быть ироничным, острым, парадоксальным. Он любит, к примеру, доводить какую-то мысль до крайности, почти до абсурда. Понимаю, что у читателей сам этот факт иногда может вызвать недоумение, а то и раздражение. Но ведь и в нашей повседневной жизни такого «нормального» абсурда вполне достаточно.

Интересно, что в некоторых своих стихах Александр Карвовский как бы заранее предъявляет читателю некий формальный прием, конструкцию, принцип, по которому дальше будет строиться все стихотворение. Однако, читая стихи, ты очень скоро забываешь о заявленном принципе, ибо внутри этого приема неуловимо и точно вдруг появляется, вдруг оживает душа, где есть и свет, и дыхание, и память, и настоящая человеческая боль.

Короче, есть поэзия.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Из жизни (и смерти) птиц

карканье карканье карканье
ворон над городской свалкой
сытое на птицебойне неpris-
тойное над кладбищем жуткое
карканье сатаническое в раз-
валинах храма зловещее в во-
енном небе над виселицей не-
терпеливое над грудой трупов
похотливое но все же есть на
свете справедливость карка-
нье ворон каркан кар зах
лебывающееся в разливе нефти

Экзекуция

Сказала береста:
твой лес весь из тумана
ты должен заплатить
А я не зная за собой греха:
но ветер? Надо было его обмануть
Я не виновен
Но ветер? Надо было его обмануть
Я не виновен
Ковром взметаются
рубины охры
разбитые ряды бегут металлом прочь
После побоища
земля в россыпи золота
то по чему нога ступает
есть тоже моя кровь

Метро Юго-Западная

Густой отрыжкой подземелья
плывет на свет (и автобус)

толпа

А глаз ведет
естественный отбор
Женщина

женщина
Красивая женщина
Другая

Еще

(Мужчина)

Женщина сильная Женщина
слабая А вот б...

Синий пудель

Женщина толстая Женщина на костылях Женщина на
сносях Ж. полная Ж. стебелек Женщина себе-цену-
знаю Женщина усы Женщина озабоченная Ж. я-ем-
мороженое (крембрюле) Ж. цветок Ж. без шеи Ж. без
грудей С крупными С очень Женщина я-мечтаю-о-
счастье Ж. мешок Женщина богиня Ж. козочка Ж.
в прыщах

Мужчина

Женщина ребенок

Женщина глаза-блодушки Ж. сумка

Эр-Франс Женщина некрасивая Ж. некрасивая

Ж. я-ем-мороженое (фруктовое) Нек

Голубенький расивая Некрасивая Ага ничего

ОГО совсем ничего

Афганка

Женщина косметика Женщина итальянские
вельветовые брюки Ж. архитектурная прическа Ж.
химия Ж. химера Ж. Адидас Ж. зонтик колокол Ж.
с соба

чкой Женщина собачка Ж. лиса Ж. в лисе Ж. я-ем-
мороженое

(пломбир) Женщина похотливая (но не проверял) Ж.

кофточка Ж. бусы Ж. манто Ж. туфли Женщи-

на туфли Женщина крестик Женщина шляпа Диор

Инопланетянин

Женщина колготки в пупы-

Лошадь

рыпках

Мужчина

Женщина смотрите-это-мой-близ

нецы Ж. авоська с огурцами Вариант

— со ст. порошком Женщина
я-независимая-женщина Ж.

я-ем-мороженое (в шоколаде) Женщи-
на мне-тяжко-женское-бремя Ж. мне тяжело Ж.

мне тяжело Ж. мне т

Мужчина

очень хорош

собою

Женщина не-знаю-вас-и-знать-не-желаю

Ж. я-самое-кроткое-существо-в-Евро

пе Женщина очки Ж. я-вся-спешу Женщина

неужели-влипла? Просто женщина Женщина

я-Марина Ж. половая б

омба Женщина не-клюю-на-вашу-удочку

Женщина иди-ка-мальчик Ж

Женщина мальчик-иди-ка

(мужчина)

Женщина я-джейн-фонда Ж.

у-меня-ни-минуты-лишней Ж. отстань-а-

Одинокая Ж то схлопочешь Женщина прознаю-прос

енщина

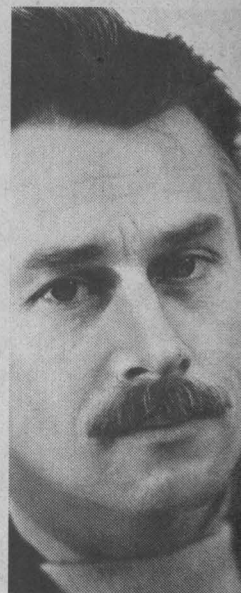
транство-грудями-

своими

И множество других
и множество красивых
и множество прекрасных
мужчина

И женщины того прекрасней
которые прошли выходом
другим

Александр
КАРВОВСКИЙ

Александр ОВЧАРЕНКО

ХРАНИТЕЛИ СЕКРЕТНЫХ ТЕЛ

1. Хранитель

Три года Тимур был для меня только посредником, коммерсантом-одиночкой. Нечто большее я узнал о нем этим летом. Спасаясь от жары на теннисном корте, он стянул майку — шрамы, которые я увидел, были явно от ножевых ранений. На мой некорректный вопрос Тимур отвечал что-то про сложную командировку. Но я не отставал, а он не стал особо упорствовать. И рассказал, как охранял груз фирмы и ее представителя.

— Мы везли взятку директору одного государственного производства на живописном берегу Волги — два видеоплеера, телевизор плюс магнитофон. За них он продавал фирме, нанявшей меня, сто тонн полистирола по госцене, что означает сейчас практически даром. Добрались нормально, поездом, и уже в городе пошли в ресторан обедать. А к столу подошли пятеро чеченцев и сказали: отдай видики, тебе ничего не будет. Засекли они нас, видимо, еще в поезде либо на вокзале. Я их, натурально, посылаю. На это один прыгает на меня с ножом, остальные — вслед. Я, кстати, был тогда неплохо вооружен: свои нож и газовая пушка, и еще в фирме дали на всякий случай боевой «бульдог», это наподобие кольта. Только мне даже испугаться времени не хватило, не то что пушки доставать — сразу стал действовать на автомате, работало подсознание. Выбил у первого нож, перехватил его и троих порезал. Двоих просто ногами замочил — они потом, очухавшись, уползли. Но меня все же укололи — три дырки. Две легкие, так, царапины, а третья, в области живота, большая, зашивать пришлось. В поликлинику к врачу не пойдешь — они же должны обо всех ножевых ранениях сообщать да к тому же скажут, что в больницу надо и все такое... Пришлось самому. Поднялся в номер, нитку с иглой водкой из ресторана продезинфицировал, мы ее под обед испорченный заказывали, и — зашил. Первый раз, между прочим, раньше только на других видел. Больно, конечно, немного было, только рана-то открытая сильней болела...

Вольного охранника можно нанять исключительно по надежной рекомендации достаточно близких или хорошо известных ему людей — в этом какое-то подобие гарантии, что не подставят как пушечное мясо. Хотя желающие подставить все равно находятся даже, кажется, среди надежных знакомых. Один из друзей Тимура рассказал мне, как ему предложили сопровождать небольшой, но очень тяжелый контейнер. Конспирация перевозки предполагалась еще та, а доставить груз надо было из Питера почти через полстраны. Было это года два назад, и он знал, что на Неве работает очень крупная лаборатория по производству синтетических наркотиков. Решил сначала, что это их груз, тем более что деньги обещали очень хорошие и условием ставили: содержимым контейнера не интересоваться. Но навел справки — что-то не сходится. Да к тому же у наркомафии всегда своих курьеров в достатке, благо заработки там фантастические.

И еще: как можно так плотно утрамбовать наркотики или сырье, чтобы маленький контейнер больше 50 килограммов весил? Думал-гадал, сомневался, да, слава Богу, хватило ума у приятеля бытовой гейгеровский счетчик попросить (контейнер уже дома стоял, выезжать назавтра, задаток получен...). А счетчик белугой прямо как заревел! «Я перекрестился, груз немедля вернул и — никаких, говорю, не могу никак, ни в какую, дел больше быть не может, занят, исчез, провалился, забудьте. Водку потом месяц без перерыва жрал, стронций выгонял. Хотя дома у меня он всего полдня простоял, не смертельно все же. А вот если б поехал, как и уговаривались, через полстраны, мне одноклассник-физик посчитал — запросто загнулся бы через пару лет, а про баб мог сразу забыть. То-то, суки, хотели, чтоб я один его вез. Знаешь, какой мандраж был? Но, слава Богу, год назад проверился — вроде чисто. А то как подумаю, зачем это им дрянь такая — сразу как-то очень неуютно становится, хоть до конца, признаюсь, и сейчас не понял. Не уверен, во всяком случае...»

Требуется охрана совершенно разным людям, но процентов 80 из них не «криминал», а обыкновенные коммерсанты, простые кооператоры, у которых тоже вполне могут быть причины не светиться и не связываться с официальными структурами. Опасаются грабежей имущества, похищения себя, рэкета, провокаций конкурентов, покушений на коммерческую тайну и т. п. А максимум, что на них «висит», — взятки должностным лицам (чтоб можно было работать) и сокрытие части прибыли от налогов. Свободных охранников эта публика ищет потому, что у них не в особой чести как милиция, так и официальные охранные конторы. Подтверждения этому и по разным другим поводам мне нередко приходилось слышать от коммерсантов. К тому же со свободным охранником в 95% случаев не нужно заключать никакого договора и в 100% отвечать за его безопасность. Зато в нелегальной охране можно найти таких профессионалов, один из которых легко заменит собой взвод «алеков».

Встречаются среди клиентов и не совсем обычные. Тимур однажды пришлось быть телохранителем некоего ученого из Петрозаводска, и всю дорогу того пытались отбить, не делая при этом ни единой попытки убить. Тимур сначала думал, что сопровождает какого-то фаната науки с манией преследования, но скоро убедился, что ученый — личность весьма серьезная и кому-то очень нужная. Наняли Тимура тогда сокурсники этого ученого, пошедшие после вуза в нелегальную коммерцию, — их Тимур уже когда-то охранял. Не без труда удалось ему довести профессора до столицы. А впоследствии с изумлением слушать рассказы одного компетентного человека о том, как очень перспективного и «стратегически ценного» ученого пытались из Петрозаводска похитить одновременно две иностранные разведки, и потом этот ученый жил и работал в Подмоскovie на даче под надежной охраной КГБ.

Конечно, среди охраняемых встречаются и не только простые кооператоры, наниматели могут быть и другие, вполне небезобидные. Среди таких много находящихся в розыске, причем не только и даже не столько со стороны властей, а также профессиональные бандиты. Это неудивительно, считают сами охранники и я вместе с ними, ведь коммерция и преступность у нас фактически давно близнецы-братья, обе в равной степени нашей системе ценны. Таких историй наслушался я немало, не стоит их даже пересказывать, кроме одной. Рассказал ее Тимур.

— Охраняли мои приятели одну официальную делегацию предпринимателей из США, пятеро на своей машине. Кроме работы и официальных встреч, они, естественно, просили организовать им по возможности комфортный отдых. Друзья мои старались и на одну из таких вечеринок позвали меня. Сначала я обратил внимание на то, что из всей «делегации» деловой человек вроде бы только один, остальные очень смахивают на охрану, кроме четвертого, по всему — открытый гомосексуалист. Ну, пьем-гуляем, и по ходу разговорились мы с одним «коммерсантом». Он врать особо и не пытался — признался, что охраняет, как и двое его корешей, босса, а голубой — водитель, но очень хороший. Слово за слово, понял он, что я тоже в охране, и говорит: давай силой мериться! С виду он не особо крепкий, да и интересно еще как, — я согласился. Гудели мы тогда на даче, вышли на полянку и стали махать. Я на удивление легко его ногами забил, он мне: у меня ноги действительно слабые, давай только руками. Руки, кстати, у него оказались тоже не шибко сильные. Ну нет, говорит, мой спарринг-партнер, так-то ты сильный, а вот с оружием буду я. Давай, говорю, с оружием. На мачете, это ножи такие большие, националь-

ные латиноамериканские, ими и сахарную свеклу хорошо убирать, и людей. Стали биться, я его нож скоро выбил, в кусты оба кинул и ногами его еще раз уложил. Он бока потер удивленно и говорит: никогда не думал, что в России такие мастера есть, да еще на нашем оружии, слушай, поучи меня ногами драться. Вот я его и учил еще три недели, до самого их отъезда и кое-чему, кстати, научил — он даже один раз моего не слабого приятеля одолел. Заплатил он за уроки мне тогда очень много, даже не скажу, сколько. И ребятам, которые босса охраняли, платили тоже весьма прилично — 500 тысяч в сутки на шестерых. Врать не буду, это самый большой из известных мне гонораров за работу охраны. Но и платил же кто-то, а один из руководителей колумбийской наркомафии — он сюда приезжал «в соответствии с ранее достигнутой договоренностью» окончательно утрясти какие-то детали их сотрудничества с нашими наркобизнесменами. Конечно, проверять станешь, вряд ли концы найдешь, вполне легальная и благопристойная делегация из Соединенных Штатов, документы в полном порядке.

Ну, это слишком, Тимур, подумал я тогда, хоть ничего вслух и не сказал. Выясню, и если врешь... Естественно, достаточно заслуживающую доверия информацию о делах нынешних нашей наркомафии получить очень непросто, но когда люди «оттуда» подтвердили мне, что в конце весны — начале лета здесь была делегация от колумбийских коллег и были заключены окончательные договоренности о сотрудничестве, тут уж мне оставалось только развести руками и мысленно извиниться перед Тимуром.

А что с грузами? В качестве охраняемых предметов могут фигурировать и крупные суммы живых денег (это, как правило, не меньше миллиона рублей и около 200 тысяч долларов), и золото, и драгоценности, и видеотехника, и компьютеры с ксероксами-факсами-автоответчиками, и вообще любая другая дорогая аппаратура. Под охраной вполне могут находиться и просто крупные партии обыкновенных товаров народного потребления вплоть до колготок.

Одним из самых первых дел Тимура была как раз перевозка наличности, причем не перевозка даже, а так — передать чемодан с деньгами на глазах хозяев в другую машину. На деле оказалось так. В кейсе два миллиона рублей и сорок тысяч долларов. Это то ли долг, то ли неустойка. Встреча — на каком-то подмосковном пустыре. В условленное время там появляются две машины — «девятка» и «вольво». Останавливаются метрах в четырехстах друг от друга. Пора. К руке Тимур пристегивают наручниками чемодан и напутствуют: осторожно, могут стрелять. «Эти метры мне очень надолго запомнились. У «вольво» стекла тонированные, внутри — морды в масках, из переднего окошка ствол «узики» торчит, а уж пушки у всех наверняка при себе и с предохранителя давно сняты. Иду и думаю: а у нас зато «калашников»... Идиотизм какой-то! А если оступишься, ногу подвернешь? Как они отреагируют? Шагаешь, а время будто на месте стоит. Пришел. Чемодан своим ключом отстегнул. Окошко открыли и забрали. Содержимое проверили — в порядке. Внутри морды в масках все сидят. Одна мне дулом, кажется, «магнума», толком не рассматрел, показывает: уходи, свободен. Повторять не надо, пошел. Ни звука не слышно, ветка под ногой не хрустнет, сам не оборачиваюсь, но только думаю: а что ж они не уезжают? Или сейчас «узи» застучит? Куда тогда — ведь пустырь же совсем голый. Дорога обратно оказалась еще более долгая, чем туда, по дороге и бояться надоело, плюнул на все, до своих дошел, сел в машину — осторожно, конечно. Тронулись, и только тогда, когда «вольво» завелся. Разъехались. Едем к Москве, а шеф говорит: спасибо, парень, ведь ты у нас на этом деле четвертым был, троих предшественников по дороге застрелили. Отчего, спрашиваю, не понимаю толком, что речь вроде как и обо мне. Нервничали, отвечает. И те, и другие. Один курьер как автомат увидел, так и обратно, к нам, побежал — видел, может, у нас левый борт не совсем в тон покрашен — это от пуль. Понятное дело, говорит шеф, нервничать, когда в любой момент убить могут и притом очень хотят это сделать. А уже после я узнал, что в таких операциях нередко где-нибудь поблизости, в кустах, чуть не взвод своей охраны сидит и если что — стреляют при первом подозрении. Еще шеф меня по дороге в Москву спрашивал, правда, осторожно и весьма окольно, не согласился бы я убить тех из «вольво». Только ведь я не наемный убийца, а охрана, у меня несколько другие задачи. Я могу убить в поединке, в схватке, когда нет другого выхода, но не просто так, за деньги. Понятно, отвечал тогда шеф и отдал мне заработанное — двадцать тысяч. По тем временам было очень даже много».

Естественно, я интересовался: имеет ли вольная охрана отношение к доставке оружия в так называемые горячие точки бывшего СССР, в зоны конфликтов, очень быстро превращающихся чьими-то стараниями в вооруженные? Но все мои собеседники припомнили только пару случаев — один раз для армян в Карабах, другой — для оппозиции в Грузии, в Тбилиси. Мандатов им, конечно, никто не показывал, так что документально это вряд ли удалось бы подтвердить, даже если бы их и взяли, а вот в разговорах заказчики были достаточно откровенны, повторяли, что оружие нужно для борьбы за свободу и справедливость, для защиты безоружных мирных жителей, что охрана помогает им в праведном деле. За это, наверное, и платили очень хорошие деньги. Предположительно, кстати, такая информация может свидетельствовать и о том, что в горячие точки оружие доставляется преимущественно с помощью каких-то других сил, а уж каких именно — на это отвечать другим организациям.

Откуда берутся свободные охранники — вольные стрелки? Легальных, официальных, понятно, набирали из десанта, спецназа, МВД, КГБ, просто здоровых качков искали. В последнее время специалистов этой все более нужной многим профессии обучают вполне открыто в совершенно официальных школах телохранителей. А самая крутая из них, «Юнити Гард», даже заключила соглашение с Международной ассоциацией телохранителей о стажировках своих слушателей за рубежом и сдаче экзаменов на признаваемый во всем мире сертификат. В свободной охране работают профессионалы очень высокого класса — всему тому, что они могут и чем владеют, во дворах да кабацких драках не обучились.

Практически все вольные охранники приходят так или иначе из спорта. Я говорил, наверное, с двумя десятками охранников, и никто из них даже не смог назвать мне другого пути, даже не слышал, чтобы кто-то попал в охрану иначе. Приходят не обязательно из большого спорта, идут и из «простого» — как сами говорят, оттого, что ума хватило в большой не идти. Что там? Мимолетная слава и деньги, а ценой этому вполне может оказаться здоровье. А в охране слава хоть и очень тихая, только среди узкого круга своих, зато заработки не чета другим, бомжей, нищих и нуждающихся среди них нет. Все спортом занимались с раннего детства. Предпочтительными видами были, конечно, каратэ, бокс, самбо, дзюдо, борьба, кроме того, немало пловцов и ватерполистов, горнолыжников. Ну, а что касается мастерства — так это дело наживное, приходит с практикой.

Непосредственно же в охрану попадают преимущественно следующими путями. Либо это тренер подпольной (раньше; сейчас есть уже и легальные) секции каратэ, предложивший способному ученику — но только предложивший, не более! — попробовать себя в охране, проверить, чему он успел научиться. Либо это хороший знакомый, но дальше — по той же схеме, через тренера, сенсея. Учиться ведь все равно чему-то необходимо, совершенствоваться надо, и кандидат попадал в секцию, клуб или просто группу товарищей.

Ну, а говоря о сферах деятельности охраны, особо следует отметить только одно: охрана не связана с рэкетирскими и организованной преступностью и, как правило, старается не заниматься ворованными вещами — для этого есть другие люди, другая клиентура. Охранники считают: человек свободен в своем выборе и если уж он подался в рэкет, так, значит, он к этому пришел, это обдуманное решение. И сами они все тоже принимают вполне обдуманное решение идти в охрану, хотя «в преступности» можно получать гораздо больше денег. Охрана, конечно, может быть нелегальной, но все-таки это дело нормальное, приличное, не с точки зрения закона, а просто по-человечески, ведь охранять и нападать — вещи диаметрально противоположные. Поэтому между мафией и охраной вполне возможны столкновения, хотя стараются и те, и другие их избегать, а для этого — иметь информацию о том, что друг у друга творится, кого охраняют, а кого нет, на кого собираются напасть и что за планы на будущее. Есть один случай, когда охрана с рэкетом договаривается: вы ведь знаете и видите, что мы сильнее, груз все равно доставим, это наша работа, так что не надо крови, давайте без жертв. Правда, обратная договоренность невозможна в силу профессиональной этики телохранителей.

2. Тело

Что же умеют охранники в результате своих строго законспирированных занятий? У кого они своему искусству учатся? На мой взгляд, достаточно интересна история самого Тимура, а поскольку он высокочлассный профессионал (это

мне объяснили его друзья, а не он), история его подготовки и ее уровень не позволяют о них умолчать.

— С пяти-шести лет отец учил меня боксу. Он не профессионал, но занимался им в молодости и, как я сейчас могу понимать, боксировал вполне прилично. Сначала, конечно, было играючи, но уже лет с 10—12 я как-то бился. В четырнадцать увлекся Востоком, их единоборствами, и начался занятия всерьез. Я изучил четыре стиля каратэ, знаю кун-фу, школу пьяного сенсея, школу липкой руки. Занимался йогой — и теорией, и практикой в равной степени. Теперь благодаря ей могу почти моментально расслабиться, легко унять боль, остановить кровотечение, привести в порядок давление.

Тренировки у нас поначалу были еще те: пять-шесть раз в неделю, утром и вечером по два часа. В полный контакт работали — поначалу, конечно, в щитках, ракушках, наколенниках. Теперь-то я могу себе позволить дома раз-два в неделю постучать и попрыгать немного, а если б тогда всему этому не научился, не отработал все приемы до автоматизма, в подсознание не задал все реакции — вряд ли мы с тобой бы сейчас разговаривали. Хотя на самом деле меня бы тогда ни грузы, ни людей охранять и близко не подпустили.

Знаешь, те многочасовые выматывающие тренировки все-таки научили меня убирать противника со своего пути. Вооруженный всем, что знаю и умею правильно применять, я теперь легко могу расчищать себе дорогу. Я обучен искусству убивать и могу делать это множеством различных способов и практически любым подручным предметом вплоть до спички или пуговицы от костюма, розочки из разбитых бутылок — это для меня детские шалости и ноль опасности. Я могу плюнуть бритвенным лезвием и перерезать сонную артерию или что еще угодно. Владею огнестрельным оружием любой марки и ножами любых форм и размеров. Могу фехтовать, драться на мечах и палках, прилично кручу нунчаки, работаю с сюрикенами (их зовут летающими звездами) и кубатаной (это такая короткая палочка, а кто не знает, тем и не надо). Кстати, со всеми этими делами и некоторыми другими видами оружия, которые увидишь разве что в фильмах про ниндзя, мы уже через полгода тренировок работали только в боевом исполнении, время удачных имитаций быстро прошло. Я профессионально вожу машины и разбираюсь в их устройстве, могу на скорости 90 повернуть под прямым углом и не перевернуться, могу перевернуться и снова встать на колеса, могу ехать на двух колесах, отрывать от хвоста, носиться по городу в час пик, создавать аварийные ситуации, имеющие для всех окружающих вид естественных, также — что гораздо важнее — умею их избегать. Я могу и оказать грамотную медицинскую помощь, причем не только самую первую — для профессионального роста учился, брал частные уроки у реаниматолога и даже у стоматолога. В свое время все, кстати, пригодилось. Но все-таки в первую очередь меня учили искусству никому не давать себя убить. И этому, похоже, научили — вот он я, перед тобой, до сих пор цел и почти невредим.

Тимур считает, что даже самый обыкновенный охранник в одиночку стоит двоих-троих накачанных рэкетилов. Другое дело, что рэкета больше, чем охраны, чисто количественно, причем во много раз. Есть, как он утверждает, профессионалы гораздо сильнее его — у Тимура, скажем, никак не получается поймать на лету несколько стрел, пущенных в него с 20 метров из лука. В общем, еще многому можно научиться. А вообще все это суета, все преходящее, в очередной раз повторяет он. К тому же ведь охрана — это не основное его занятие уже второй год, сейчас основное — фирма, собственная (60 процентов акций) фирма в одной из спокойных европейских стран, в ней Тимур одновременно и шеф московского бюро.

— А что ж ты тогда прыгаешь козлом в своей охране? — гневно вопрошает Наталья, фактически его жена. — В прошлом месяце зачем руку о грузовик разбил? А мне говорил, — пытается она у меня найти сочувствие, — что на даче лазил по деревьям, за яблоками, мол. Спасибо друзьям — пришли, водки выпили и рассказали, как он на ходу с земли на грузовик вскакивал...

Наталья, конечно, и спрашивать не надо, относится к «хобби» резко отрицательно. Но заставить Тимура не заниматься этим нельзя. Впрочем, она и не пытается. Родители Тимура долгое время и не подозревали о работе сына, но когда увидели порезанным — все поняли. Теперь только молчат тягостно.

Мы сидим на кухне небольшой трехкомнатной квартиры Тимура вблизи ВДНХ. «Почем брал?» — спрашиваю я и в качестве ответа получаю еще одну историю — как конкурен-

ты-умельцы пытались взорвать машину с компьютерами, а Тимур ее, естественно, охранял. Как он отлеплял пластиковую мину от бензобака. Как выпрыгивал на скорости 120 из кабины потерявшего управление «КрАЗа». Как в буквальном смысле слова реанимировал — вот когда пригодились частные уроки медицины! — выпрыгнувшего на асфальт водителя. Как клавиатуру компьютера поломал о чью-то голову, а принтером вывел из строя сразу двоих. Тут до Натальи доходит, что ей он о прыжках с самосвала ничего не рассказывал — она буйно требует сатисфакции, Тимур нелепо и безнадежно пытается оправдаться. Квартира — гонорар за трудную работу.

У Тимура есть свои собственные профессиональные заповеди. Можешь убежать — убеги. Этим ты даришь человеку жизнь. Если тебя приперли к стенке и выхода нет — убивай. Первый инстинкт — самый верный. Если подумал: «Надо убить» — убей. Боевое оружие не доставай, если не собираешься стрелять. Пистолет не для того, чтобы им пугать. Не нападай сам. Несостоявшийся поединком — твоя заслуга и твоя большая победа. Прежде чем начать бой, сделай все, чтобы его не было. Сомневался в клиенте — не работай с ним. Работа должна быть абсолютно понятна. Не знаешь, что везешь, — не думай о том, что же это может быть. Не отвлекайся на незначительное. Помни, что в любой момент и в любом месте могут оказаться люди, которые хотят тебя убить. Не дай им этого сделать, как бы они ни старались. Даже если они умеют это делать лучше тебя. Ты должен победить.

После рассказа о заповедях я убедился, что тренировки Тимура состояли, судя по всему, далеко не только из спаррингов и отработки ударов. Учителей у него было несколько, но про них он не рассказывает. Говорит, что это может им не понравиться (этого не хочется), а кроме того, может кому-то повредить (это уже было бы очень плохо). Тимур упоминал только, что один из них, самый крутой, был нашим агентом в некоей восточной разведке. А другой тренировал одно время за очень хорошие деньги рэкет и охрану мафии. Его спрашивали, не предполагает ли он, что его вчерашние ученики завтра его станут на улице трясти, но на это он отвечал: я тренер хороший, своих учеников не боюсь, сильнее меня может быть только мой учитель. А по поводу моральной стороны дела объяснял, что продает за дорого свои знания, которые и сам вообще-то купил не по дешевке и не на помойке нашел.

Кстати, так же объясняет и свою работу в охране Тимур. А что еще в голове у профессионального охранника?

В свободное от «хобби» и основной — коммерческой — работы время Тимур охотнее любит читать. Это уже немало для охранника, но, согласись, еще более интересен тип телохранителя, предпочитающего не триллеры с боевиками по видео и даже не Флеминга с Чейзом, а русскую классику XVIII—XIX веков. Ему нравятся «Степной волк» и «Бисер» Гессе, ранний Маяковский, обожает Блока, с удовольствием перечитывает «Заратустру» Ницше. Также много читает по восточной философии и религии, старается не пропускать ничего нового или еще ему не известного. Он считает себя религиозным, но не так, как все: его религии — симбиоз всего того, что он в них приемлет, из разных учений. Старается держать православные посты. Из музыки любит «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Дорс», «Пинк Флойд», из классики предпочитает Баха (всего, а не один орган), Равеля и Листа, а также — их современные обработки.

Странно для телохранителя, не правда ли? Да, конечно, странно. Но кто определил, что является нормальным для нелегального охранника нелегальных грузов? Правда, и то, что я узнаю, ничего не прибавляет мне в безнадежных попытках ответить на вопрос: почему нормальный здоровый человек готов так рисковать своей жизнью? Ведь денег у Тимура вполне достаточно и на его иностранной фирме. Сам он пытается объяснить так:

— Заниматься охраной буду, пока не надоеет. Это «хобби», понимаешь? Это спортивный интерес, азарт, это игра жизни и смерти. И ты сам себе лишний раз доказываешь, что жизнь иногда бывает в твоих руках. Хотя, по большому счету, все в этой жизни, да и сама жизнь, зависит от кармы. На практике ты в случае опасности не успеваешь, как правило, испугаться — сразу идет ответная реакция, работа на автомате. И только потом, соотнося, вспоминая, анализируя, правильно ли ты себя вел, не оставил ли врагу какой-то возможности убить себя — тогда можно испугаться, а вернее, прочувствовать как следует каждый свой шаг по лезвию. Но карма есть карма. Если кому-то суждено проститься с жиз-

ню именно в этот раз, этого не предотвратишь, этого нельзя избежать. Стараясь относиться спокойно, как-то приучить себя к этой мысли. Нечего бояться — просто так вот оно устроено, так оно есть. Стараясь себя в этом убедить. Но, не стану врать, пока что в совершенстве это еще не получается.

Чтобы отвлечь от мрачных мыслей, прошу Тимура рассказать какую-нибудь очень уж необычную историю. Тимур рассказывает. Правда, история оказывается тоже очень грустной, трагичной. Про своего друга Колю, хорошего охранника, которого в последний год его жизни называли больше Ником.

— Пару лет назад полноватые дяди в приличных вроде бы, но сильно одинаковых костюмах ушли один за другим со своей старой работы в районе одной из тоже не очень новых площадей и сделали хитрую фирму. За тонкости отвечать не берусь, но, главное, фирма эта была, с одной стороны, малым предприятием, а с другой — имела право и возможности внешнеэкономической деятельности. Чем усердно пользовалась (конечно, в лице своего руководства). Дяди эти, надо сказать, работая на своей вечной площади, привыкли не только хорошо руководить, направлять и кушать, они еще очень любили хорошо отдыхать. Для чего силами своей фирмы решили построить в одном далеком городе, в Калифорнии, хороший небольшой пансионат, так сказать, для служебного пользования. Купили они землю там или арендовали — этого не знаю. Но через полгода томительного ожидания глотка калифорнийского воздуха свободы решили они, что пора устроить инспекцию своему предприятию с выездом на объект. С визами и валютой проблем не возникло — задержались только, чтобы найти себе достойную охрану. Инспекторов было трое, и каждому приискали двоих охранников. Оказались среди них и мои хорошие знакомые — Олег и Коля. Командировки охранникам оформили очень быстро, и отправились они в качестве референтов со знанием английского в далекие края...

Тимур рассказал мне тогда эту историю со всеми известными ему подробностями. Но так уж случилось, что по прошествии трех недель у меня появилась уникальная возможность выслушать ее еще раз, уже от непосредственного участника событий, от самого Олега. Дальше приведу его рассказ.

— Конечно, они правильно сделали, что взяли с собой нас. Шли там по кабакам, барам, борделям. Естественно, что на каждого из них не раз и не два прыгал обкурившийся крзка негр. Наркоманы там, кстати, не то что у нас — вообще постоять за себя не могут, жутко хилые. Выбьешь у него перо, дашь легонько в душу — так он и с копыт долой. Нам и машины этих «коммерсантов» пришлось водить, которые они себе сразу же по приезде купили. Вообще денег у них там, честно говоря, куры уже не клевали. Ну, и мы, конечно, тоже с этого хорошо имели, в «Мальборо» себе не отказывали, ели не в каком-нибудь «макдональдсе». Кстати, вот тебе еще одна деталь полной липы в отношении этого безумного проекта — профессиональных переводчиков (если нас не считать) они с собой не взяли, да и зачем: переговоры проводились за все время пребывания там максимум раз пять. Выезд на объект для наших боссов затянулся на полгода. В местной полиции их уже хорошо знали — где пьют, с какой дозы нажираются, каких проститутток берут. Ну, и нас, естественно, тоже вычислили, эдаких личных секретарей, референтов со знанием основ рукопашного боя. Однако через полгода «инспектирования» стало окончательно ясно, что идея с пансионатом прогорела — долги, растраты, неустойки, кражи со строительства, в общем, полный набор банкротства. Но наши боссы — вот она, загадочная и, главное, широкая русская душа — решили устроить на оставшиеся после оплаты счетов фирмы деньги грандиозный банкет для городских властей и крупных предпринимателей. Даже мэр пришел с шефом полиции — видимо, последняя дань работодателям, они ведь многим горожанам деньги за работу на строительстве платили, фактически уменьшали уровень безработицы. В тот день кончилась наша прежняя жизнь — прямо на банкете мэр города и шеф полиции сделали нам всем предложение пойти работать полицейскими в их русско-цветном квартале. У них там самый высокий уровень преступности, а местная полиция старается заглядывать туда по возможности реже. Мы же знаем язык и, как успело выясниться, многое умеем, короче — специалисты неоценимые. К тому же понимаем загадочную русскую душу, а это уже никакими долларами не измеришь.

Работали мы очень даже ничего, с азартом. Поначалу особенно интересно было — гоняли этих бывших совков, так и оставшихся совками, нашим трехэтажным матом (он, к сча-

стью, американскими законами не наказуем). У тех только глаза на лоб лезли, ничего долго понять не могли. Преступность, впрочем, там действительно сильная, в смысле — очень много ее, да и очень крупная. Наркотики, проституция, грабежи, рэкет — все есть и даже больше. Коммерческой преступности мы не касались, это уже как бы не наша была сфера. А вот на след самой крупной банды торговцев наркотиками напали. Выслеживали их по очереди, дрались с ними жестоко. Купить нас, кстати, тоже пытались — миллион на круг предлагали. Мы собрались, посоветовались и решили их дружно послать. А что ты думаешь? По-твоему, предложение обсуждения не стоило, а? Но мы решили так: деньги хоть и не пахнут, но уж эти очень грязные, да к тому же мы хоть и иностранному государству обещали служить, но обещали и будем, пусть и против своих подонков. И воевали насмерть. В результате взяли их почти всех, да так, что местная полиция потом месяц об этом только и говорила. Не без их помощи, конечно, все это удалось, шестером-то не особенно банду раскрутишь.

Правда, в этой борьбе за покой американцев погиб один из нас, Ник. Вообще-то его здесь Колей звали. А там стал Ником. Вот как вышло, отдал жизнь за звездно-полосатый. После его смерти и операции с бандой нам всем отпуск дали, но вначале я с товарищем поехал — привезли Колю родителям, похоронили его здесь. А остальные трое наших уже после сюда ездили. Сейчас пошел второй год работы там. Как это дело оформляется, я уж, позволю, тебе рассказывать не стану, это, если хочешь, коммерческая тайна, которую еще можно использовать. То же и с технологией наших поездок сюда — я вот, к примеру, с тех пор как стал американским полицейским, здесь уже второй раз. Причем советского гражданства пока не лишен и отказываться от него не собираюсь — зачем?

Вот какие истории случаются с охранниками-профессионалами. Тимур мрачен. «Коля тоже говорил, что это «хобби», что это не навсегда», — вспоминает Олег. Тимур мрачен по-прежнему.

— Знаешь, — говорит он, — если что — в тайгу податься. Есть тут у меня запасной вариант. Если все клином сойдется, фирма прогорит, деньги выйдут, мафия прижмет и все такое — брошу дела здесь, уйду... Мне предлагали уже, да я, дурак, отказался. Все говорят — зря. Понимаешь, кусок тайги, здоровый, около тысячи квадратных километров или даже больше, не помню, охранять его надо. Там хозяин нашелся — мужик деловой, башковитый. Дело наладил, промысел, разжился. Там ведь чего только нет — пушнина живая бегаеда стадами, летом ягоды с грибами, древесины, в общем, деньги, только с земли поднимай. А мужик-то, хозяин, не просто куркулем деревенским каким оказался, а с головой: наладил дела с Западом, пушнина в основном туда шла, деньги появились хорошие, но одолевать его стали соседи всякие — почитай, что таежный рэкет какой-то. Вот он в Москву прошлым летом приезжал, по надежной рекомендации охрану себе искал — двадцать человек, платить собирался по десять тысяч в месяц, причем две недели работаешь, две — отдыхаешь. Таежные вездеходы у него там есть, наподобие военных, классные, говорят, машины, оружие давал свое. Команда подобралась из знакомых мне ребят, осенью прошлой они туда поехали. Летом вот недавно четверых из них видел — прямо обалдел, не узнать их, и все! Конечно, хилыми-то никогда не были, но теперь здоровье, энергия так и прут, щеки, как светофор, красные в полном смысле слова, не вру! Спрашиваю их: тайга ведь, все-таки медведи, выюги, задворки цивилизации, если она вообще там есть, в туалет небось через просеку какую-нибудь, оленьей тропой, бегаеда? Они ржут. Телевидение, говорят, с тарелки ловим, про ЦТ уже и вовсе забыли. Фильмы на кассетах и на лазерных дисках с Запада каждый месяц свежие привозят. Спортзал, бассейны, русская парилка и сауна, теннисный корт, баскетбол, настольный теннис, игровые автоматы и компьютеры — всего, говорят, не перечесть и даже не припомнить сразу. А какие девочки в обслуге, на кухне да в медбюле!

Я вот думаю: может, и правда, напрасно тогда отказался? Под нож чеченский не попал бы, на мачете не дрался, грузовики бы рукой не останавливал, а поехали бы с Натальей за грибами-ягодами. Я уж и забыл, как они выглядят, разве что в ресторане... Опять-таки, курить бы, наверное, бросил...

Александр
АРХАНГЕЛЬСКИЙ

КТО БЫЛ ВСЕМ, ТОТ НЕ СТАНЕТ НИЧЕМ

Сначала осторожно, полунамеком, а затем все откровеннее и жестче стала звучать в критике мысль о том, что в результате перестройки литература допилила сук, на котором сидела. Все эти годы она жадничала, стремилась быть «нашим всем», хотела нести обществу политический, экономический, философский заряды. То есть заниматься чем угодно, только не своими собственными проблемами. Проявлялось это на всех уровнях; в том числе и на анекдотическом. Едва подул «весенний ветер перемен», киношники и — отчасти — театралы направили первый удар на сокрушение структур, препятствующих осуществлению профессиональных нужд. Съезд кинематографистов выкинул из руководства Союзом всю номенклатурную рать, ослабил узду Госкино, создал «антиполочную» комиссию. Театралы, ведомые специалистом по ленинским тактическим уловкам М. Ф. Шатровым, поломали схему своего съезда, разработанную в ЦК. И все это ради преобразования театрального дела. (Что вышло в итоге их преобразовательных усилий — статья особая.)

А что писатели?

Когда после завершения их «перестроечного» съезда были объявлены результаты голосования, выяснилось, что новое руководство почти ни в чем не отличается от старого, что никаких решений о создании издательств, учреждении журналов, да хотя бы об отмене мешающей нормальному писательскому труду цензуры принято не было. Говорят, часть прогрессивных литераторов пошла плакаться А. Н. Яковлеву, и тот жестко ответил: за кого голосовали, того и получили. Истинно так; боюсь только, что большинство делегатов просто не заметили, за кого поднимают руки. Их не это интересовало. Читавший стенограмму съезда помнит: самые яркие выступления, на нем прозвучавшие, касались чего угодно, только не предмета «ночных забот» художника, не искусства. И даже не цеховых вопросов. Но: поворотом северных рек; сердечных ран, нанесенных рассказом В. П. Астафьева свободолюбивому грузинскому народу; необходимости возвращения к нэпу и проч.

Это было глупо? Это было нерасчетливо? В этом проявился «поколенческий синдром» шестидесятников? Может быть, может быть. В конце концов не случайно в ядро преобразовательной группы Союза Российских писателей, вынужденной поздней осенью 1991 года приниматься за то, что следовало делать ранней весной 1985-го, вошли прежде всего писатели нового поколения — М. Кудимова, А. Лаврин, А. Иванченко. И не случайно этот Союз не ставит перед собою никаких задач, кроме «литературно-вспомогательных», в отличие от писательского объединения «Апрель», сугубо политического, прогрессивно-идеологизированного и созданного как раз литераторами «старшей возрастной группы», олицетворявшими собою перестроечную словесность...

И все-таки это было. И было не случайно.

Но вот минули бурные годы, и с отечественной словесностью произошло то, что происходит со слишком быстро развивающейся экономикой: она перегрелась. Тем временем — не без ее усилий — созданы или реанимированы социальные институты, изначально предназначенные для выполнения тех функций, которые она радостно, но суррогатно замещала.

Вызрели новые партии — и кому теперь интересна полемика противонаправленных литературных групп, кроме ее участников?

Формируются риторические каноны ораторского искусства — и кто отныне станет читать художественные произведения «между строк», крякая в такт политическим аллюзиям?

Медленнее, но тоже восстанавливается совсем было утраченное искусство церковной проповеди — и к чему сейчас литературе прежде высоко ценимые навыки домашнего богословствования?

Нетрудно заметить, как провисают именно те рубрики, на которых, как на распорках, держались ведущие издания минувшего четырехлетия — все эти «свободные трибуны», «точки зрения», «личные мнения»...

Естественно, после постоянной ажитации и дрожи в кончиках пальцев неизбежен нервный спад, который тем глубже, чем сильнее было напряжение. Именно такой момент мы и переживаем: кровь отлила от головы, навалилась страшная усталость, и вызывают отвращение все «кофеиносодержащие» жанры. Но значит ли это, что постперестроечную модель отечественной литературы действительно следует описывать в терминах «чистого искусства», надежды возлагать на преодоление «учительного пафоса», вообще пафоса, как его понимает традиция; а шестидесятическому романтизму противопоставлять эстетический прагматизм 90-х годов? Причем суть «прагматического» программы легко передать с помощью аналогии, — освободив КПСС от несвойственных ей функций, мы должны ту же операцию проделать с искусством. За примером отсылают к Западу: там — так.

Насчет Запада не знаю, но у нас есть целые области культуры, где развитие пойдет по предложенной схеме; прежде всего в кино. Еще очевиднее будет перемена статуса журналистики. Издания, пожелавшие сохранить роль «агитатора, горлана, главаря», пропагандиста (прогрессивных ли, регрессивных ли идей), обречены. Возбужденный тон и праведный гнев по праву достанутся «желтой» прессе. Респектабельность будет обеспечена только прагматической позицией, спокойным анализом, подпитанным легкой иронией...

Но словесность...

Есть предметы, которые нельзя рассматривать в их данности. Есть будущность, невыводимая без учета прошлого — очень, совсем давно прошедшего. Кино — искусство новое, что с него взять: ныне здесь, завтра там; у него нет предыстории, оно не завязано на глубинную традицию. Журналистика старше, но и она, во-первых, относительно молода, «не помнит» даже дореволюционных времен. Во-вторых, она «пошла есть» не от нравочувствительнейшего Фаддея Булгарина, не от всеведущего Ивана Фролова, не от политического наставника молодежи Федора Бурлацкого, но от вполне «позитивистских» ведомостей, где не проповедь, не призыв было главное, а вести...

А вот в русской словесности, берущей начало не в чем-нибудь — в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, этому месту находилось всегда. Она родилась и существовала в пограничном пространстве, будучи причастной и к области чистой духовности, и к области «чистой» эстетики, и к области «практического» воздействия на умы... Сравнить современную литературу с классической будет лишь человек, напрочь лишенный чувства юмора. Но генетически, как захудалый отпрыск некогда славного рода, современная литература неотделима от классической. «Дальше... дальше... дальше!» относится к политическим трагедиям Озорова, как дрезина — к экспрессу: цена им разная, но обе катят по одной колее. Плохие дети все равно дети, и яблочко, далеко упавшее от яблони, все яблочко. Можно сделать пластическую операцию, изменить цвет кожи, даже, говорят, пол. Отказаться от своей генетической предыстории невозможно.

И потом. Стоит ли забывать: когда партию освободили от несвойственных ей функций, выяснилось, что никаких других у нее попросту не было.

Проделав с нашей литературой ту же операцию, не придем ли к тому же результату?

С. Д. МИЛОРАДОВИЧ. 1852—1943 гг. «У исповеди». 1915 г.

СУДЬБА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГАЛЕРЕИ

В Настольном словаре 1862 года о Вязниках, уездном городе Владимирской губернии на реке Клязьме, говорится, что там значительный торг полóтнами и много вишневых и яблоневых садов. Мало что осталось от этих садов, а бывшая мануфактура Сеньковых, которая выпускала тончайшее отбельное полотно, не уступавшее на мировом рынке голландскому батисту и удостоенное золотых медалей на Нижегородской, Чикагской, Парижских выставках, превратилась в заурядную фабрику, которая вырабатывает лишь мешковину.

А последний из Сеньковых, Сергей Иванович, завоевавший право ставить государственный герб на свою продукцию, не только продолжал традицию предков — возводить в городе дома и храмы и не жалеть средств на народное образование, — но и собрал замечательную коллекцию картин, которая сегодня — предмет гордости местного краеведческого музея.

После октября семнадцатого года Сергей Иванович был

избран в Совет рабочих депутатов и продолжал руководить фабриками. В двадцать первом году рабочие спасли его, предупредив о готовящемся аресте. Умер Сеньков в эмиграции. Судьба тех детей его, которые доживали свои дни на родине, незавидна.

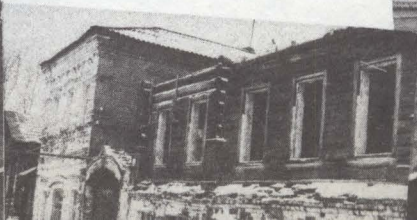
Татьяна Алексеевна Субботина, директор Вязниковского музея, мечется в поисках средств, чтобы завершить затянувшуюся реставрацию одного из лучших вязниковских особняков, построенного по проекту В. И. Баженова и приобретенного последним Сеньковым. Она уже продумала, как в этом доме — в новой экспозиции — воздвигнуть наконец должное и Сеньковым, и Демидовым (еще одна здешняя династия фабрикантов и меценатов), трудами которых и был славен в мире уездный российский город Вязники. Дай Бог, чтобы с возрождения памяти о производителях тончайшего отбельного полотна и страстных коллекционерах живописи началось возрождение города.

Олег КОКИН

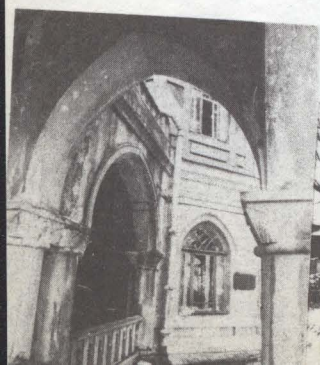

С. Ю. ЖУКОВСКИЙ. 1875—1944 гг. «Первый снег». 1911 г.
Д. И. КИПЛИК. «Портрет неизвестной». Конец XIX в.

М. М. ГЕРМАШЕВ. 1868—1920 гг. «Вечер на Волге». Конец XIX в.
В. Е. МАКОВСКИЙ. 1846—1920 гг. «Реставратор». 1914 г.

А. Н. БЕНУА. 1870—1960 гг. «Горное озеро в ясный день». 1910 г.
 А. П. БОГОЛЮБОВ. 1824—1896 гг. «Балтийское море у Толбуханского маяка». 1880 г.

Репродукционная съемка
и фоторепортаж
Леонида ШИМАНОВИЧА.

БИРЖА — ПЛОЩАДКА ДЛЯ ИГРЫ?

Константин БОРОВОЙ, главный управляющий Российской товарно-сырьевой биржи. 43 года, женат, две дочери и внучка. В 1970 году окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, в 1975 году — мехмат МГУ. Кандидат наук. Специалист по вычислительной технике. Увлекался компьютерной графикой. В 1989 году организовал ассоциацию «Деловое сотрудничество и социальное развитие». Создал концепцию советской биржи и реализовал ее.

Российская товарно-сырьевая, которой руководит Боровой, самая крупная по обороту биржа — более 1 миллиарда рублей в месяц. Здесь же зафиксирована рекордная сделка — контракт на приобретение 10 самолетов ИЛ-76 общей стоимостью 305,5 миллиона рублей.

Кредо: «Я собираю людей, для которых работа — наркотик».

— Константин Натанович, ваша концепция советской биржи, по мнению западных экспертов, отличается от общемировой модели...

— Она заключается в том, что биржа должна стать Олимпийскими играми советской экономики. Вспомним, что во время Олимпиад в античном мире стихали войны. Так и у нас должна была стихнуть война между командной и рыночной экономикой, раздиравшая два года назад нашу страну. Вспомним то время. Распад хозяйственных связей, разрушение традиционных структур распределения, растущая бартеризация экономики. На фоне этого — изобилие предложений по выводу страны из кризиса. И хотя борьба программ закончилась победой консервативного варианта, открытая полемика сыграла свою роль, и общество уже не отвергало с порога то, что еще вчера казалось неприемлемым. Все это как нельзя более способствовало появлению такого капиталистического института, как биржа. Она не только воплотила в себе давние чаяния «диссидентов» госсектора о свободе действий, но привлекла представителей государственных структур возможностью отвратить прелести рынка. Самый ортодоксальный директор завода не устоит перед возможностью продать свою продукцию по той цене, какую за него дают на свободных торгах, — нередко в два-три, а то и в десять раз выше того, что он получал за тот же продукт от родного государства. Такое смещение реальных интересов и дало крепкий коктейль. Оснований к взаимной выгоде и тогда было предостаточно. Скажем, запас материалов и оборудования на полтриллиона рублей, скопившийся на складах госпредприятий, — это материальная база для развития кооперативного производства, о которой можно только мечтать.

Но при этом стороны чудовищно не верят и ненавидят друг друга. Значит, нужна нейтральная полоса. Ею и стала биржа. Ведь по своей сути она не механизм рынка, как считают

многие, а только площадка для игры. Сделку можно заключить где угодно, даже в подворотне, этом излюбленном месте советской купли-продажи, но там никто не гарантирован от надувательства. На нормальной же бирже можно играть только по правилам.

Хороша оказалась биржа для госдиректоров и тем, что оградила их от террора ОБХСС. Ведь почти после каждой сделки казенного предприятия с кооперативом следует допрос: «Почему продали именно ему? Что имели от этого лично?» О стены биржи разбивалось рвение борцов с предпринимательством. Их главный козырь — поиск незаконной личной корысти в любой сделке — начисто бит открытостью операций.

Биржа завоевала свое место под экономическим солнцем. Сегодня на территории бывшего СССР действуют сотни бирж и иных структур, называющих себя так. В Москве — более 20, крупнейшие — РТСБ и МТБ. В случае благоприятного развития приватизации только российские предприятия могут выпустить ценных бумаг на общую сумму 1 триллион 200 миллиардов рублей. Это вполне реальный потенциал практически еще не развитого у нас классического биржевого направления.

— Каково влияние биржевых структур, вообще коммерческого мира на политику?

— Что бы там ни декларировалось, общество черпает управленцев для правительства из определенного социального слоя. У нас это до сих пор в основном бывшие директора заводов. Во всем мире — предприниматели. Буш — по нашим меркам — пришел в политику из предпринимателей большого кооператива. Наши бизнесмены требуют, чтобы и в правительство напрямую вошли предприниматели. И биржевики — как самый могущественный и организованный отряд предпринимательства — выражают это требование наиболее осознанно и четко. Есть и еще один аспект. Страна распалась. Но наши экономики, десятилетиями втискиваемые друг в друга, вряд ли смогут существовать порознь. Это с одной стороны. С другой — суверенные государства, на которые СССР распался, будут иметь совершенно разную экономику. Прибалтика, безусловно, изберет скандинавский вариант, Молдова будет рыночной страной, но скорее всего близкой к турецкой модели, а Средняя Азия от командной экономики избавится нескоро. Как же взаимодействовать этим разным экономикам? Эксперты считают, что соединить эти разные группы крови может только биржа, как соединила она рыночную и командную экономики внутри одной, уже бывшей советской страны.

Беседовала Евгения НЕГАНОВА

От автора

Генриха Буфарёва я знаю хорошо и давно, потому что я его придумал. Поэт живет и учительствует в небольшом городке на Урале.

Однажды он вошел ко мне и сказал:

— Пельсисочная.

— Что? — не понял я.

— В пельменной обычно нет пельменей, но есть сосиски, — объяснил поэт. — А в сосисочной — наоборот.

— Красиво, — согласился я.

— И наоборот, ты — моя выдумка, — улыбнулся мой тезка. — Это я придумал, будто ты живешь в Москве, и твою седину, и усы, и стихи тоже сочинил я.

— А как же я существую? — удивился я. — Ведь я же знаю, что я — это я.

— Пока я думаю о тебе, ты есть. И ты знаешь, — сказал поэт.

Тут Буфарёв перестал думать обо мне. И я исчез...

Последнее, что я слышал, это скрип его подбитых солженицынских валенок по крепкому морозному снегу!

ТЕРЦИХИ ГЕНРИХА БУФАРЁВА

Пельсисочная

В мурелки шлепают пельсиски
В стакелках светится мычай
Народотрах и чуд российский

Жить отдыхать и врать и верить
Разбить стакелку невзначай
и правду выдумкой проверить

Сижу качуриком в отставке
с майороглазым старшиной
Дожали — снова по одной...
Хрегочук глотки в переплавке

А на дурогe — дымовозы
и мразогрязь... божба, угрозы —
живьем корчуют и мостят

Сквозит на взлобье — исинь — ветошь
И любят так, что не поверишь
как бы насилуют и мстят

Волк в универсаме

Надоело мне бегать полям и лесам
отощал мой кайсак. Дети просят кусам
хоть горячих кругал в котелок набросам

Сколь бетона и звона — красиво кругом!
У вокзала торгуют пустым пирогом
Кунья шапка ворует а мы не можем

В холодильнике — праздник — выходной — никого
Не несутся несущки ни в НИИ ни в КОО
Скрипнул зубом: поеду! пусть оно далеко

Сбил стаю — зубасты мохна
и шофер наш — такая махна
белый путь — Волохна Болохна

Вспоминали как древле в лесу
я догнал и загрыз колбасу
А теперь всё — в Моксу да в Моксу

Вон течет не умещающаяся в берега
Как ударит сковородкой утюга!..
Взяли с тыла — проглядели нас — врага

Нас тьмы и тьмы волков — провинциалов
На площадь мы плывем со всех вокзалов
и солнце зимнее — кровавый оковалок

Да! видим! — небо заслоняя колесом
стаканно светится колосс УНИВЕРСАМ
мг — мгают буквы на фасаде А М

Легендой манит путника витрина
Оранжевое боком апельсина
вернулось детство — «Сыр и Ассортина!»

Я пры — я прыгнул шапка с волчьим ухом
навстречу прыснуло сосисками, горохом...
Все покупаю! — не расслышась лихом

Так два часа толкался как в раю
набил моксой горбушку до края
Бегу чужой — своих не узнаю

Один старик узрев мои горбы
сказал мне внятно: «Постыдились бы»
Я огрызнулся: «Постыдитесь вы!
едой гонять... за тридевять... судьбы!..»

Паренек и гёрлэски

В наш клуб приухали гёрлэски —
цыгано-русской по-одесски
интрететации обноски

Два метра ноги — флеш и пляски! —
А у меня в моей коляске
полинезийка на присоске

Подраливаю к гитаристке —
в шузах и патлах — парень свойский
«Ай лав ю!» — и по Гиляровской

В экстазе жму! — под локтем сиськи
Она моя! — и вру ей брыське
что городок у нас таковский

что быт степной — почти техасский
что сам я вроде Смоктуновский
и что гриль-бар у нас по-карски —

турусы в общем — боль и сказки!
А сам — в трусы — и фингер близко...
Москвички эти — польки чешки —

распалась вдрызг!.. А город мерзкий
Швейцуг в отделе СВИНТУРИСТЕ
Загородил лопатой барской —

Оберегают джинг и рвиски
Давлю стекло — я мальчик дерзкий
Мне хук — я брык... У!бийца каске

попался бы ты мне в Хабаровске!..
Ну в общем как окурок в миске
сижу — генуг — в своей коляске

А мимо спрингуют сосиски
хоть презируют попкой детской
ай соу — хочется раздеться...

Приду как Зоро в гневной маске
как Рембо прыгну — лев и мускул
любую выдержу нагрузку
но таун этот идиотский
весь разнесу машинкой адской...
А там пусть скажет суд советский

Очередь

Венечке Ерофееву

Государство нам перекрыло кран
но еще шумим — спорим по дворам
С двух часов стоим — очередь во храм

Наши тени по асфальту по земле —
просто каторжники сущие Домье
протестуем неразумно — как в семье

— Либер! Либер! — протестующий хрипит
— из водяры тоже маде дефицит! —
Теща — ящерица слушает и спит

Впереди тоскует плешь. Сзади за —
нос грустит и разъезжаются глаза
Дальше лица — как солдатская кирза

Вот и девочка — старуха — надцать лет
а глаза — шлевок! а душа — наждак!
Это ж надо так себя вывернуть суметь...

Что ни личность — околичность. В той чаще —
не проехать не продаться — что еще? —
скукотница — глоток тыща — в лежбище-ё!..

Дрызнь об нас обколотила все углы
Мы бы рады стать красивей — жены злы
вот и пьем и вяжем мать твою в узлы

Ветераны-ны медалей-ля трясут
с фотокарточки глядят — народный суд
дай им волю — все порушат разнесут

Размахнутся коммунальными махно
развернут свои тачанки (как в кино)
и с бугра из пулемета — каждый знает сам в кого!..

А пока пока по капле в даль двора
продвигаемся в затылок номера —
горы ящиков и солища штабеля

Дом поехал... «Всем не хватит» — голосок...
Известь трескается... сыплется песок...
Водки нет уже в бутылке ржавый сок!

У дверей скорей скорей — терпенья не!..
Дусяка плавает руками как во сне...
Тут же стриженный другого жмэ к стене...

И пошел пошел размазывать в крови
с кровью сопли — изъясняется в любви
а кровящи хоть милицию зови...

Так и надо нас — смурьё и старичьё
на износ на выброс — кости и тряпье!
Пусть над свалкой — небо птичье — и ничьё

Хмыризмы

Из многих лиц слагался хмырь
над морем наводя на душу хмарь
переползала облачная хмурь

И будто въявь я встретился с хмырем
когда вдоль моря шел я пустырем
и мир кругом был хвоен и огром

Туману может быть благодаря
вдали на белой гальке, где коря
коряжится, увидел я хмыря

Был в кепочке, нет — лыс и седокур
сидел в развилке, где целуют дур
такой худой и в маечке амур

И глазки так размывчиво — скорей —
жалеючи... Хитер! нет я хитрей
Что в своей жи не видел я хмырей!

«Давчелмособств?!» Себе я говорю
пришел смотреть дымясь я на зарю
Пусть в брызги...юсь! не дамса я хмырю

Вдруг вижу вдаль: вдоль берега лежат
десятки тел лежат, как рцы на гряд
Я слышу крик хмырюношей, хмырят

Там — мертвый адефлин у бахромы
ухмылкой морды будто молвит: хмы
Скружились, отчужденно смотрят мы

Там в желтом супе плавают хмыри:
газеты, пластик, юфть, хоть гнем гори! —
И грязное величие зари

Все голо — кость и камень — вот их мир
Все сбрито, стерто, сношено до дыр
и в человеке водворился хмырь

Но съест его он скоро изнутри

Поездка в Колдоб

Питутели приехали в Колдоб
Подумал предприниматель: «Ах ты чтоб...»
Задача: отстающим вымыть клуб

Лыснюк, грустняк и белоклочковатый
полустарух по-модному одетый
глядит: полукоттеджи — полухаты

Скружаются к бибобусу фигуры
у дверцы — озабыченный который
не в складь — не в мать заводит разговоры

Лыснюк ему лопаточкою — брысте!
Полустарух собрал себя на части
Винтарь щепу и тракты смотрят гости —

Куровники муровники — охмурь!
А баграном со сцены (верь — не верь)
«Весь ураган доложим без потерь!»

Потом читали подыхая мух
места — отдельно — выжимая смех
Лыснюк и молодой полустарух

Теперь — грустняк. Он честный и очкастый
Он с отвращением в рифму мыслит часто:
за час — пятнадцать, а за двадцать — триста

Давай, Бруснюк, дави их эрудитом
в мощь децибел! — каждого при этом
всенепрерывно сделай патриотом

Зови, Песнюк, чтоб каждый первокурсник —
неруха знал: гудит престольный праздник!
Колдобник чтоб задумался об жизни

Не галочкой, а козырем прошел
«Ну прощайте» — женщины как шелк
— Питутели питуйте хорошо

Куб опустел. Известка — голяком
Осталась память хухом — чесноком
И предприниматель быдто незнаком

Гистория

Звал ковыряду Главный Бутафор
И приказал: расковыряй мне двор
не то с тобой — короткий разговор

Звал каменилу Славный Буфари
и говорил: мне известь затвори
и каменную повесть сотвори

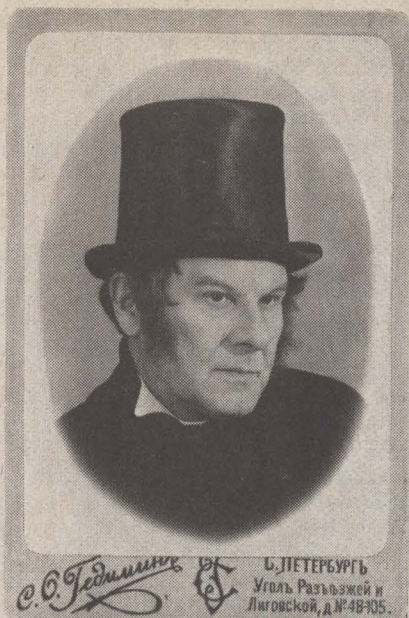
Звал меднолюба Гневный Фарибу
морищиной храм изобразив на лбу
он вырешил: измысли мне трубу

Был двор изрыт. Собор построен был
И крылоса охрангел затрубил
как бы Господь пришел во славе сил

И жители бежа на трубный зов
кричали так, как будто взят Азов —
И громче всех — сробевший Буфарев

Но всюду были ямы, камень бут
был Футариб раздет и необут —
и навернулся в яму Фарибунд

И умер Арибуф. И до сих пор
туристы посетившие собор
идут к автобусу через изрытый двор

Юрий ЗЕРЧАНИНОВ

ПРОГУЛКИ С ПРИШЕЛЬЦЕМ

И в 1901 г. в Санкт-Петербурге и в 1931 г. в Москве пришелец фотографировал и подарил мне эти снимки. Сегодня он принял тот же облик, что и в первый день нашего века, и в таком же сюртуке был, когда мы познакомились, разве что без цилиндра. А на другом снимке, сделанном в московском портретном ателье, которое помещалось на улице Герцена в доме № 23 под кинотеатром «Унион», пришелец — в облике человека уличной толпы того времени.

В субботу 12 октября на 1-й Останкинской улице — там, где высится облупленный деревянный забор, ограждающий особняк, возведенный в конце пятидесятих для Сергея Павловича Королева, — судьба свела меня с непредсказуемым господином. Он был облачен в сюртук и брюки в полоску, да и вообще всем своим видом походил на того неустанного труженика на ниве просвещения, который бытовал когда-то в России. Для завершения облика ему недоставало, пожалуй, лишь чеховского пенсне. Впрочем, как я убедился впоследствии, он обладал отменным зрением.

Так вот, он стоял у королёвского забора и, когда я поравнялся с ним, поймал мой взгляд (не скрою, что я еще издали приметил его) и обратился предупредительно:

— Позвольте полюбопытствовать: не ведомо ли вам, что по этой улице прежде ходил трамвай, а здесь была остановка, которая называлась «Останкино, у театра»?

Как этот господин меня вычислил, подумал я, как догадался, что я жил когда-то на 1-й Останкинской улице? Стремясь уравнять позицию, я отвечал:

— Несказанно рад сообщить вам, что относительно трамвая вы не ошиблись.

Он поинтересовался столь же предупредительно: а где ж в таком случае тот театр? И я рассказал, что помню, как в послевоенные годы здесь стоял еще обветшалый летний театр, который именовался клубом имени Калинина. Там частенько крутили трофейные фильмы из соблазнительной западной жизни. Но однажды наш клуб Калинина сгорел, а на его месте в пятьдесят девятом году был построен дом Королеву, который для советских людей продолжал оставаться в ту пору безымянным Главным конструктором.

— Вы замечательно сориентировали меня. Премного обязан вам! — воскликнул сей господин и с жаром пожал мне руку.

А я сказал, в свою очередь, что крайне рад, если имел возможность ему споспешествовать. Тут-то он и заявил, что готов открыться мне:

— Вы вправе знать, с кем свели знакомство.

Был теплый осенний день, располагающий к неторопливым прогулкам и задушевным беседам. И мы направились в Останкинский парк, где мне есть что вспомнить, ибо это парк моего детства. Но мог ли я представить когда-либо, что наступит день и буду прогуливаться здесь... с пришельцем из космоса!

Поначалу, признаюсь, я склонялся к тому, что встречался с незаурядным мистификатором, но мы расстались лишь поздним вечером и расстались сообщниками. Да, я взялся помочь своему новому знакомцу уразуметь психологию типичного советского человека, и если он действительно пришелец из космоса и представит Мировому Разуму результаты своих наблюдений, то высокоразвитая цивилизация, быть может, окажет нам помощь, и более весомую помощь, чем США, Саудовская Аравия и Япония, вместе взятые.

Расскажу поподробнее о нашей беседе, и каждый волен судить, как поступил бы, окажись на моем месте. Начну с того, что эта теория о том, что человек разумный инопланетянами порожден, которые в доисторические времена высаживали на Землю десант за десантом и наконец добились успеха, представляется мне небанальной. И, выслушав ее в очередной раз, стоя в очереди за шашлыками, я сказал своему собеседнику, что вполне допускаю такой вариант. А он сказал, что в этом случае меня не должно удивлять, что Верховному Разуму межпланетных цивилизаций небезразлично, как идут дела на Земле. Я помянул о тарелочках, но он лишь слабо улыбнулся

и повел речь о том, что, продолжая логически мыслить, я не могу исключить, что Верховный Разум время от времени забрасывает на Землю наблюдателей — особого рода шпионов; уточнил он, если хотите, — которые научены, в частности, идеально вочеловечиваться.

Тут мы как раз добыли недожаренные шашлыки, и я попытался озадачить своего непредсказуемого собеседника, как бы между прочим заметив:

— Вы бы идеально смотрелись в России начала века.

— В той России, — сказал он мечтательно, — мы бы сейчас вкушали маринованную стерлядь или почки в мадере...

Он убедился, что нет смысла меня дальше интриговать, и, как только мы управились с шашлыками и продолжили хождение по аллеям и вокруг озера, предложил выслушать свою историю.

Ему впервые было предложено вочеловечиться для забрасывания не в Америку и не в Китай, а в Россию в самом конце прошлого века (по земному летосчислению, естественно). Словарный запас русского языка, в него вложенный, был почерпнут в основном у Чехова и Боборыкина.

И первого января 1901 года, вдоволь налюбовавшись Петербургом, в десять вечера он отпустил лиха-ча у зала Павловой на Троицкой, где давался, как гласила соблазнившая его афиша, «роскошно-фантастический, костюмированный бал». Ему ничего не стоило приоткрыть на лбу третий глаз, назваться марсианином и получить первый приз — серебряный портсигар. Он провел в Петербурге неделю и в своем отчете высказал убеждение, что Россия — страна неограниченных возможностей — к концу века, несомненно, обретет тот ожидаемый Верховным Разумом потенциал, который позволил бы уже в следующем — двадцать первом — веке начать интеграцию Земли в Сообщество высокоразвитых звездных цивилизаций. Этот Верховный Разум делал, оказывается, серьезную ставку на наш двадцатый век — заждались там, в звездных далах. Да и петербургские газеты первых дней двадцатого века не скупилась на оптимистичные прогнозы. А российский министр финансов заявлял, что в 1901 году для удовлетворения государственных потребностей в займе нужды не предвидится, что также было отмечено в отчете для Сообщества.

А вторично вочеловечиться ему предложено было спустя тридцать лет, в июле тридцать первого года. До Верховного Разума доходили противоречивые слухи о том, что происходит в социалистической Москве, и наблюдателю предстояло удостовериться, не ошибся ли он в первый день века, прогнозируя будущее России. На этот раз он вочеловечился в рабочего парня, чтобы не выделяться в уличной толпе, да и свой русский язык подновил, тщательно проштудировав сочинения ведущих пролетарских писателей Третьякова и Киришона. Но, едва объявившись в Москве, в первый же день купил у Никитских ворот «Вечерку», в которой вычитал, что ради «значительного облегчения обучения и достижения экономии в бумаге и металле» такие слова, как «этаж» или «электричество», целесообразно писать через «е» — етаж, электричество. В этом проекте дальнейшей реформы русской орфографии предлагалось упразднить и другие «трудные» буквы: ъ, й... Это был очередной эксперимент строителей светлого будущего, с которыми наш наблюдатель, даже напичканный Киришоном и Третьяковым, с трудом находил общий язык. Утешался лишь тем, что проведал, что в подвале бывшего виноторговца на углу Орликова переулка и Садово-Спасской молодой конструктор Королев со своими единомышленниками принялся изучать реактивные двигатели. Но зайти в этот подвал, уже принадлежащий Истории,

выгляда человеком, который неразличим в толпе, он не захотел. И телепатировал Королеву, что пройдет еще тридцать лет и он вновь вочеловечится, примет облик бойкого репортера и возьмет у него интервью сразу после запуска первого космического корабля. Готовность к телепатированию ощутил, как всегда, внезапно — в тот раз на субботних танцах в Останкинском театре. Заглянул на эти танцы непреднамеренно — проезжал по 1-й Останкинской улице на девятом трамвае и услышал сладостный стон гавайской гитары...

Но, увы, по прошествии очередных тридцати лет он совершил в своих звездных далах серьезный дисциплинарный проступок и не был допущен к вочеловечиванию. И вот теперь, спустя еще тридцать лет, наконец явившись на Землю, он поспешил первым делом удостовериться, что воздвигнуто на том месте, где фактически он предсказал полет Гагарина. Но что меня погнало в этот день в Останкино?

Вы, очевидно, теперь догадываетесь, почему пришелец (я не знаю уже, как называть моего знакомого, проще всего, очевидно, пришельцем) смотрелся как чеховский персонаж? На сей раз ему было дано задание поучаствовать в спасении России, и он вспомнил, как идеально вочеловечился, когда в первый день века объявился в Петербурге. Сохранил и ту русскую речь и проникся ко мне доверием, когда я, как мог, подыграл ему. Он убеждал, что ему намного проще вочеловечиться, чем советским людям очеловечиться. На это уйдут годы... Но есть способ ускорить дело. Если диагноз, который он должен вручить Верховному Разуму, окажется безошибочным и тот внушит Егору Яковлеву, что экстрацелителю из Сообщества высокоразвитых звездных цивилизаций (это вам не Кашпировский!) следует выделить час-другой в воскресных вечерних программах, то результат, как клятвою заверял меня пришелец, превзойдет самые смелые ожидания.

Уже вечерело, когда мы вышли из парка. У меня закончились сигареты, и некурящий пришелец вдруг извлек из кармана серебряный портсигар — тот самый, который вручен был ему в зале Павловой на Троицкой.

— Могу предложить папиросу. Помню, меня подкупила вывеска той табачной лавки: «Слава Трансваа-лю». А помещалась лавка на Первой линии Васильевского острова.

Я дал ему свой телефон, и однажды утром он позвонил и поинтересовался...

Но об этом — в другой раз.

Илья СМЕРНОВ

МАЙК

Совсем недавно под тошнотворные звуки новой советской эстрады мы проводили славное ВРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ. И вот один за другим уходят его герои. Майк. Но Майка невозможно понять вне той культуры, которую он создавал и которую ненадолго пережил. Русский рок 80-х не был ни провинциальной вариацией на тему англосаксонского, ни «молодежной модой», ни «легкой музыкой». Если бы это было так, о нем не стоило бы сегодня вспоминать — переводить дефицитную бумагу. Что же это было на самом деле? Причудливый феномен в непредсказуемой империи на стыке Востока и Запада: современная техника, средневековая организационная структура, социальная оппозиция... и главное: в начале 80-х в питерских коммуналках наконец соединились интернациональная рок-культура и бардовская традиция, последнее воплощение российской культуры Слова. Ключевой образ «времени колокольчиков» — ПОЭТ С ГИТАРОЙ. Образ чрезвычайно архаичный — помните Гомера и древнерусских гусляров? — но единственно возможный в условиях, когда свободное живое слово отделено от печатного станка.

Все ведущие рок-музыканты 80-х имели «параллельно» электрической акустическую программу для «бардовских» концертов. Виноват — как раз наоборот: электрической программы могло не быть (нет инструментов, нет репетиционной базы, просто разогнали группу, как АКВАРИУМ после фестиваля «Весенние ритмы», Тбилиси-80, или пересажали музыкантов — как ВОСКРЕСЕНИЕ при Андропове). Но гитару-то всегда можно одолжить у соседей. Вот почему, например, КИНО из первых десяти своих концертов в Москве, дай Бог, два отыграли в «полуэлектрическом» варианте, когда бас воткнул в какую-то дискотечную колонку.

ЗООПАРКУ повезло больше. Их сольный дебют в столице имел место в роскошном дворце культуры «Москворечье» на аппаратуре кого-то из филармонических боссов. А за час до начала «подпольные менеджеры» — ребята из студенческого клуба МИФИ «Рокуэлл Кент» — упоили замдиректора до такого состояния, что он вряд ли отличил бы Майка от Дина Риды. Любопытна реакция неофициальных лиц на этот дебют. Музыканты из богатой столичной синтезаторной команды, старавшейся как можно точнее имитировать презираемый Майком СПЕЙС, отнеслись с таким же презрением к самому Майку: «Приехал уголовник из Питера и пел два часа под видом рок-музыки блатные песни». Отрицательное

отношение разделило не менее трети публики, причем недовольные они были, как правило, МУЗЫКОЙ («примитивно», «однообразно»)*. Позицию тех, кому концерт понравился, лучше всего выразил интеллигентный человек совсем непанковского возраста, годившийся Майку в отцы: «Ты дрянь» — это же замечательное лирическое стихотворение!»

Как мало, по существу, меняется мир, несмотря на все политкатаклизмы. Газета, которая возглавляла травлю русского рока восемь лет назад, теперь, желая похвалить Майка в некрологе, называет его «Орфеем кайфа, стёба и секса». Лучше бы уж дальше разоблачали. Хотя, если вдуматься, и тогда, и сейчас они писали про рокеров примерно одно и то же: «проповедь алкоголической темы», неприкрытого хамства, хулиганства» (Ю. Филинов, «Барбаросса рок-н-ролла», 1984).

А между тем Майк был просто поэтом. Поэтом, которого каждый вправе воспринимать в меру собственной образованности. На мой взгляд, «Сладкая Н» или «Ночь нежна...» имеют такое же отношение к «кайфу, стёбу и сексу», как «Каменный гость» А. С. Пушкина. «Пригородный блюз» при всех своих бытовых реалиях — не просто зарисовки с натуры, но высокая трагедия. Пир во время чумы.

Двадцать лет — как бред,
Двадцать бед — один ответ...

Думаю, что во владении Словом Майк не знал себе равных среди рок-музыкантов обеих столиц. Бесспорно его влияние на раннего Башлачева.

Насколько сам Майк воспринимал себя как поэта? Когда как. Его автобиография, опубликованная в журнале «Ухо» (1982, № 1), выдержана в стиле западных музыкальных журналов. Ему, как и его другу БГ, импонировал образ «посла рок-н-ролла в неритмичной стране», культуртрегера, который знакомит темный народ с М. Боланом и классическим рок-н-роллом так же грамотно, как БГ знакомил нас с Д. Моррисоном, первые бит-группы 60-х — с БИТЛЗ, а еще раньше — Петр I с европейскими воинскими уставами. ЗООПАРК начинался с танцплощадки и никогда этого не стеснялся. В Зеленограде, где для питерских звезд была арендована местная «стекляшка», они за пару часов исчерпали свою оригинальную программу и до глубокой ночи развлекали студенчество английскими рок-н-роллами: «танцуют все». Но, с другой стороны, — слушайте:

Я пишу стихи всю ночь напролет,
Зная наперед, что их никто не прочтет.

Тот же Майк. «На второй мировой поэзии признан годным и рядовым» — Башлачев. «Вся власть поэтам» на форменных футболках ДДТ и признание Шевчука: «Мой рабочий инструмент — стол». Нужны еще доказательства? Майк был трагическим поэтом и веселым музыкантом.

И вообще легким в общении, компанейским человеком, вовсе не подверженным профессиональной болезни рок-музыкантов — нарциссизму. С ним приятно было ходить в разведку. Я не шучу. Когда за полчаса до начала его концерта в подмосковный Троицк прибыла карательная бригада ГБ и милиции, Майк как ни в чем не бывало обратился к унылой толпе у дверей ДК: «Что скучаете? Пошли в лес — песенки поем!» И пел на поляне под гитару. Подходили и товарищи в штатском. Спустя год, допрашивая главного художника журнала «Ухо» Юрия Непехарева, один из них будет с явным удовольствием декламировать Майка...

Помню, генерал Калугин (тогдашний зам. начальника Ленинградского УКГБ) рассказал о том, кто и зачем санкционировал создание рок-клуба на ул. Рубинштейна («Комсомольская правда» от 20.06.90) — впрочем, мы и без него догадывались. Правда, сначала официальная функция резервации для музыкантов и витрины для доверчивых иностранцев не афишировались. Но с приходом к власти Ю. В. Андропова зазвучал старый сталинский мотив. Причем чтобы компетентным органам самим не пачкаться, решения о запрете на выступление той или иной группы принимали свои же «братки» из руководства рок-клуба. А прятаться от «своих» было куда тяжелее, чем от милиционеров.

Когда запретили ЗООПАРК, мы с Майком долго соображали, как обмануть «братков»-меценатов и в то же время не погубить группу окончательно. Наконец додумались до акро-

* Когда АКВАРИУМ исполнял «Пригородный блюз», многие слушатели, даже поклонники Майка, отдавали предпочтение музыкальной редакции БГ/Гаккеля.

батического трюка: Майк приезжает в Москву, репетирует свою программу с московской группой ДК, имеющей некоторый ресторanno-филармонический опыт быстрого освоения новых песен, и дает концерт с ними же в качестве аккомпанирующего состава. В случае «винта» это будет сольное выступление Михаила Науменко, а группа ЗООПАРК ни при чем. Концерт проходил на Троицу 1983 года в зале опорного пункта охраны порядка. Потом за стаканом своего любимого кубинского тростникового напитка (почему-то Майк доверчиво соглашался считать эту самогонку «ромом» — «ром и пепси-кола, ром и пепси-кола — это все, что нужно звезде рок-н-ролла») он выдаст характеристики московским коллегам: уважительную гитаристу ДК Дмитрию Яншину и совсем наоборот — барабанщику, которого я здесь не хочу называть по имени, потому что позже этот барабанщик променял свою группу на общество «Память» и даже получил какую-то премию от журнала «Молодая гвардия». Гость оказался куда прозорливее хозяев.

Но гостю нужно было возвращаться домой — к своим «разбитым тарелкам» и «увядшим цветам». А нам — считать собственные потери. В самом начале нового, 84-го года был арестован постоянный бескорыстный московский импресарио ЗООПАРКА Володя Литовка из МИФИ. После ареста Жанны Агузаровой (прямо на сцене) концертная деятельность в Москве практически прекратилась. Пытаясь понять, насколько возможно ее возобновление с помощью «импорта» из Питера, мы с Ю. Непухаревым, соблюдая все меры конспирации, отправились к Майку на Боровую — в его знаменитую коммуналку («система коридорная, на тридцать восемь комнаток всего одна уборная...») в доме, не отремонтированном со времен Николая II. Лидер ЗООПАРКА был необычно мрачен. Он честно объяснил нам, что происходит: что к каждой серьезной группе приставлен «куратор», что все обращения в рок-клуб поступают в два адреса и что самое лучшее для нас — на время забыть о существовании на северо-западе СССР г. Ленинграда.

Пожалуй, никогда еще мы не испытывали такого гнетущего чувства, как в тот вечер, ожидая поезда на Московском вокзале. А Майку предстояло во всем этом жить, писать песни и исполнять их на закрытых концертах в рок-резервации для «оттяга» тусовщиков, гордых уже тем, что они допущены на тусовку, закрытую для «простолюдов». Участвовать в фестивалях, где «компетентные жюри» присуждали первые места не АКВАРИУМУ и ЗООПАРКУ, а ансамблям «Модель» и «Мануфактура». Такой «мажорный рок-н-ролл»...

Майк был на десять голов выше всякой тусовки и так же не вписывался в нее, как Пастернак в Союз писателей, а академик С. Б. Веселовский в «советскую историческую науку». Но он оказался слишком прочно привязан к чужой колеснице. Человеку легче поменять кожу, чем референтную группу. И этот безжалостный закон, наверное, сыграл свою роль и в творческой, и в человеческой судьбе одного из самых ярких талантов русского рока.

Позже, когда Горбачев сломал стену, на фестивале в Подольске тысячные толпы стоя слушали Майку, а он, помолодевший на десять лет, играл им те же старые рок-н-роллы, что и в зеленоградской «стекляшке». Насколько же нас стало больше! В тот сентябрьский день 1987 года ни один человек из толпы не усомнился бы в победе. Но всего через год стало ясно, что «Советский Вудсток» в отличие от первого, несоветского, отметил не рассвет, а закат.

Скрип пера по бумаге, как предсмертный хрип,
Мой брат был героем, но он тоже погиб.

Майк никогда не занимался политикой и подчеркнуто избегал ее в песнях (в отличие даже от Гребенщикова, не говоря уже о НАУТИЛУСЕ, Башлачеве, ДДТ). Но он бросил вызов системе — тем, что был талантлив и честен, пел не для «бабкок» и карьеры.

Он чуть не победил. И его больше нет. И некому принять его наследство, потому что Саша Башлачев и Сашина ученица Яна Дягилева ушли еще раньше. Подрастает поколение, которому имя Михаила Науменко ничего не говорит, имя которого отечественный рок олицетворяет в лучшем случае Малинин. То бессмысленное и непобедимое «нечто» («The thing» из фильма Д. Карпентера), которое разгоняло концерты ЗООПАРКА, чтобы посторонние звуки не вклинивались в бодрый напев «Любовь, комсомол и весна», — оно по-прежнему правит бал, меняя обличья, ритмы и цвета знамен. Все в порядке...

Слушайте МАЙКА, МИХАИЛА НАУМЕНКО:

Блюз с обстоятельным и подробным описанием того, как Иша и Майк обломались в Москве в марте 80-го года

Здесь нас никто не любит, и мы не любим их,
Все ездят на метро, ну а мы не из таких,
Мы берем моторы, хоть в кармане голяк,
И мы кируем свой портвейн, и мы пьем чужой коньяк.
Я не люблю Таганку, ненавижу Арбат,
Еще по одной (наливай!), и пора назад.
Здесь нас никто не любит и не зовет на флэт,
Не выставляет пиво, не готовит нам обед.
Мы всем поддерживаем кайф, нам кайф ломают кругом,
В Сокольниках и в Центре — кругом один облом.
Здесь холодно и гадко, здесь очень не вумат,
Еще по одной (наливай!), и пора назад.
И барышни в столице милы, но не для нас.
Они не любят звезд панк-рока, идут в сплошной отказ.
Меня динамит телеграф, не выдавая перевод,
Мне некуда укрыться, когда болит живот.
Из порванной штанины глядит мой голый зад,
Еще по одной (наливай!), и пора назад.
Там стрёмно в магазинах, там все не как у нас,
Там нету бормотухи, в продаже только квас,
Народ там озверевший, он бьет друг друга фэйс,
Никто не знает СТЭНГЛЕРЗ, на топе только СПЭЙС.
От этой всей достачи так и тянет на мат.
Еще по одной (наливай!), и пора назад.

Ты дрянь

Ты дрянь. Лишь это слово способно обидеть.
Ты дрянь. Я не могу тебя любить
и не хочу ненавидеть.
Ты не тот человек, с которым я способен жить.
Когда ты лжешь мне в лицо, мне хочется тебя убить.
Ты бьешь мои тарелки одну за другой,
Ты строишь всем глазки у меня за спиной.
Ты дрянь.
Ты продала мою гитару и купила себе пальто,
Тебе опять звонят весь день,
прости, но я не знаю кто.
Но мне до этого давно нет дела:
Вперед, детка, бодро и смело,
Ты дрянь.
Ты спишь с моим басистом

и играешь в бридж с его женой,

Я все прошу ему, но скажи, что мне делать с тобой?
Тебя снимают все подряд, и тебе это лестно,
Но скоро другая займет твоё место.
Ты дрянь.

Ты кланчишь деньги на булавки,
ты их тратишь на своих друзей,
Слава Богу, у таких, как ты, не бывает детей,
Ты хочешь, чтоб все было по первому сорту,
Но готова ли ты к 502-му аборт?
Ты дрянь.

Ты вновь рыдаешь у меня на плече,
но я не верю слезам.

Твое прелестное личико катится ко всем чертям,
И скоро, очень скоро ты постареешь,
Торопись и тогда, может быть, ты успеешь.
Ты дрянь.

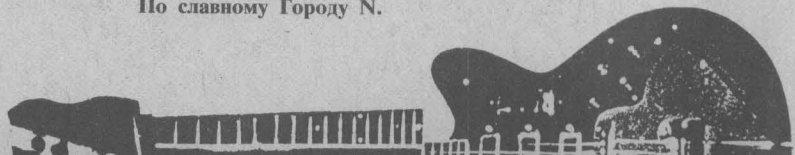
Нет, ты не тот человек, с которым я способен жить,
Когда ты лжешь мне в лицо, мне хочется тебя убить.
Наверное, мы слеплены из разного теста,
И скоро другая дрянь займет твоё место.
Ты дрянь (лишь это слово способно обидеть).
Ты дрянь (не могу тебя любить и не хочу ненавидеть).
Ты дрянь.

Уездный Город N

Этот город странен, этот город непрост,
Жизнь бьет в нем ключом.
Здесь все непривычно, здесь все вверх ногами,
Этот город — сумасшедший дом.
Все лица знакомы, но каждый играет чужую роль.
Для того, чтоб хоть что-то в этом понять,
Нужно знать тайный пароль.

Я приглашаю вас побродить вечерок
 Среди площадей, домов и стен.
 Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.
 Вот он — Уездный Город N.
 Смотрите, вот леди Макбет с кинжалом в руке,
 Шатаясь, ввалилась в кабак,
 Прирезав педиатра Фрейда в очередной из пьяных драк.
 Король Артур с друзьями за круглым столом
 Прилежно стучат в домино,
 А папаша Бетховен лабает свой блюз
 На старом, разбитом фоно.
 Он сед и беден, как церковная мышь,
 Он не смог избежать перемен.
 А когда-то он был королем рок-н-ролла
 Уездного Города N.
 У стойки бара Ромео курит сигару, допив аперитив.
 Он поведет Джульетту в кино
 На новый модный детектив.
 В его кармане фляжка не с ядом — с коньяком.
 А проводив свою подружку домой,
 Он поспешит в публичный дом,
 В котором заправляет маркиз де Сад —
 Поклонник секты дзен.
 Он самый галантный кавалер
 Уездного Города N.
 Вот Гоголь, одетый, как Пушкин,
 Спешит, как всегда, в казино.
 Но ему не пройти через площадь:
 Юлий Цезарь там снимает кино.
 Он мечется среди камер, сжимая мегафон в руках.
 А суперзвезды Пьер и Мария Кюри
 Снимаются в главных ролях.
 Но вот дана команда «Мотор!», и оператор Роден
 Пристывает к съемкам сцены номер семь
 На главной площади Города N.
 Папа римский содержит игорный дом.
 По вечерам здесь весь высший свет.
 И каждый раз, перед тем как начать игру,
 Он читает вслух Ветхий Завет.
 — Мадам, месье, ваши ставки! — кричит крупье,
 Одетый в черный фрак.
 — На красное — двадцать тысяч, —
 Отвечает Иван-дурак.
 Он известный фальшивомонетчик,
 Его сообщница — Софи Лорен,
 Они заправили преступного мира
 Уездного Города N.
 Волосатый малый торгует овец,
 По этой части он спец.
 Он главный компаньон коммерческой фирмы
 «Иисус Христос и Отец».
 Его дела процветают,
 И оттого жестокий сплин
 Владеет главой конкурентов
 «Иван Грозный и Сын».
 На бирже творится черт знает что,
 Но за стабильностью цен
 Следит Пол Маккартни — финансовый гений
 Уездного Города N.
 Родион Романович стоит на углу,
 Напоминая собой Нотр-Дам.
 Он точит топоры, он правит бритвы,
 Он охоч до престарелых дам.
 Он с интересом наблюдает за дракой —
 Это наш молодежный герой
 Опять затеял битву с дураками,
 Но бьется он сам с собой.
 К нему подходит Жорж Санд, одетая в смокинг.
 И шепчет: «Я — Шопен».
 За ней следит Оскар Уайльд — шеф полиции нравов
 Уездного Города N.
 Чарли Паркер говорит Беатриче:
 — Не угодно ли потанцевать?
 Я знаю прекрасное место,
 Здесь рядом — рукой подать.
 Входя в дискотеку, они слышат,
 Как главный диск-жокей
 Кричит: «И все-таки она вертится!»
 Вы правы — это Галилей.
 Он приветливо машет вошедшим рукой
 И ставит диск «Стили Дэн».
 О да, это самая модная группа

Уездного Города N.
 Лев Толстой вырыл яму, залез в нее
 И отказался наотрез вылезать.
 Он поносит всех отсюда такими словами,
 Что неловко их повторять.
 Наполеон с лотка продает ордена,
 Медали и выцветший стяг.
 Ван Гог хохочет: «Нет, ты не император,
 Я знаю, ты просто коньяк».
 Ну, а я возьму весь товар, правда, только на вес».
 И он достает безмен.
 В это время луна, как ржавый таз,
 Встает над Городом N.
 Диоген зажигает свой красный фонарь,
 На панели уже стоят
 Флоренс Найтингейл и Мэрилин Монро,
 Разодетые как на парад.
 К Джоконде пристали Казанова с Пеле:
 — Мадам, разрешите наш спор.
 В чем смысл прихода бодхисатвы с Юга?
 Мы не можем понять до сих пор.
 — А идите вы к бую, — отвечает Джоконда,
 Садится в свой «ситроен»
 И, улыбаясь, исчезает в лабиринте улиц
 Уездного Города N.
 Таксист Харон выключает счетчик,
 Говорит: «А вот и вокзал».
 Его пассажир Эйнштейн в смятении:
 — О, я чуть не опоздал.
 Он подбегает к кассе и просит
 На пригородный поезд билет.
 Но кассирша Эдита Пьеха отвечает: «Билетов нет».
 Анна Каренина просит всех покинуть перрон
 И не устраивать сцен.
 Все равно поезда никогда не уходят
 Из Уездного Города N.
 Три мушкетера стоят у пивного ларька,
 К ним подходит Д'Артаньян.
 Он небрежно одет, плохо выбрит
 И к тому же заметно пьян.
 На вопрос: «Не желаете ерша с лещом?» —
 Он отвечает: «Мне все равно».
 В этот миг за спиной они слышат
 Скрип телеги и крики «Но-о!».
 Это Маяковский в желтой кофте,
 Доходящей ему до колен,
 Везет пятнадцать мешков моркови
 На рынок Города N.
 Архимед из окна вопит: «Эврика!» —
 Но мало кто слышит его.
 Все прохожие смотрят на милую даму,
 Проезжающую мимо в ландо.
 Это Мария Медичи, а служит она медсестрой.
 Сейчас она торопится к Мао Цзедуну
 Вылечить ему гемморой.
 Но, что бы она ни прописала ему: мышьяк или пурген, —
 Вскоре станет еще одной могилой больше
 На кладбище Города N.
 Дон Жуан на углу читает серию лекций
 О дружбе и о любви.
 Вокруг него толпа, и в ней среди прочих
 Спиноза, Блок и Дали.
 А вот и Золушка, милая девочка,
 Как, ну как она-то оказалась здесь?
 Она так устала, она запыхалась, ей некогда даже присесть.
 Она когда-то мечтала стать балериной,
 Но ей пришлось взамен
 Каждый вечер подметать тротуары улиц
 Уездного Города N.
 Вокруг происходит так много всего,
 Что я не знаю, что еще показать.
 Поверьте, я мог бы говорить часами,
 Но, пожалуй, пора кончать.
 Пора садиться на корабль,
 Кавалеры, пропустите дам.
 В гостях хорошо, но дома лучше —
 Итак, нам пора по домам.
 Равномерней размещайтесь в каютах,
 Иначе корабль даст крен.
 Я надеюсь, вы остались довольны прогулкой
 По славному Городу N.

ВСТУПАЙТЕ

В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНУЮ КОРПОРАЦИЮ

КОНТИНЕНТ-НОРД

"КОНТИНЕНТ-НОРД" - ЭТО

✓ - ОБЪЕДИНЕНИЯ С 10-ТИ МИЛЛИАРДНЫМ ОБОРОТОМ коммерческих банков, бирж, страховых компаний, торговых домов, акционерных обществ, совместных предприятий, строительных организаций, коммерческих магазинов, домов моделей, фермерских хозяйств, кинологических клубов, питомников, киностудий

✓ - ФИРМЫ В США, ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ, ИТАЛИИ, ФИНЛЯНДИИ

✓ - АКАДЕМИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА. Факультеты биржевого дела, менеджмента, маркетинга. Преподаватели из университетов Германии и Франции, московских вузов, ведущие сотрудники экономических ведомств и бирж. Форма обучения - очная и заочная. Стоимость - 20 тысяч рублей + 5% налог (для организаций), 12 тысяч рублей + 5% налог (для частных лиц).

✓ - МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАОЧНАЯ ШКОЛА МЕНЕДЖЕРОВ. Маркетинг, реклама, психология, управление, менеджмент. Срок обучения: от 4-х месяцев до 1 года по программе Master of business administration. Стоимость - 5 тысяч рублей + 5% налог (для организаций) и 3 тысячи рублей + 5% налог (для частных лиц)

✓ - ШКОЛА ГИДОВ - ПЕРЕВОДЧИКОВ (английский и немецкий факультеты). Очное и заочное отделение. Курсы: нулевой, продвинутый, разговорной лексики, бизнескурс. Стоимость в зависимости от курса и срока обучения: от 1000 рублей + 5% налог до 2500 рублей + 5% налог. Телефон для справок: (095) 299-74-95. Выпускникам Академии международного бизнеса, Международной заочной школы менеджеров, Школы гидов-переводчиков вручаются дипломы международного образца.

✓ Зачисление проводится 1-го числа каждого месяца. Заявление, направление на имя директора (укажите ф.и.о., место работы, должность, образование, домашний адрес), копию платежного поручения (наш р/с 2461646 в коммерческом банке "Аспект" г. Москвы, МФО 201296) направляйте заказным письмом по адресу корпорации.

✓ -МЕЖДУНАРОДНОЕ АГЕНТСТВО-ШКОЛА МАНЕЖНИЦ И ФОТОМОДЕЛЕЙ. Проводит показ моделей одежды, обуви в СССР и за рубежом. Участвует в международных шоу и съемках рекламных видеофильмов. Срок обучения: два месяца. Стоимость - 800 рублей. Ваши анкетные данные, 2 фотографии (в купальнике в полный рост, крупным планом в фас) направляйте по адресу корпорации. Наш адрес: 129346, Москва, ул. Изумрудная, 22. Корпорация "КОНТИНЕНТ-НОРД".

Телефон: (095) 472-32-21.

Автоответчики с 9.00 до 18.00: (095) 476-09-73, 479-93-69.

Председатель Правления корпорации

М. Керов

Президент корпорации

П. Керов

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ АРМИИ

Продолжение «Лекарства против морщин»
Валерия Примоста («Юность», 1991,
№№ 6–7, «20-я комната»),
написанное читателями

Хотя маршал Шапошников говорит о коренных реформах, которые ждут и армию, и само Министерство обороны, хотя министр подписал приказ о внесении изменений в список болезней, означающих негодность новобранцев, по-прежнему остаются в силе основные требования Комитета солдатских матерей: ликвидировать все ведомственные стройбаты; ввести альтернативную службу; выплатить денежную «компенсацию» родителям погибших... Ту, о которой писал Валерий Примоста. А пока это та же армия, о которой пишут наши читатели.

«...ПРОЧИТАЛ СТАТЬЮ ВАЛЕРИЯ ПРИМОСТА и, как недавний дембель, подтверждаю: все правда. ЗабВО отличается от ДальВО только климатом и незначительными расхождениями в сленге. Не могу понять, зачем нам нужна армия из нескольких миллионов человек, занимающихся сбором окурков и крашением бордюров. Охотно верю, что есть по-настоящему занимающиеся делом люди, но я их почему-то не видел...»

Солдатская среда (правдиво подметил Валерий) разбита на касты (чаще всего по сроку службы, но, бывает, и по национальной), и у каждой касты свои права и обязанности, которых все должны придерживаться... В армии все держится на силе и наглости, ведь солдаты — люди, не понимающие, ПОЧЕМУ они ДОЛЖНЫ здесь находиться, на каком основании у них отнимаются два года жизни. Отсюда озлобленность на всех и вся, и в каждой части есть свой козел отпущения: очень часто это добродушный, как теленок, парень из глухой деревни — есть еще такие. Наша армия — колосс на глиняных ногах, она держится на страхе перед дисбатом. (Очень любят показательные суды над каким-нибудь забитым беглецом.) «Боевая подготовка» исчерпывается обучением строевому шагу и дубовой политподготовкой, рассчитанной, наверное, на стадо слонов...»

П., г. Москва

«А ВОТ В МОИХ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ о службе — только хорошее. Мы с другом служили в одно время, с 1973 по 1975 год, в разных частях. До сих пор, когда встречаемся, поем армейские песни. Лично для меня армия получилась настоящей школой, после которой изменилось отношение к жизни.

За два года моей службы у нас в части среди солдат не было ни одного смертельного случая. Не было «дедовщины». Ее отсутствие я могу объяснить только серьезным отношением офицеров и прапорщиков к своим обязанностям: во всех ротах круглосуточно дежурил офицер или прапорщик, мы ни одной минуты не были предоставлены самим себе. О политработниках, да, не могу сказать ничего хорошего. Но и ничего плохого — они нами просто не занимались...

Со мной служил парень из Иванова, он из армии направлением поступил в Ивановский университет на юридический факультет, сейчас работает зам. начальника РОВД...

А среди солдат, конечно, были легкие потасовки, двух воров сами поймали и наказали...

Не знаю, может быть, мне просто повезло.

Дмитрий ДОКЕЖОВ,
Ивановская область

«Я НЕ ХОЧУ ОПРОВЕРГАТЬ ТО, ЧТО НАПИСАЛ В. Примост, — это правда. Но есть главная проблема — профессионализация армии. С давних пор нам говорили, что «от тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее»... Я служил с 1988 по 1990 год. Все войска — это один большой стройбат. Война в Персидском заливе показала небоеспособность нашей ракетной техники, полет Руста на Красную площадь — отсутствие ПВО и т.д. У нас ничего нет, а иллюзии о непобедимости нашей армии живут. Я не фанат армии потому, что у нас ее нет. «За державу обидно...»

Владимир ИВАНОВ,
г. Москва

«...ВЫЧИТАЛ В ВАШЕМ ЖУРНАЛЕ РЕЦЕПТ «лекарства против морщин» — очень понравилось! Редко приходится читать такие вещи. Но все-таки о том, что творится в СА, знают сейчас многие — дурдом! А слышал ли кто-нибудь о том, что происходит при призыве? С «дедовщиной» надо начинать бороться не в армии (за колючкой или забором, где ты ноль), а еще «на воле». Перед дверью военкомата, даже перед школьной дверью с табличкой «НВП». Я слышал по радио, как на съезде выступала женщина с тем, чтобы амнистировали ДЕЗЕРТИРОВ. О каких «дезертирах» может идти речь, когда человек имеет ПРАВО не служить по своим религиозным или другим убеждениям?! А у нас за отказ сажают в тюрьму! Все дело в призыве. С него все начинается. Если в армии будут только те, кого НЕ ЗАСТАВЛЯЛИ туда идти, то и армейские дела будут лучше...»

Вячеслав БАБИЧ,
Амурская область

Итак, Виноватые Умерли

Юрий Горский («Юность» № 4 от 1991 года — «20-я комната») на странице девяносто три популярно разъяснил нам, что все позади... Но приходится признать, что по закону бутерброда и правилу левой руки Большого Брата, которыми мы до сих пор пользуемся, остались те, кто наследовал дело виноватых. И мы, которые еще не умерли, стойко продолжаем его. Вопреки смыслу, логике, не знаю еще чему... Жизни?

Новое поколение принимает на себя вину. Кто-то стреляет себе в сердце из отцовского ружья, как это сделал бедный грузинский юноша; кто-то, как и много лет назад, произносит тосты о том, что «комсомол дал нам все»...

Лев Толстой, вспоминая о неблагоприятном поступке, совершенном в молодости, останавливался на том месте, где его настигла ретроспекция, и протяжно кричал. Если бы вдруг ко всем виноватым подступило это чувство! Какой вселенский крик! Но виноватые умерли. По земле ходят виноватые без вины. Разве судьи мы брату нашему, убившему своего первого «духа» в восемнадцать лет?

Не виноваты дети, никогда. Не виноваты дебилы тем более. Что такое пролитое молоко или съеденное без спроса варенье на наших весах! Но дети вырастают, чтобы продолжить наше дело, то есть нашу вину, или произвести на свет стойкий процент новых дебилов на смену умершим.

Легко только побежденному?... Нет! Легко только невиноватому, о ком я уже сказал. Остальным, всем нам, тяжело: груз вины давит плечи. Мы мучаемся половиной вины, но нашей половины хватит на всех. Будут раздавлены и невиновные, которые ни о чем не подозревают.

И когда я думаю о тех, кто не виноват, о детях, о несчастных людях, мне хочется кричать, как кричал Толстой. Где дорога к избавлению от комплекса вины? Очевидно, она светло кончается там, где, выжатая по завету классика, последняя капля упадет на плиты Пантеона Виноватых. Какой это будет Пантеон! На его стенах будут начертаны реестры нашей вины. И когда последняя фраза покаяния ляжет строчкой на мраморные плиты, наступит время человеческого порядка вещей. Времени невиноватых.

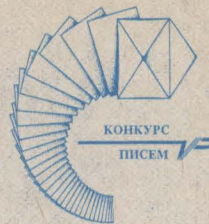
И надо всем зданием поставят золотой купол, чтобы кто-то понял: эти большие не виноваты.

Александр МАНСУРОВ
Москва

ПРОШУ ВАС, ПОМОГИТЕ МНЕ скрасить несчастную и тяжелую жизнь моего брата. Мы живем без отца троим с мамой. Андрей — инвалид I группы с детства. Единственный смысл его жизни — компьютер «Вектор-Обс», для которого он делает программы. Но ему очень не хватает общения с человеком одних интересов в любимом деле. Не с кем поделиться радостью от созданной программы, не от кого получить совет да и просто поговорить о насущных проблемах. Он очень страдает от одиночества. Я прошу вас, пожалуйста, опубликуйте мое письмо, пусть откликнутся все, у кого интересы совпадают с интересами Андрея.

Пожалуйста, пишите нам:
342000, Донецкая область, г. Константиновка, а/я 118, Соколовым.

«ИСПОВЕДЬ ПОКОЛЕНИЙ: О ЖИЗНИ И О СЕБЕ»

Наш конкурс писем, начатый в № 10, 1991 г., продолжается.

Первый раз в новом году мы обращаемся к вам, читатель.

В последнее время все чаще и чаще говорится о том, как нам сейчас не хватает уверенности в собственных силах, способности создать разумную, нормальную жизнь — причем не в какой-то отдаленной и туманной перспективе, а в рамках жизни одного поколения. И, пожалуй, в основе всего этого — то, что мы недостаточно осознаем себя личностями, испытываем дефицит человеческого достоинства.

Как жить достойно, что это значит, как возродить личность, вернуть людям уважение к себе и другим? Ждем от вас размышлений, ваших личных наблюдений. Напоминаем, что в проведении конкурса участвует независимая Служба изучения общественного мнения ВР (руководитель — проф. Б. А. Грушин). Чтобы помочь социологам в анализе писем, просим вас каждый раз указывать номер того вопроса, на который вы будете отвечать.

1. Итак, наш первый вопрос. Из чего, по-вашему, складывается чувство человеческого достоинства, что оно означает, от чего зависит? Расскажите в своих письмах о ситуациях, в которых, на ваш взгляд, оно сильнее всего проявлялось.

2. Государство, в котором мы живем, еще недавно было устроено так, что на протяжении всей своей жизни, от рождения до смерти, человек постоянно подвергался всевозможным унижениям, давлению, оказывался в положении бессильного и бесправного существа. Ощущали ли вы это на себе? Когда, в каких случаях вы, ваши близкие особенно остро переживали такое? В чем, по-вашему, проявляется у нас самое большое бесправие людей?

3. В последнее время обстановка в стране резко меняется. Все мы свидетели и участники этих перемен. Однако остается вопрос: приведут ли эти изменения к возрождению личности, обретем ли мы утраченное человеческое достоинство, станем ли хозяевами собственной жизни?

Что каждому нужно сделать для этого — преодолеть в себе и в своем окружении, воспитать в детях, изменить в устройстве общества?

В заключение сообщите, пожалуйста, некоторые сведения о себе.

4. Сколько вам лет?
5. Ваше образование?
6. Если вы учитесь, то где? Если работаете, то кем?
7. Где вы живете (город, поселок, село)?
8. С кем вы проживаете? Имеете ли собственную семью?

Заранее благодарим за ваши письма-ответы!

ПАРАД ПОБЕДИТЕЛЕЙ

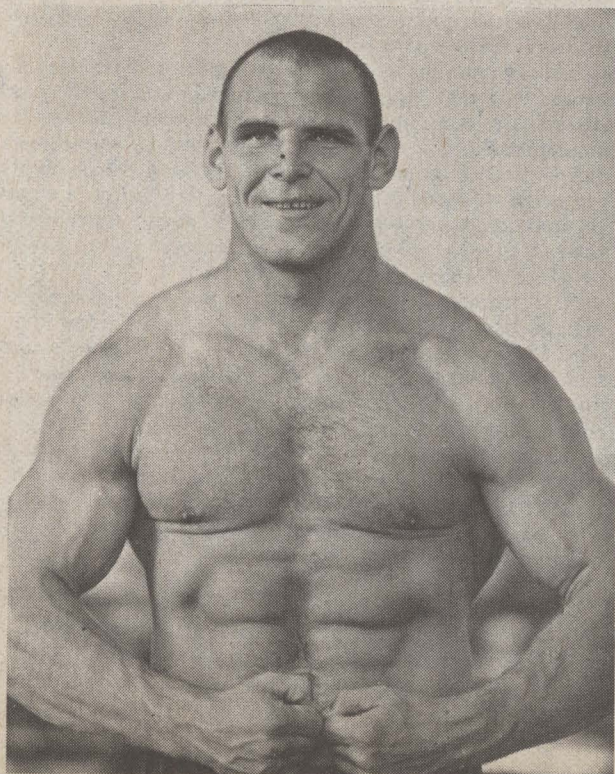
Ольга Седакова

Она — прима. Королева во всех отношениях. И все время разная. На первой своей пресс-конференции в Афинах в роли чемпионки Европы шокировала журналистов уверенным: «На ваши вопросы я отвечу, когда к золотой медали прибавлю еще две — в дуэте и в команде». И взгляд отливал металлом. Выполнив обещанное («Неужели вы думали, что может быть по-другому?»), вместе с подругами оккупировала лучшие места на трибуне бассейна, где бились за медали наши ватерполисты, и, разрисовав нос и щеки губной помадой в пятиконечные звезды, превратилась в яростно вопящего чертенка. А днем позже на прощальном банкете — о, это надо было видеть! — за одну только улыбку королевы любой из собравшихся представителей сильного пола готов был незамедлительно отдать если не жизнь, то состояние наверняка.

А ей страшно хотелось домой, в Москву. Чтобы наконец нашлось время на все то, чем приходилось жертвовать ради этих самых золотых медалей, — на музыку, на театр, который она безумно любит... И еще думалось о том, что когда-нибудь ей не надо будет вскакивать по утрам и мчаться на тренировку в бассейн, где она провела десять лет из своей 19-летней жизни, не надо будет ломать голову над новыми элементами, которыми еще никто не успел удивить зрителей, и над узорами своих русалочьих нарядов, шить которые приходится большей частью по ночам да в самолете. И можно будет наконец-то посвятить себя единственному человеку, который уже сейчас больше других верит в нее и ждет нечастых встреч.

Елена ВАЙЦЕХОВСКАЯ

Фото Ю. Быковского и А. Голованова

В наступившем — олимпийском — году мы открываем на страницах журнала ПАРАД ПОБЕДИТЕЛЕЙ. Спортсменам сейчас живется не проще, чем каждому из нас, и победы спортивные вселяют надежду, что на финише XX века страна наша найдет в себе силы сделать решающий рывок. Публикуемые снимки предоставлены нам новой российской газетой «Спорт экспресс», мгновенно завоевавшей читателей.

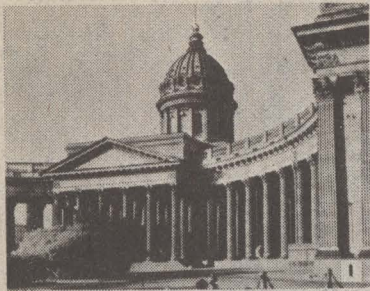
Александр Карелин

Среди нас, тяжеловесов, долгое время было два типа борцов. Громадный, толстый и сухой, поджарый. Они и противоборствовали. И вдруг совершенно внезапно среди борцов классического стиля появился мужик с фигурой культуриста. И фигурой не накачанной, а живая мать-природа. Истинный сибиряк! Я думал, что таких людей у нас уже нет. Самую черную правду мы еще про себя не сказали — русская нация на грани физического вырождения. И появление Карелина для меня как луч света в темном царстве! Значит, жива еще эта мощь и есть надежда на возрождение.

Когда мы летели на Олимпиаду в Сеул, я дал задание Анне Дмитриевой взять интервью у Карелина как знаменосца нашей команды. Она мялась — умеет ли такой громадный человек говорить? А сегодня уже каждый тележурналист знает, что Карелин не только гора мышц, но и умища, чувством юмора обладает.

Я люблю смотреть его поединки. Потому что борец сильный, но глупый, всегда может выкинуть какое-нибудь коленце и проиграть. А Саша Карелин, в какую бы сложную ситуацию ни попал — а на уровне мировых чемпионатов у него есть два-три очень серьезных соперника, — всегда найдет очень красивый выход. Он еще достаточно молод, и я думаю, что он только в начале своей спортивной карьеры. Не сомневаюсь, что в будущем он уйдет в профессиональную борьбу. Все эти кетчи, которые и нам привозят, для меня с каким-то мафиозным подтекстом. Там ставка делается на самые низменные инстинкты публики — ударить, изобразить злодея. Мы теперь знаем, что профессиональный бокс — очень высокого класса бокс, а профессиональная борьба сейчас на десять позиций ниже, чем наша любительская. А у Александра Карелина все есть, чтобы возродить старую русскую профессиональную борьбу, — фактура, ум, сознание собственного достоинства, которое не позволяет валять ваньку.

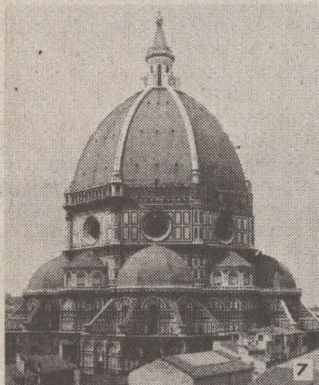
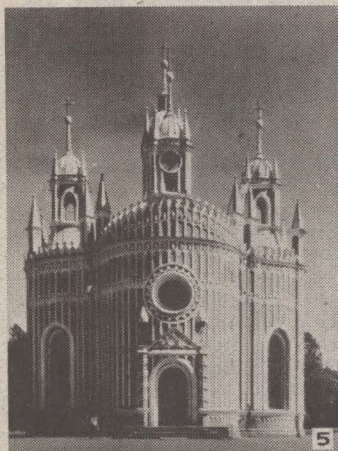
Александр ИВАНИЦКИЙ

РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Альбом. Лист 7.

ДВОЙНИК

Странная, не правда ли, тема для рассказа из жизни ее величества Архитектуры? Откуда в архитектуре двойники? Это скульптор может сделать копию статуи, живописец — повторить картину. А шедевры зодчества, как нас учили, неповторимы... Ой ли?

Вот Михайловская церковь в Одессе — не Невского ли проспекта ветерок задувал вокруг нее? Вот внушительная часовня в Саратове — да ведь мы никогда в Саратове не бывали, а ее как будто знаем с детства? А эти «готические» храмы-близнецы — попробуйте догадаться, который из них выстроен был в столице империи, а какой — в провинциальной тверской глуши? Купол Ивановского монастыря в Москве напомнит о великом творении Филиппо Брунеллески во Флоренции — конечно, тем, кто там был. Два же одинаковых вокзала на концах дороги из Петербурга в Москву могут озадачить: было ли путешествие, если приехал в те же стены?

Так что же, неповторимого нет? К счастью, Архитектура не повторяется. Саратовской часовне не встать вровень с Василием Блаженным, Флоренцию почувствуем мы лишь на миг... Но ведь почувствуем! И как все-таки это заманчиво — обнаружить вдруг кусочек Петербурга у Черного моря, Москвы — на Нижней Волге. Или, если угодно, во Флоренции.

Константин МИХАЙЛОВ

На снимках — архитектурные двойники:

Казанский собор в Петербурге. 1801 — 1811. А. Н. Воронихин (1) и Михайловская церковь в Одессе. 1833 — 1837. Дж. Торичелли. (2).*

Покровский (Василия Блаженного) собор в Москве. 1555 — 1560. (3) и церковь начала XX века в Саратове (4).

Чесменская церковь в Петербурге. 1777 — 1780. Ю. М. Фельтен. (5) и церковь Преображения в селе Красном близ Старицы в тверских краях. 1790. Ю. М. Фельтен. (6).

Купол собора Санта Мария дель Фьоре во Флоренции. 1420 — 1436. Ф. Брунеллески (7) и купол собора Ивановского монастыря в Москве. 1861 — 1878. М. Д. Быковский (8).

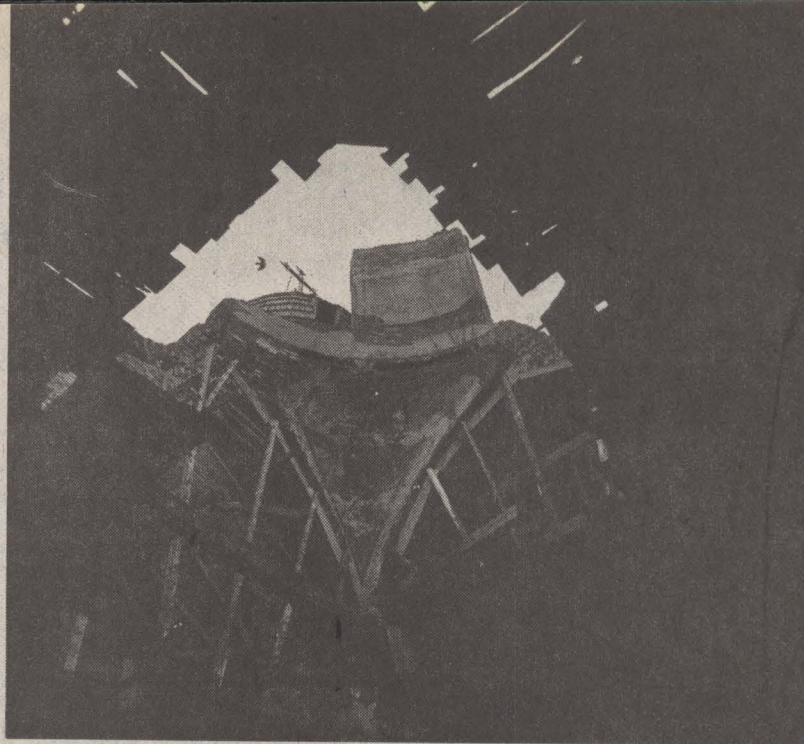
Вокзалы Николаевской железной дороги — Московский в Петербурге (9) и Николаевский в Москве (10). 1851. К. А. Тон.

* Снесена в советское время.

**Галина
АРБАТСКАЯ**

УТОМИТЕЛЬНЫЙ ПАНИН

Оставленная пустынь предо мною...
М. Лермонтов

Шацк. Тихая, милая провинция, где, что бы ни спросил, отвечают так: «Это от светофора налево», «Это от светофора метров пятьсот». Светофор в Шацке один.

— Мал приход,— сказал мне батюшка шацкой церкви,— но ничего. Бог даст, пойдут в церковь люди. Мы еще один храм в Шацке восстанавливаем.

Потом я спросила его о Панине.

Батюшка уверенно назвал цифру, истраченную Паниным на реставрацию монастыря в Старом Чернееве,— полтора миллиона и утверждал: сделать Панин там ничего не сделал, а деньги потратил на гулянки у реки.

— Панин? Да он же склочник, а журналисты, что пишут о нем,— он их нанял или пишет за них сам,— опять же уверенно выдала мне информацию симпатичная дама-педагог, соседка по гостиничному номеру.

Ну вот я, «нанятая», тряусь в автобусе по нелепой дороге в село Желанное к своему герою.

Крепкий, моложавый мужчина (по деревенским меркам 64 — старик, а здесь поди ж ты) Николай Илларионович Панин. Он же — директор сельского школьного музея. Он же — директор (теперь уже бывший) желанновской школы. Он же — отличник народного образования, заслуженный работник культуры РСФСР, удостоенный многих дипломов и почетной медали ВДНХ. Он же — кандидат филологических наук (кандидат — в селе!). В 1965 году «Юность» писала об учителе Панине, он уже тогда «выпадал» из серого потока российского школьного бытия. Никто не хочет гнуть спину на совхозной и своей домашней барщине, в старости радоваться пайку (или пайке?) и помогать детям. Сия перспектива светит не только рядовым «сельхозработам»: нынешний директор, Сергей Александрович Паненков (ему 30, директорствует с 25-ти), летом встает в четыре утра, дабы успеть что-то сделать по хозяйству, в пять он уже на разнарядке, по темноте — домой, два директорских пацана папу видят только спящим, а у папы нервы все тоньше — кому ж нужна такая жизнь.

Перспективы, однако ж, у ребят из Желанного с каждым годом все больше стремятся к нулю. Опять же из-за Панина: с его уходом что-то пошатнулось в отлаженном им за почти три десятилетия школьном бытии.

В пору молодости у Панина не было и такой школы.

Как, каким чудом через вязкое болото деревенского тяжелого быта, в котором топили и вязли одаренные сельские мальчики, выбился он — пять лет промахавший кувалдой в деревенской кузне за палочки («Кувалдой машешь, сердце бьется, чувствуешь, что жив», — радуется, вспоминая то время)?

Панин — одно из чудес социализма. А каждое чудо несет в себе тайну безотносительно эпохи.

...Пацаном он стоял на обочине дороги и ждал, когда с проезжающих машин ему бросят картошку, картошку ту пэтэушная пацанва пекла в костре — смотреть на нее потом, в сытое время, не мог. В войну он стоял у станка на подставке и вкалывал по восемнадцать часов в сутки, раскаленная стружка сыпалась в глаза, глаза воспалялись. Вернее, один глаз — одноглазым Николай стал в детстве. Чтобы сохранить зрение, он «ушел в культуру» — стал методистом Дома культуры. И начал учиться в школе рабочей молодежи. Ученик был еще тот. Математики не знал абсолютно, мудрый старый учитель отсчитывал ему по 20 страниц учебника пятого класса, велел читать и пересказывать. Он читал и все понимал. Школу окончил с серебряной медалью — единственный, должно быть, медалист за всю школьную историю.

По русскому языку его «подтягивала» молодая (моложе ученика) учительница Александра Федоровна. Ученик ее провожал после занятий... Сказать, что то была любовь — значит, не сказать ничего.

Весь дом Панина, все хлопоты и картофельно-огородная страда — и поныне на Александре Федоровне. Заболеет она, но через «не могу» встает и работает. Так было всегда. Николай же учился, потом работал, занимался тем, что ему дорого.

Панины в Желанном — пришлые. Как оторваться от села, где все — твои ученики и дети твоих учеников, где твой родник, построенная тобой школа, твой музей? Паниным предстоит переезд то ли в новый дом, то ли на пенсильвер.

...Панин открывает мне двери музея (при нем уроки по истории, географии, природоведению и т. д. проводили в музее, музей и школа мыслились единством). Он ждет одобрения, как ребенок, он знает, что я буду восхищаться. Не в каждом городе есть такой музей с прекрасными отделами этнографии, геоэтнографии, геологии, с собранием живописи (все — подлинники). В этом музее есть душа.

Музей строило все село. Это село-то, где любой, не огородный, не по хозяйству, труд считается баловством! Спросите у любого желанновского жителя, как он относится к тому, чтобы музей перенести в Шацк (такая идея витает в головах шацкого начальства). Вам ответят...

Отберите у Панина музей — Панина не станет.

Когда-то отец Николая Илларионовича был активистом, раскулачивал местных «богатеи». Сын по стопам отца не пошел, но всю жизнь работал на общество, даровая работа его очень любила (за директорство музеем он, как совместитель, получал два десятка лет целых 60 рублей). Сегодня «раскулачивают» Панина-младшего, отгоняя его от богатства, созданного им отнюдь не для себя.

В подсобном музейном помещении лежат две деревянные фигуры Христа. Одного Панин отобрал у деревенских пацанов, которые распяли его на столбе, а второго... Со вторым была история. Лет двадцать назад Панин выпросил-таки Христа у пасечника (тот держал фигурку на пчельнике). На

панинском мотоцикле сидели сам Николай Илларионович и спутник его и приятель — бородатый москвич. Выхода не было, кроме как совершать кощунство: Христа привязали к спине бородатого москвича, так ехали по селу, и Панин пел во всю глотку: «Миром Господу помолимся!..»

В 1985 году тот бородатый друг стал «особо опасным государственным преступником». Звали его Львом Михайловичем Тимофеевым. Книжка, которую он написал и за которую его посадили, — очерк «Технология «черного рынка», или Крестьянское искусство голодать», вся «списана» с бытия села Желанного. Тогда, в 85-м, гэбист дал Николаю Илларионовичу рукопись на полчасика для просмотра, вероятно, для того, чтобы Панин проникся пониманием антисоветскости содержания. Панин не проникся и на суде, к досаде судящих, о Тимофееве ничего сказать не хотел, кроме того, что тот прекрасный семьянин и человек.

...Моя обаятельная и умная коллега из Шацка доказывала мне, что музей Панин создал для себя. Не буду с ней спорить, она отчасти права — музей остался единственным местом его работы. Три года назад его упростили стать директором школы в соседнем селе Старое Чернеево, а недавно упростили «уйти на заслуженный отдых», а если быть честнее, уволили. Панин организовал «бунт». Школу надо было ремонтировать, «пробить» ремонт он не мог, и тогда 1 сентября занятия в школе не начались. Школу-таки отремонтировали. Три года продиректорствовал Панин в Старом Чернееве, наезжая сюда из Желанного, и все собираясь и достраивая здесь свой дом, перебраться насовсем.

...В Старом Чернееве я иду мимо греющихся на солнышке старушек. Одна из них, божий одуванчик со скрюченными ножками и ручками (в Желанном мне с восхищением рассказывали о передовой доярке: «Безотказная: болеет, за живот схватится, но полные ведра несет — все бы так»). Эта бабулька была когда-то такой же, все жилы рвущей дояркой...), оказалась на диво любознательной: «А мужик есть? А дети? А где живешь?» Бабулька каждый день благодарит Бога: «Утром помолюся, в обед помолюся, вечером помолюся».

— Муж в войну в каком году погиб, бабушка?

— Да не помню, в каком году...

Вечером я иду в гости к другой старушке. К бабе Куле. Ей весьма за восемьдесят, она слегка помнит допереворотное детство. Баба Куля слушает радио и грозит ему пальцем: «Ты, Горбачев, хозяин, ты должен порядок навести!»

— Мама, это же не телефон, — говорит ей в который уж раз дочь.

— Все равно он слышит, — убеждена баба Куля (прощает-ся со мной она так: «Спаси, Господь, тебя от пьяницы»).

Над бабой Кулей, над старочернеевским изработавшимся старичьем, над добротными, под жуть, крышами, под которыми есть достаток, взлетают в небо купола панинского монастыря.

У Никольского монастыря есть, разумеется, история. Основан на Шацкой засеке в 1573 году как приют для увечных в боях казаков. По преданию, Степан Разин, возвратившись из первого своего похода, зиму пересидел в монастыре. Здесь находил временное прибежище просветитель XVII века Сильвестр Медведев.

20 лет Панин для этого монастыря — пробивала, доставала и все-что-хотите на общественных началах. Как-то пьяный вдрабадан работяга, которого Панин начал стыдить, взрепелся: «А ты кто такой, чтобы мне указывать?» «И правда, — подумал Панин, — кто я такой — частный детектив?» Однако ж педагогический подход к тому работяге нашел — пообещал посадить за воровство (никого за сие обыденное на селе деяние не сажали, но если Панин пообещал...) Через три дня пропойца с монастырских работ сдуло.

На реставрацию им потрачено около полумиллиона рублей. За двадцать лет. Эти деньги им же и «выбиты» где только можно. Кому тот монастырь был нужен, да еще 20 лет назад... Панин добился, чтобы монастырь поставили на баланс желанновского музея. Планы у него, как всегда, рождались грандиозные: перенести желанновский музей в монастырь, открыть картинную галерею. Привезти уникальную деревянную мельницу из села Конобеева да деревянную церквушку из своего района.

Планы рухнули, как рушится сейчас монастырь: два года, как прикрыли здесь все работы.

Я брожу по монастырю. Сияют золотом летящие кресты, заглядывая в бывший винный погреб (сколько мусора и стекла вынесено отсюда прежде, чем настелить бетонные плиты, из «сокровищ» найдена одна целая бутылка, ее кто-то прихватил на память), любуюсь оставшейся росписью. А ко-

локольня без колоколов падает, падает, ей уже не взлететь — в ней давно совхозная водонапорная башня, вода сделала свое дело (Панин достал для хозяйства новую стандартную водонапорную башню, установил, да все недосуг, видно, совхозу ее до ума довести).

В разную погоду монастырь разный. От него исходят сияние и музыка. Панин называет сие «говорящей архитектурой».

— Красота какая рушится, и спасти не могу. — Он стоит на крыльце своего почти построенного дома и смотрит на купола.

Энтузиазм по природе своей созидателен, утверждает Панин. Энтузиазм бескорыстен. Но в бескорыстие, оказывается, невозможно заставить поверить и за 20 лет.

— Есть у меня хороший знакомый, — рассказывает Панин, — всегда сердечно разговаривали, а тут, чувствую, словно кошка меж нами пробежала. Потом он мне как-то и говорит: «Я слышал, ты в монастыре золотишко таянул».

Панин смеется, но как-то невесело.

...Я сижу в Рязанском епархиальном правлении. Владыка прихварывает, но духом силен, по-прежнему доброта и мудрость в глазах его. Я пытаюсь понять, почему делающий доброе дело Панин стал неугоден и церкви?

— Мы хотим взять из монастырского комплекса одну Казанскую церковь для нужд верующих. Панин же против, он говорит, что нужно брать весь монастырь. Но нам это не по силам, денег нет. Мы тоже ломали голову, что делать. Думали открыть филиал Вышинского монастыря, но там и так всего шесть монахинь. Склады сделать — далеко, дорога неказиста.

Когда-то Панин ослушался Владыку: не давал сделать алтарь, захоронить мощи в реставрируемой церкви. Он, человек без веры, видел перед собой иные цели. Владыка, подумалось мне, и сегодня боится, что богоугодное дело (восстановление монастыря) в руках неверующего добра не принесет. Все тот же спор, что важнее восстанавливать — «дух» или «стены»...

А Панин — не у дел. Рушатся его душа, его мир без любимого дела, как рушится монастырь, который лучше, чем Панин, не знает сегодня никто...

— Это будет преступление, если не возьмем монастырь, надо что-то делать, — говорит мне, прощаясь, Владыка.

А с Паниным что делать?

...Директор совхоза в Старом Чернееве Владимир Дмитриевич Храмовичев отрекомендовался мне так:

— Я не директор совхоза, я директор дома престарелых. Из тысячи человек в селе триста работают, остальные старики и дети. У директора свои заботы.

И все же власть еще есть — в глубинке не совсем скоры перемены, ее хватит на поступок нравственный — дать Панину спокойно жить и работать.

Впрочем, о чем это я? Дай Панину заниматься любимым делом, он никому спокойно жить не даст. Панины жили во все времена, и во все времена у них пытались отобрать главное — их дело, их душу...

Когда-то любимой поговоркой Панина была: «Не создавай проблем». Он был уверен, что все преодолест. Смутные времена перестройки он не преодолел.

...Мы считаем с Паниным, сколько им построено и восстановлено: музей, монастырь, школа, мастерские, спортзал, отремонтирована еще одна школа, пять квартир для учителей, построен и свой дом — целая деревня. Панин, как ребенок, ждет похвалы. Подтверждения, что он еще молодец, он еще нужен. Если суждено прожить еще 10 лет, рассуждает он, он напишет пять монографий, успеет сделать много чего.

Мне кажется, он сам себя убеждает в реальности этих планов.

Я смотрю на согнутые плечи Александры Федоровны, с кротостью истинной христианской души переносящей удары, — она изо всех сил старается больше не плакать.

Рязанская область

Дайджест

ЧЕМ ЖИЛИ НАШИ ПРА-ПРА?

Павел Николаевич Хмеляр, крымский журналист с 40-летним стажем работы, начал собирать газеты и журналы давно, сам уже не помнит, когда именно. Сейчас ему 63 года. В его личном домашнем архиве около миллиона газет на русском, украинском, венгерском, польском языках и десятки тысяч различных журналов.

«Огонек» начала века, дософроновский и тем паче докоротичевский — что может быть интереснее?

Вот вы знаете, что, к примеру, предлагалось модницам в марте 1906 года? Чадра, вошедшая в моду той зимой среди лыжниц. Раскрепощенная турецкая женщина стремилась принять вполне европейский вид, а западные модницы, по видимому, только и думали, как отутюжиться.

А попытка (1906 г.) ввести шаровары для дам закончилась печально: Гонимые со всех сторон смелые новаторши должны были снова надеть юбки.

Для элегантной женской ножки оказались очень тяжелы гетры из замши и материи. Поэтому английские сапожники стали делать гетры для дамской обуви из драгоценных кружев. Новые гетры очень легки, но безумно дороги и очень непрактичны. Однако новая мода все равно приводит дам в восторг.

Другая новинка в области моды — возвращение к оставленным было французским каблукам, высота которых в 1908-м достигала аж 12 см.

А вот несколько театральных новостей того времени.

В январе 1914 года в императорском Эрмитажном театре прошла премьера драмы К. Р. «Царь Иудейский», которая произвела неизгладимое впечатление на всех зрителей. Вот что писал об этом событии рецензент «Огонька»:

«Глубокая и искренняя вера водила пером Августейшего автора драмы. Это неотрицаемо и дает всей трагедии ноту искренности, всецело подкупающей зрителя. Спокойная и ровная передача евангельской истории от Иисуса прорывается в некоторых местах пафосом нелицемерной скорби и на-

стоящей молитвы. Тогда белый стих уступает место рифмованным ариям. И четыре молитвы во втором акте — одно из лучших по поэтичности мест драматической поэмы».

Накануне войны, в 1914 году, издателя «Огонька» очень заинтересовала и тема «трезвости и культуры». Помимо разнообразной рекламы антиалкогольных лекарств и микстур от запоев, приведены очень любопытные и поучительные факты самого различного характера. «У проповедника трезвости Ивана Чурикова в Обухове». «До Обухова из Петербурга 20 мин. езды по железной дороге. По понедельникам (когда бывает прием у «братца») по Обухову движутся тысячные толпы страждущих. Собеседования Ив. Чурикова с трезвенниками запрещены. Огромный зал, где раньше собиралось около 3 тыс. человек, закрыт. Трезвенники длинной вереницей терпеливо ждут очереди, когда их пропустят к двери, ведущей в квартиру «братца». Но и дверь квартиры закрыта на цепь. Только через узкую щель жаждущие исцеления или совета подают теперь маленькие записочки, которые брат Иоанн прочитывает в своем кабинете и устный ответ передает через своих приближенных. От пьянства он дает три кусочка сахара, завернутые в листок, изданный местным православным миссионерским обществом и порицающим пьянство и курение табака, от всех болезней — лампадное масло и против курения — кусочек ладана.

— Бог делает добро людям и помогает, а я только молюсь за них. Ну а сахар, ладан и елей я раздаю им потому, что людям всегда нужно что-нибудь осязаемое.

Иван Чуриков производит впечатление бесхитростного, простого, но искренне верующего человека. Так сообщает нам корреспондент «Огонька».

Мы подошли к самому интересному. Предлагаю вашему вниманию самую настоящую криминальную хронику.

Социально опасная жена старшего дворника по Колокольной улице в Петербурге Дарья Смирнова еще в 1901 году объявила себя «богородицей», ниспосланной для объявления новой истины человечеству и проповеди спасения. Ловкая женщина создала вокруг себя целую общину сектантов и выманивала у обращенных крупные суммы денег и ценные вещи. Проживая на Охте, Дарья Смирнова была известна местному населению как «Охтинская богородица». Целая армия «святых» и «апостолов» окружала ее, поддерживая благоговение к ней новообращенных и охраняя ее от взоров администрации. Особым почетом и близостью к «богородице» пользовался кр. Виноградов, известный под именем «Семеона богоприимца». Дело Смирновой слушалось в окружном суде 7 марта 1914 года.

Екатерина КРАВЧЕНКО

Дмитрий ФИЛАТОВ

☆☆☆

— Ой, братишки, бабы, ребятишки,
где же наша ЭТА?

— Наша ЭТА все того же цвета —
вот где наша ЭТА!

— Ой, братишки, бабы, ребятишки,
где же наши ЭТИ?

— Наши ЭТИ лучше всех на свете —
вот где наши ЭТИ!

— Ой, братишки, бабы, ребятишки,
где же наше ЭТО?

— Наше ЭТО, как обычно, где-то —
вот где наше ЭТО!

— Ой, братишки, бабы, ребятишки,
так на что нам ЭДАК?

— А нам ЭДАК надо напоследок —
вот на что нам ЭДАК!

☆☆☆

Гражданское мужество —
это
на самой высокой трибуне,

на той деревяшке,
куда возлагается речь,
рушник раскатать вышиванный,
стакан и кулечек извлечь,
чуть передохнуть
и глотнуть налетевшие слюны,

из тайной полы пиджака,
потянув за шнурок,
достать
светлой памяти этой земли
златоустов
графинчик
по шустрой коньячной фамилии
Шустов
и пальцем промять
с астраханской вязигой пирог,

проворнее черта,
какой надоумил залезть,
да Господа Бога моля
не смахнуть, не раскокать,
налить над гербом
выше края,
поставить на локоть
и брякнуть:
— Сударыня, ваши здоровье
и честь!

ОБЪЕДИНЕНИЕ "МММ" -

**КРУПНЕЙШИЙ ПОСТАВЩИК КОМПЬЮТЕРОВ, ОРГТЕХНИКИ И ТОВАРОВ
ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ**

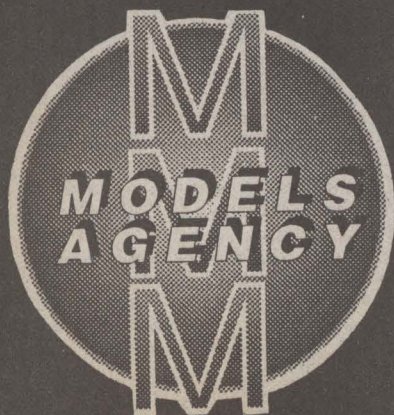
**ОТКРЫВАЕТ ШКОЛУ ФОТОМОДЕЛЕЙ И
МАНЕКЕНЩИЦ "МММ" - "MODEL AGENCY"**

**Вы красивы. Почему бы Вам не стать счастливой?
Если Вы молоды, стройны, обаятельны (возраст от 16 до 23
лет, рост от 176 до 180 см), мы ждем Вас.**

**Напряженная учеба.
Постоянный тренинг.
Строжайшая диета.**

НО!!!

**ВЫ УВИДИТЕ МИР,
А МИР УВИДИТ ВАС!**

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

ГРАНЬ С ГРАНЬЮ — НЕ ВРАГИ

Два недавних сборника стихотворений, у которых буквально ничего общего, кроме одного, чисто внешнего признака — оба изданы «за свой счет». Пришлось авторам так поступить, чтобы наконец выйти к читателям после длительной полосы умолчаний. Позиции поэтов прямо противоположны, тем и интересны они в своем соседстве. В самый раз поразмышлять о плодотворности «несовместимых» направлений.

Можно ли создать нечто значительное, свежее, следуя канонам стихотворной традиции? И можно ли построить другую поэтику, отбрасывая, как бы отрицая достижения классической художественности? Возможно ли сосуществование столь разных творческих установок?

В прежние годы школьникам и студентам вбивали в головы, что только официально апробированный реализм является основой здорового искусства. Теперь как реакция на вчерашнюю одномерность провозглашаются «поминки по советской литературе», и да здравствует исключительно постмодернизм!

Давайте же непредвзято прочтем эти две книжки и посмотрим — исключают ли они друг друга.

1.

Не в Москве, не в Ленинграде, а где-то в Харькове возрос и вырос большой русский поэт. Вдали от наших столичных страстей, от шумных критических битв мощным гулом и серебряными звонами зазвучал его «Колокол» (изд. «Известия», 1989), и все оглянулись и увидели. Теперь знают и не забудут. Борис Чичибабин.

Правда, его первая книжка вышла в 1963 году («Мороз и солнце». Харьковское книжное издательство), она не привлекла к себе внимания критики и так называемого «широкого читателя». Но я запомнил Бориса Чичибабина, несколько его стихотворений поразили меня, и я стал следить за его редкими публикациями. Как было не почувствовать незаурядного поэта хотя бы по таким строкам:

Нет, ты мне не жена.
Я слово слаще знаю.
Ты вся, как тишина,—
телесная, лесная...
О музыка и зной
тех слов, что ты мне шепчешь
пастушкой ночной
поступков сумасшедших!..

Потом его имя исчезло со страниц печати. Он при разгроме «Нового мира» вступились за Твардовского, его исключили из Союза писателей. К его прошлым годам репрессированного прибавилось диссидентство. Борис Чичибабин бедствовал, зарабатывал себе на жизнь в трамвайном депо. Казалось, он вышиблен из литературы навсегда. Но это постоянная и самая провальная ошибка гонителей — отверженные становились тверже, значительней, и им принадлежал завтрашний день. Так через долгие годы вернулся к нам Чичибабин. Как вернулись Липкин, Лиснянская, Владимир Корнилов. Как вернулись и «зарубежные» Иосиф Бродский, Коржавин, Кулешовский. И погибший Галич...

И вот я отыскал теперь ту первую книжку Бориса Чичибабина, нашел в ней поразившие меня стихи — они не потускнели от времени, ибо не были рукотворными, а живыми созданиями. Но вот что удивительно. Оказалось, в том сборничке было немало и дежурных поделок. Опасность конформизма, пусть в самой малой степени, подстерегала и его. Слава Богу, он быстро пришел в себя и, не обольщаясь удачным дебютом, судил себя строго, с той беспощадностью, которая предвещает второе рождение:

Я сам себе раститель и злодей,
и стыд, и боль как должное приемлю...

Это написано всего через четыре года после выхода первой книжки, в 1967 году. Поэт продолжал казнить себя: «Во сне

вину мою несу и — сам отступник и злодей — безлистным деревом в лесу жалею и боюсь людей». И еще: «Как страшно спать под мертвой кровлей, а не под ласковой листвою и жить не мудростью людской, а счастьем суетною ловлей». И, наконец, в 1968 году — предел безысходности, отчаяние, тупик:

Сними с меня усталость, мать Смерть...
Я так устал. Мне стало все равно.
Ко мне всего на три часа из суток
приходит сон, томитель и чутко,
и в сон желанье смерти вселено...

И как раз тогда, когда вроде бы и сил не осталось, приходит прозрение и мужество. Поэт находит себя, порывая с современной ему ложью, присягая Пушкину и Лермонтову, Блоку и Пастернаку, Мандельштаму и Цветаевой. С виду потерпевший поражение, отовсюду изгнанный, одинокий, он обретает высоких и верных друзей, сам клянется им в верности. Так, дорогой ценой оплаченная, восстанавливается преемственность истинного поэтического призвания:

Я выменял память о дате и годе
на зов в поднебесной листве.
Не дяди и тети, а Данте и Гете
со мной в непробудном родстве.

О Чичибабине хочется сказать многое. Но больше всего хочется читать вслух его стихотворения — не смыслом одним жив поэт, а и музыкой слова. В только что приведенных строках как не отметить «усиление» смысла тонко подобранным звуком: дате — годе, дяди — тети, Данте — Гете. Такая внутренняя прорифмовка характерна для Чичибабина с первых шагов — таковы и процитированные вначале строки о любимой: «телесная, лесная», «пастушкой ночной», «поступков сумасшедших».

Он действительно мастер. Созревший вдалеке, в тиши, в тени. Но для общения с Пушкиным и Данте обязательно ли жить в столице, вариться в современном литературном котле?

Чичибабин — горький урок для тех талантливых поэтов, которые смолodu соблазнились связями, чинами, постами, премиями.

Но не только гении прошлого помогли Чичибабину выстоять. Не только они были поводырями. Еще честь и слава женщине, полюбившей поэта и любимой им! В наши дни, когда любовная лирика не в моде, Чичибабин, как Петрарка, посвящает любимой прекрасные сонеты. И прямо указывает на ее значение в его судьбе:

Страх духом стал. Ложь подменила воздух.
В такой-то век я встретился с тобой.

Это в первом сонете. А в восемнадцатом:

...но счастлив тем, что в рушащемся мире
тебя нашел — и душу сохранил.

Любовь к женщине, любовь к родине сливаются, как в небесном куполе, с обретенной высокой духовностью, с тем религиозным чувством, без которого человек выпадает из Вселенной и из Вечности. Красота женской любви, красота русской природы, красота горного Духа — в едином выдохе:

Все, что мечтала услышать душа
в всплеске колодезного,
вылилось в возгласе: «Как хороша
церковь в Коломенском!»

И мысли о смерти — совсем иные, чем прежде. Смерть уже не перечеркивание постылой жизни, а мудрая печаль и просветление:

...грустно, любимая. Скоро конец
мукам и поискам.
Примем с отрадою тихий венец —
церковь в Коломенском.

Из своего вынужденного отшельничества Чичибабин врывается в нашу современность, во всех болевых точках оказывается вездесущим, напряженные струны его лиры отзываются любовью и к Армении, и к Эстонии, и к Литве, поэт посвящает стихи и Галичу, и Солженицыну, и Твардовскому — мысли, образы, обобщения пересыпаны конкретикой — именами, реалиями, названиями мест. Как не отметить в этом ряду и «Кишиневскую балладу», где много красок, деталей, ассоциаций, где «первобрага надменной латыни в перебранке базарной слышна»? Полнозвучно, опутимо, зримо написал поэт о Кишиневе. Ярче и свежее, чем десятки местных русских поэтов. Да и молдавских, пусть не обижаясь (они, как правило, видят родину в облике села, а не города!).

Поговорить бы еще о поэзии, да время такое, что, по

словам Чичибабина, требует нас к ответу: «Решай скорее, кто ты, на чьей ты стороне». Об этом, о сегодняшнем, о самой его гражданской сути поэт говорит, прямо глядя читателю в глаза (и в голову не приходит назвать эти стихи риторическими):

Ни смысла и ни лада,
и дни — как решето,
но что-то делать надо,
хоть неизвестно что...
Давайте что-то делать,
чтоб духу не пропасть,
чтоб не глумилась челядь
и не кичилась власть...
Пусть наша плоть недужна
и безысходна тьма,
но что-то делать нужно,
чтоб не сойти с ума.

Теперь мы без него не можем обойтись. Он нам нужен. Через него пробивается нужное нам Слово. Такое чувство — верный признак появления значительного поэта.

2.

...А Константин Кедров утвердил свой суверенитет, когда о нем наши народные витии еще и не помышляли. Период застоя полновластно держался на кремлевских старцах, а поэт уже умудрился открыть внутреннюю свободу, и она оказалась никак не меньше всего окружающего мира. Он открыл для себя тайну внутреннего и внешнего, слова и события, переходящего и вечного — открыл формулу их мерцающего единства. Он взял и выскочил из трехмерного пространства вкупе с четвертой координатой, именуемой временем, научился свободно перемещаться сквозь все системы мироздания по оси изнутри-извне. Замкнутому миру индивидуальной поэзии он предпочел разомкнутый: не перчатку поэзии по руке стихотворца, а вывернутую — по мерке космоса.

Я не берусь провести границу (границы-то Кедров не жалуется) между его взлетами, прозрениями, прорисованиями и самообождениями, зашкаливанием, ловлей словесного кайфа. Главное в нем — заразительная воля, отмена опор; он в океанической толще культуры чувствует себя как рыба в воде, более того, летучей рыбой легко пересекает границу сред.

Константин Кедров больше себя самого. В стихах ли, статьях или лекциях он прежде всего дарит щедрые россыпи свободы, негаданных взаимоотражений, становясь в чем-то похожим на Велемира Хлебникова, добывавшего золотосную руду для будущих ювелиров. Есть творческие личности феноменального свойства. Мне кажется, К. Кедров гораздо сильнее воздействует на молодое поколение поэтов, чем на читателей. Критики же просто в отпаде — в их арсенале нет нужного критерия: тут нечто безмерное и чрезмерное. Недаром его яркая вызывающая книга «Поэтический космос» (1989), которую невозможно не заметить, была тем не менее встречена дружным молчанием как левых, так и правых. Словно Дон Кихот прошел между двух враждующих станов, прошел, не глядя по сторонам, устремив очарованный взор к звездам, одному ему видимым среди бела дня.

Константин Кедров в конце семидесятых годов был в литературе одним из возбудителей духовного раскрепощения, был, между прочим, использован и как трамплин — от него «оттолкнулись» Парщикова, Еременко со товарищи, они взлетели на страницы печати раньше своего инспиратора. Поэтому, к моей радости, в связи с выходом «Компьютера любви» — сборника избранных стихотворений и поэм Константина Кедрова¹, примешивается и привкус горечи: этот «поезд» пришел с опозданием, публика на перроне успела пресытиться негадными встречами, и вдобавок ее внимание отвлечено тревогой, выкриками митингующих, требующих отставки правительства. В обществе состоялся прорыв к политической свободе слова, но при этом — увы! — оно оказалось неподготовленным к художественному плюрализму: неудивительно, что на смену стихам за Сталина пришли стихи против, но как прикажете понять: «пространство — это развернутый конь, кошки — это коты пространства», а «человек — это изнанка неба, небо — это изнанка человека» и т.п.? Что это? Досужие забавы или «словесные приключения» по выражению Набокова? Возврат к «пощечине общественному вкусу»?

Что ж, не грех и вспомнить футуристов, особенно знамени-

того будетлянина, председателя Земного шара, антиклассика и бомжа русской словесности, распахнувшего невиданные горизонты, словно первый вырвался в космос на ракете, еще лежавшей в чертежах Циолковского. Истинные ценности искусства, конечно, нетленны, но его жизнь не может продолжаться без обновления, без жажды нового чуда и волшебства.

Сколько б ни было «перехлестов» у Константина Кедрова (а он порой и нарочно эпатирует), а янтарь на берегу — вот он! Сказавший «никогда не приближусь к тебе ближе, чем цветок приближается к солнцу», — это поэт, ибо только поэт может открыть образ и уничтожить астрономическое расстояние между цветком и солнцем. Я убежден, что только поэт может написать: «государственная граница лежит внутри... между правым бедром и левым легким», «пришла щека отдельно от поцелуя, пришел поцелуй отдельно от губ», «ястреб действует как лекало — он выкраивает все небо, я выкраиваю все время...».

Казнь и казна — это два необъятных царства
это особое свойство времени именуемое «необратимость»...

Если казни не будет —

есть дисциплина

ибо без дисциплины казни невозможна

хотя дисциплина — казнь.

Пусть повышает поэт производство грусти
заповедь стали — крепить дисциплину казни.

Так разрастается всемирная казнь

дисциплинированная размеренная

окрашенная как гроб в маренго

и косящая вбок...

Так Полежаев и Тарас Шевченко

два товарища два солдата

отслужили службу времени

и улизнули в вечность.

Вечность это

недисциплинированное время.

(«Казнь», 1983)

На наших глазах рухнул чудовищный рационализм, тот, о котором писалось в день похорон Маяковского: «Покойный был певцом революционной РАЦИОНАЛЬНОСТИ. Похороним его как материалиста, как диалектика, как марксиста... Разольем его память, как чугун, по чашкам пролетарских сердец и черепных коробок».

А как быть со стрекозой? Константин Кедров почувствовал Маяковского ИНАЧЕ, увидел поэта, готового сшить себе желтую кофту из трех аршин заката.

Квитанция, которую я получил, —
подыхает закатом,

— пишет К. Кедров в стихотворении «ДООС», там, где сказано, что «неостановленная кровь обратно не принимается». Но что такое ДООС? Пожалуйста, запомните: Добровольное Общество Охраны Стрекоз.

Я не хочу чугуна по чашкам сердец. Я от него бесконечно устал. Пусть стрекочут стрекозы с глазами инопланетян.

Конечно, прежде всего нужен талант. А уж он бесплодным быть не может. Даже если поэт не туда пошел или думает, что ошибся, — все равно он поэт. Разве можно, скажем, верить Есенину, когда он в пору мучительных сомнений восклицает:

Какой скандал! Какой большой скандал!

Я очутился в узком промежутке.

Ведь я мог дать не то, что дал,

Что мне давалось ради шутки...

Чичибабин и Кедров... Они не мешают друг другу, хотя несопоставимы и несоизмеримы, как радиус и окружность. Первый еще раз целиком и полностью доказал, что «сладостный стиль классический» (выражение Никиты Станеску) неисчерпаем. А второй лишним раз подтвердил необходимость и возможность прорыва в иные сферы художественного познания («процент» удач здесь много меньше, стихи зачастую действительно становятся текстами — это плата за риск).

Не знаю, как вам, читатели, а мне нужна биполярность поэзии — мир от этого становится смелее, объемнее в своем «прекрасном и яростном» утверждении-отрицании.

¹ Издательство «Художественная литература», 1990.

Лион ИЗМАЙЛОВ

РАССКАЗЫ О ВОЖДЯХ

Плюс

коллективизация

Однажды грузин Сталин поручил еврею Кагановичу проводить коллективизацию в русском селе.

Каганович пригорюнился и пошел советоваться с братом. Брат Кагановича сказал:

— Лазарь, зачем тебе это нужно? Ты в сельском хозяйстве ничего не понимаешь, тем более ты еврей, а должен заниматься этим в русском селе. Лучше займись метро, это под землей, и никто не видит, что ты там делаешь.

Тут Лазарь вспыхнул и начал кричать на брата:

— Я не еврей, это вы все евреи, а меня куда партия послала, там я и буду. Пошлет в Киргизию — буду киргизом. А если пошлет в Палестину, тогда буду евреем. Учти, — кричал он брату, — я от тебя откажусь.

— Лазарь, — сказал брат, — ты же был хорошим сапожником, а должен теперь заниматься не своим делом. Представь себе, Лазарь, если бы Ленин шил сапоги, ну разве он смог бы сшить такие сапоги? — И брат показал Лазарю свою ногу, одетую в изящный сапог.

Лазарь собственноручно снял с ноги брата сапог, долго его щупал, нюхал и даже пробовал на зуб.

— Хороший сапог, — сказал он наконец, — кто его сделал?

— Ты, — закричал брат, — ты его создал еще до революции, и я этот сапог с гордостью ношу до сих пор.

Лазарь Моисеевич действительно был приличным сапожником. И любил это дело настолько, что, даже будучи наркомом, всегда сам себе чинил обувь и любого, с кем встречался впервые, начинал рассматривать с обуви. Он не собирался никогда становиться революционером. Но вот революция позвала его в строй, и он бросил все: семью, местечко и даже блестящую карьеру сапожника. А ведь со временем он мог занять свою сапожную мастерскую. А его в наркомы потянуло.

Грянула революция, и что-то проснулось в душе Лазаря такое, что он,

бросив все, пошел вперед к победе коммунизма.

Занимался первые годы после революции обычной большевистской работой: интриговал, спланировал, вел за собой, расстреливал. И справлялся с этим довольно неплохо. У него даже какой-то талант появился организационный. Мало кто мог так уметь дать отпор или, допустим, организовать аресты и расстрелы. Ну, может быть, Дзержинский и еще пар тройка большевиков. Но они были плохими революционерами, не поняли вовремя, за кем надо идти, а Лазарь понял, он шел за всеми сразу, пока наконец не выбрал настоящий революционный путь, проложенный верным ленинцем. И вот теперь Сталин вызвал его к себе и сказал:

— Лазарь, ты знаешь, я не антисемит, у меня даже есть один друг — еврей.

— Ну, конечно, Иосиф Виссарионович.

— Но, — продолжал Сталин, — ты, конечно, не можешь не знать, что при этом евреев я не люблю.

— А за что их любить, товарищ Сталин! — закричал Каганович. — Я сам их терпеть не могу.

— Постой, — сказал Сталин, — да ты ведь, кажется, и сам еврей.

— Нет, товарищ Сталин, это не так.

— Постой, — говорит Сталин. — Отец у тебя кто?

— Еврей.

— Мать кто?

— Еврейка.

— А ты кто?

— А я коммунист! — гордо сказал Каганович.

— Ай, молодец, — сказал Сталин, — настоящий интернационалист. Но ты, — продолжал Сталин, — можно сказать, безродный космополит.

Каганович университетов не кончал и не знал, что это такое, безродный космополит. Поэтому ответил:

— Я, товарищ Сталин, коммунист, преданный делу Сталина.

— А как ты думаешь, — сказал Сталин, — Ленин был еврей?

— Нет, товарищ Сталин, не мог основоположник нашего пролетарского государства оказаться евреем.

— То-то же, смотри у меня, — сказал Сталин.

— Он же наш вождь и отец, — осторожно добавил Каганович.

— Отец народов? — насторожился Сталин.

— Нет, товарищ Сталин, отец народов у нас один — это вы, а Ленин он хоть и отец, но только одного, а не всех народов.

— Ох, хитрец, — сказал Сталин, улыбаясь, — и вот потому, что ты такой ушлый, я тебя, Лазарь, пожалуй, пошлю проводить на селе коллективизацию.

— Товарищ Сталин, — испугался Каганович, — за что такая великая честь?! Есть ведь более достойные люди. Калинин, он из народа, в конце концов Буденный, он и с лошадью хорошо знаком.

— Нет, Лазарь, ты пойдешь проводить коллективизацию, и я тебе объясню почему. А потому, Лазарь, что ты хоть и коммунист, а все же

еврей. Если коллективизация не удастся, то мы так прямо и скажем народу, что проводил ее еврей Каганович, который не любит русский народ за то, что он русский. И тогда народ сам решит, что с тобой делать. А если коллективизация все-таки получится, тогда все будут благодарить нас за то, что я дал крестьянам настоящее коллективное счастье, и я тебя тогда не забуду.

— Гениально, товарищ Сталин.

— А вообще-то скажу тебе честно, я крестьян не люблю, поэтому и хочу сделать их колхозниками. Не люблю я их. Помню, когда-то в Турханском крае, когда бежал я из ссылки, одна крестьянка... — Сталин закурил трубку, и глаза его сверкнули желтыми огоньками. — А впрочем, это не твоего еврейского ума дело. Не люблю я крестьян, поэтому и посылаю именно тебя, дорогой, на это нужное и ответственное дело. Думаю, ты не подведешь. А потом надо смотреть далеко вперед. Через много-много лет, когда нас с тобой не будет...

Сталин сделал паузу, во время которой Каганович подумал: «Тебя не будет, а я-то собираюсь жить долго». Но тут же запретил себе эти мысли, поскольку предполагал, что этот уса-тый дьявол мог и мысли читать.

— Так вот, — сказал Сталин, — через много-много лет, когда нас с тобой не будет. — Он внимательно посмотрел на Кагановича, и у того душа ушла в подметки сапожных сапог. — И тебя не будет, — уточнил Сталин, — и когда в нашей стране начнется черт-те что, вспомнят, что коллективизацию проводил еврей, и она вам, жидам, тогда откликнется. — Сталин ухмыльнулся, что у него означало высшую степень самодовольства. — Потому что я, ты, Лазарь, знаешь, евреев не люблю, хотя, и ты тоже это знаешь, я антисемитом никогда не был.

— Конечно, товарищ Сталин, вы известный интернационалист и всех любите одинаково.

— Ты прав, Лазарь, я всех одинаково не люблю, — сказал Сталин, — но особенно не люблю евреев, русских, армян, азербайджанцев. Татар не люблю. Ты знаешь, Лазарь, ты будешь смеяться, но я и грузин не люблю. Но евреев не люблю больше. Ты знаешь, как ни странно, Лазарь, чуть-чуть меньше не люблю адыгейцев, может, потому, что никогда в жизни их не видел, калмыков этих, мордву не видел, спокойно к ним отношусь. Но вот когда я вижу тебя...

— Я же не еврей, товарищ Сталин, — взмолился Каганович.

— Ну ладно, иди, — сказал Сталин, — дьявол с тобой, иди и делай, что хочешь, но чтоб коллективизация была. Иначе ты у меня снова евреем станешь. И будешь им до конца, который я тебе гарантирую в ближайшем будущем.

Ну, а дальше все известно. Каганович пошел и стал проводить коллективизацию. Он, конечно, в этом сельском хозяйстве понимал меньше, чем баран в рыбной ловле на блесну. Но зато он хорошо разбирался

в страхе, ужасе, жадности — в общем, в человеческой психологии.

Поэтому он вызвал секретарей обкомов и райкомов и сказал:

— Сталин поручил мне провести коллективизацию, и я ее проведу, а кто в колхоз не пойдет, того будем рассматривать как личного врага товарища Сталина.

И пошло, и поехало. Никто не хотел быть личным врагом вождя мирового пролетариата.

И вот сегодня, когда уже нет в живых Сталина, а совсем недавно и Каганович отправился к своему усатому дьяволу, никто не говорит, что Сталин проводил коллективизацию или что партия объединила всех в колхозы. Нет, находятся люди и немало их, которые говорят: «Во всем виноват Каганович. Он боролся один на один с русским народом».

И я думаю: какой же все-таки истинно дьявольской изобретательностью обладал Сталин! Ведь колхозы есть и по сей день. И на сколько лет вперед отравил он сознание миллионов людей. И в этом его главная заслуга перед дьяволом. За что ему гореть в адском пламени теперь уже вместе с Лазарем Моисеевичем, который, по его убеждениям, никогда не был евреем, а всегда был честным и бескомпромиссным коммунистом-интернационалистом.

Как выбирали Мухабат

Однажды Иосифу Виссарионовичу близкий ему по партийной работе человек сказал:

— Товарищ Сталин, есть предложение, чтобы вам и другим членам правительства на первом параде дети выносили цветы.

Сталин подумал: «С одной стороны, хорошо — красиво, с другой стороны — в цветы можно спрятать взрывное устройство».

Потом Сталин пыхнул трубкой и сказал:

— Думаю, что это политически незрелое решение.

Он даже не стал объяснять, в чем это решение незрелое и почему именно политически. Сказал и сказал.

А через год, когда близкий уже сидел в дальних лагерях, Сталин вдруг на заседании Политбюро заявил:

— Есть предложение, не знаю, как вы отнесетесь к нему... А что если на первом параде нам на трибуну Мавзолея дети вынесут цветы и конфеты?

Одним членам Политбюро это предложение нравилось, другим не очень, а Ворошилов спросил:

— А чье это предложение?

— Мос,— скромно ответил Сталин.

И все сразу согласились, что предложение замечательное, все стали говорить, какой И. В. гениальный, и почему они все вместе до этого не додумались.

— Я полагаю,— сказал Сталин,— что это будет политически верное решение.

— Да, да,— заговорили все,— именно политическое и именно решение.

Но Сталин на этом не успокоился. На одном из заседаний Политбюро был поставлен вопрос о том, что за дети и каким именно образом они будут выносить цветы. В основном Сталина волновало, кто ему будет эти цветы выносить. Сталин сказал:

— Это должна быть девочка, иначе кое-кто из врагов может этот факт истолковать неправильно.

Теперь надо было подумать, какой национальности будет девочка.

— Она,— сказал Сталин,— не должна быть грузинкой, потому что те же враги могут истолковать это как национализм.

Отказавшись от грузин, Сталин автоматически отказался от остальных кавказцев, чтобы грузинам не было обидно.

Сибирь тоже отпадала, поскольку напоминала Сталину о ссылке. Вообще русские отпадали, чтобы враги не обвинили Сталина в великодержавном шовинизме.

После этого уже невозможно было заикаться о белорусах и украинцах, чтобы не оскорблять русских.

Оставалась Средняя Азия. Казахи отпали сразу, поскольку Сталин вообще подумывал, а не стереть ли этих казахов с лица земли. Странные они какие-то. Из остальных среднеазиатских республик Сталин запомнил только Узбекистан. Таджикистан, Киргизия и Туркмения как-то выпали из сталинской памяти в тот момент. Значит, девочка должна быть узбечкой. Сталин предъявлял к этой девочке вполне определенные требования. Она, естественно, должна быть из простой крестьянской семьи дехканина. Должна быть отличницей, симпатичной на вид и рекордсменкой.

В лагерь под Ташкентом стали свозить со всего Узбекистана девочек двенадцати лет. Нужную долго найти не удавалось. Либо не отличница, либо в роду были баи, либо некрасивая, либо не узбечка.

Наконец нашли одну умницу, красавицу, отличницу, но не рекордистку.

Ее научили собирать хлопок. И через месяц она, по сводкам, собирала столько хлопка, сколько не могли бы собрать два передовых колхоза.

Ее звали Мухабат.

В НКВД стали поступать письма, в которых указывалось, что в роду Мухабат были баи и басмачи. Когда басмачей стало больше, чем население Узбекистана, доброжелателей нашли и расстреляли.

Заодно посадили и родителей Мухабат на всякий случай, чтобы они в будущем что-либо не выкинули. Но кто-то сообразил, что теперь Мухабат — дочь репрессированных. Родителей тут же выпустили и наградили.

Наконец девочку представили Сталину... Он долго смотрел на нее, потом взял за ухо. Подержал ухо в руке и спросил:

— А ты по-русски понимаешь?

— Да,— сказала Мухабат.

— Молодец,— сказал Сталин.

Он мучительно думал, о чем еще

можно спросить девочку, но придумать никак не мог.

«И зачем это все нужно,— подумал Сталин,— девочка, цветы, и так ведь все боготворят».

Но Сталин был железный человек и все свои действия подчинял служению революции, а именно укреплению своей личной власти. Сталин отлично понимал, что, потерпев в течение нескольких минут девочку возле себя, он тем самым вызовет новый прилив всенародной любви, и поэтому шел на жертвы. Сделав нечеловеческое усилие воли, он спросил:

— Скажи, как тебя зовут, Мухабат?

— Мухабат,— ответила Мухабат.

— Правильно,— сказал Сталин и задумался.

Он вдруг вспомнил, что у него есть дочка, такого же примерно возраста, и есть смысл, чтобы она вынесла ему цветы. И надежнее, и приятнее. Но враги могли обвинить его в семейственности, и Сталин отогнал от себя эту политически невыдержанную мысль.

Он еще немного подумал и спросил:

— Хочешь посидеть на коленях у товарища Сталина?

Девочка была непосредственной настолько, что даже не робела в присутствии вождя мирового пролетариата. Она уселась на колени к отцу народов и, так как привыкла крутить нос своему отцу, одной рукой обняла дедушку Сталина за шею, а другой стала накручивать довольно большую, рябой и маслянистой нос Иосифа Виссарионовича.

Сталину такая фамильярность юной хлопкоробки не очень понравилась, но неудобно было перед подчиненными сбрасывать девочку с колен.

«Экая гадина»,— подумал Сталин и улыбнулся девочке, обнажив желтые зубы.

Сталин глянул своим желтым в крапинку глазом в сторону секретаря, и тот, моментально учув смертельную опасность, сказал:

— Пойдем, девочка, Иосиф Виссарионович должен еще работать.

— Да, девочка, иди,— попрощался Сталин и, когда она ушла, отряхнул после нее свой мундир так, будто он запачкался, и пошел мыть руки и нос.

Теперь Сталин был занят еще одной проблемой. Суть ее была вот в чем: девочка поднесет цветы, Сталин возьмет ее на руки. Иначе ее никто не увидит на трибуне. И что же, он так и будет стоять и держать ее на руках? И сколько держать? Сразу не сбросишь, надо, чтобы как можно больше народу увидели ребенка в объятиях вождя.

Дано было задание, и целый научно-исследовательский институт, отложив разработку нового отечественного линкора, стал создавать специальное устройство — мухаботодержатель. Получилась жесткая конструкция, позволяющая девочке вроде бы сидеть на руках у Сталина, и в то же время вождь не прилагал к этому ни малейших усилий. При этом конструкция с Красной площади была практически не видна.

Устройство сделали досрочно, и всю бригаду разработчиков, наградив Сталинской премией, сослали в лагеря, чтобы не было утечки информации.

Два заседания Политбюро были посвящены вопросу — какие цветы выносить на трибуну Мавзолея. Сначала решили, что Сталину Мухабат вынесет розы, а остальным членам другие дети преподнесут тюльпаны.

Но к следующему заседанию Сталину стало известно, что у роз бывают шипы. И все второе заседание Сталин выяснял, кто же это додумался сделать такое предложение.

Оказалось, розы предложил Буденный, но он вовремя сориентировался и сказал, что имел в виду шипы на розах сбрить.

Встал было вопрос вырастить к празднику розы без шипов, но потом Сталин решил: — Пусть мне будут тюльпаны, а вам розы. — Он где-то слышал, что есть голландские тюльпаны, но случайно оговорился и сказал: — Пусть мне дарят монгольские тюльпаны.

И пришлось еще долгие годы возить тюльпаны из Голландии в Монголию, а уж потом из Монголии в Москву. Зато на этом деле два монгола получили по ордену Трудового Красного Знамени, а тридцать — расстреляли.

Но вот пришел, наконец, праздник, и все правительство выстроилось на трибуне, а дети понесли цветы вождям.

Мухабат, которая перед этим всю ночь репетировала, ловко взобралась на сиденье, обняла левой рукой вождя за шею и только хотела по привычке ухватиться правой за рябой нос, как большой друг детворы, улыбаясь, сказал сквозь зубы:

— Если схватишь за нос, расстреляю, а всех узбеков запишу евреями и сошлю в Биробиджан.

Девочка хоть и была маленькой, но сообразила, чем дело пахнет, отдернула руку и сидела молча.

Сталин улыбался, махал одной рукой народу, а другой обнимал хрупкое тельце Мухабат. Это продолжалось минут сорок, и где-то на тридцатой минуте Сталин вдруг ощутил, что обнимать девочку приятно. Под рукой было теплое, пусть детское, но тело.

Какие-то воспоминания закружились в голове у продолжателя дела Ленина, и он спросил Мухабат:

— Любишь дедушку Сталина?

— Очень, — сказала Мухабат.

— То-то же, — сказал Сталин.

После парада Сталин разрешил Мухабат посидеть у себя на коленях и угощал ее конфетами, специально для этого случая сделанными на фабрике «Рот-Фронт».

Девочка где-то даже была приятна Сталину. От нее пахло каким-то незнакомым Сталину запахом, скорее всего хлопком.

— Как тебя зовут, Мухабат? — пошутил Сталин.

— Мухабат, — сказала Мухабат.

Затем Сталин повел девочку за руку и показал ей лежащего Ленина.

Они постояли возле мумии. И Сталин вдруг спросил Мухабат:

— А ты знаешь, отчего умер дедушка Ленин?

— От болезни, — сказала Мухабат.

— Нет, — сказал Сталин, — он умер оттого, что недостаточно хорошо понимал марксизм-ленинизм.

Подумал и добавил:

— Он умер оттого, что не мог жить.

Расставаясь, Сталин подарил Мухабат целую коробку шоколадных конфет.

— Бери, — сказал Сталин, — у меня еще две коробки остались. Одну сам съем, другую подарю Максиму Горькому, чтобы ему слаще жилось.

Вот так Мухабат стала ежегодно выносить Сталину цветы.

И чем она становилась старше, тем приятнее и приятнее было Сталину держать ее у себя на руках.

А через несколько лет, когда девочка стала уже девушкой, один из помощников Сталина сказал:

— Иосиф Виссарионович, вам не тяжело ее на руках держать, ведь она уже скоро в институт будет поступать?

Сталин расстрелял помощника, однако приказал, чтобы Мухабат ему больше цветы не выносила.

И это было политически правильное решение.

Лауреат конкурса

Однажды Леонид Ильич решил стать лауреатом конкурса мастеров художественного слова. Это было еще тогда, когда он не был ни маршалом, ни лауреатом Ленинской премии, а был он тогда простым и скромным генсеком. Человек он, как утверждают очевидцы, был добрый и по-своему честный, а потому решил стать лауреатом по-честному. Он с детства любил стихи и даже сам иногда их пописывал. У него даже была одно время мысль стать поэтом и получить Ленинскую премию по поэзии.

Но куда-то запропастились его детские стихи. А читать те, которые он написал бы заново, у него не было ни малейшего желания.

— Стихи, — говорил Леонид Ильич, — и не только стихи, а вообще поэзия, более присущи юному возрасту, а я из него, как мне кажется, не так давно вышел.

Здесь все окружающие начинали смеяться, потому что Леонид Ильич шутил. Он вообще человек был с юмором и неплохо шутил.

Так однажды, когда уже перешли в мир иной Суслов, Косыгин и Подгорный, Леонид Ильич на заседании Политбюро сказал:

— Что-то дисциплина у нас в Политбюро стала хромать. Вот и сегодня как всегда опаздывают Суслов, Косыгин и Подгорный.

Референт тихо шепнул ему:

— Они умерли.

И тут Леонид Ильич пошутил:

— А-а-а, то-то я смотрю, они перестали ходить на заседания.

Вот такая шутка получилась. Но вернемся к поэзии.

Леонид Ильич искал свои детские стихи и, не найдя их, раздумал становиться поэтом. Но окружающие об этом не знали. И один из ближайших сподвижников продолжал раскопки. И нашел где-то на Днепропетровщине детские стихи Лени Брежнева и даже ухитрился прочесть их с трибуны очередного основополагающего съезда, однако к тому времени Леонид Ильич уже прочно решил стать прозаиком. Но это было значительно позже, а я пишу о том времени, когда Леонид Ильич всерьез задумался стать лауреатом конкурса мастеров художественного слова.

Надо, кстати, заметить, что в то золотое брежневское время он еще довольно прилично выговаривал многие слова. Конечно, он уже не мог произнести четко слово «Египет» и произносил его, как «Египа». Социалистические страны тоже звучали как плохие сосиски, а с Азербайджаном была просто беда. Но это слово — Азербайджан — не удавалось за всю историю КПСС ни одному из генсеков от первого и до последнего.

Но в основном то, что говорил Леонид Ильич, понять было можно. А так как он с детства любил поэзию и при этом выступал с многочасовыми докладами на всю страну, то можно понять и его стремление к лауреатству. Кроме того, Леонид Ильич вообще любил в узком кругу почитать вслух стихи Есенина. Он знал довольно много есенинских стихов и читал их все шесть долгими зимними вечерами.

Бывалоча собираются члены Политбюро после какого-нибудь пленума, выпьют немного, граммов по восемьсот, а затем Леонид Ильич, если у него хорошее настроение, откроет свой личный сейф и даст поддержать ближайшим сподвижникам свои любимые игрушки: звезды героя, ордена зарубежных государств, модели машинок, милицейский свисток, который ему подарил Щелоков, и шахтерскую каску, оставшуюся от Хрущева.

Ну, а уж потом, когда все наиграется и нахвалит игрушки Леонида Ильича, он их отбирал назад. Бывало даже, что игрушек становилось меньше, и в последнее время Леонид Ильич завел амбарную книгу и игрушки выдавал только под расписку.

Ну, а уж потом все садились удобнее и Леонид Ильич начинал читать стихи: «Ты жива еще, моя старушка? Жив и я. Привет тебе, привет!».

Причем Леонид Ильич сам себе был режиссером и при словах «привет тебе, привет» махал рукой так, будто он сходит с самолета и приветствует встречающих.

Или он читал стихотворение «Ты меня не любишь, не жалеешь, разве я немного не красив? Не смотря в лицо, от страсти млеешь, мне на плечи руки опустишь». При этом он слегка расставлял руки и подергивал плечами, будто собирался танцевать цыганочку, а ордена и медали начинали позвякивать, как цыганские монеты.

Иногда Леонид Ильич забывал слова, и тогда посылал референта в Ленинскую библиотеку, и тот привозил прижизненное издание Есенина, находил нужную страницу, а Леонид Ильич напяливал на нос очки и, посмотрев в книгу, будил соратников и продолжал читать стихотворение наизусть.

И так он читал первое, второе, третье, а на четвертом, дойдя до слов «Пей со мною, паршивая сука, пей со мной», всегда плакал. Он вообще любил собак, и что-то его в этих словах трогало до глубины его генсекской души. Он плакал, прерывал чтение, наливал бокал «Столичной» и произносил тост:

— Дорогие друзья, сегодня в обстановке мира и созидания социализма в одной отдельно взятой нами стране, я с особым чувством невозвратимой потери пью за нашу интеллигенцию, ярким представителем которой был поэт Сергей Есенин. Жаль, что его нет с нами. Если бы он был жив, мы бы его наградили званием Героя Соцтруда, и он бы сегодня на памятнике стоял с Золотой Звездой Героя. Лыхаем. — И выпивал.

Потом он дочитывал пятое и шестое стихотворения, и так как больше наизусть ничего не помнил, то брал в руки книгу и дальше читал по напечатанному до тех пор, пока не засыпал. А слушатели его спали уже давно.

И вот, когда Леонид Ильич решил стать лауреатом конкурса чтецов-декламаторов, особо остро встал вопрос, какие стихи он будет читать на этом конкурсе. Собрали поэтов самых лучших, самых маститых лауреатов, авторов многотомных собраний сочинений.

Они читали свои стихи, Леонид Ильич плакал, слушая их. Поэты думали, что это их стихи так растрогали вождя. Но он потом сказал жене:

— Страну жалко стало, народ. Сколько денег уходит на этих дармоедов.

И еще плакал он оттого, что видел, как далеко эти поэты от него, а значит, и от народа, потому что никогда в жизни Леонид Ильич не смог бы выучить эти стихи, а если и выучит, то произнести не сможет. Поэтому всех поэтов накормили, напоили и развезли по домам, а на следующий день в газетах напечатали отчет о встрече Леонида Ильича с творческой интеллигенцией, а тех, чьи стихи Леонид Ильич понял и чьи фамилии он запомнил, а некоторых Леонид Ильич запомнил чисто визуально: «Вон тот длинный, с носом или тот короткий, с усами», — тех через неделю наградили орденами «Знак Почета» и «За дружбу между народами».

А одного, который, напившись, ухитрился поцеловать руку Леониду Ильичу, ему дали даже звание Героя Соцтруда, но он оказался не поэтом, а работником охраны, поэтому ему пришлось потом учиться заочно в Литинституте, а затем идти на афганскую войну, чтобы звание отработать.

В общем, не подошли Леониду Ильичу современные стихи, и реше-

но было провести конкурс на лучшее чтение стихов Есенина. А для того чтобы у всех были равные условия, постановили читать именно те шесть стихотворений, которые знал наизусть Леонид Ильич. И Леонид Ильич начал усиленно готовиться к конкурсу. К нему пришел педагог-репетитор, и Леонид Ильич стал разучивать скороговорки. Леонид Ильич с удовольствием медленно произносил: «Шла Маша по шоссе и сосала сушку», потом: «От топота копыт пыль по полю летит». Но на фразе «Сшит колпак не по-колпаковски, надо его переколпаковать» что-то у Леонида Ильича в челюстях заклинило. И они с преподавателем сели выпивать.

После двухсот и хорошей закуски Леонид Ильич стал произносить скороговорки значительно лучше, а у преподавателя язык стал заплетаться.

После семисот Леонид Ильич и репетитор абсолютно сравнялись в произношении, и Леонид Ильич сказал:

— Вот в таком состоянии и надо проводить конкурс.

А тут как раз должно было состояться совещание в верхах, и надо же было, чтобы без ведома Леонида Ильича это совещание назначили именно на тот день, когда должен был состояться конкурс. Так все Министерство иностранных дел стояло на ушах, десять иностранных дипломатов получили звание Героев Соцтруда. Одной женщине-дипломатке дали орден «Мать-героиня». Отменили революцию в одной африканской стране, две страны третьего мира под давлением отказались от социалистического выбора и вернулись в капитализм, понижена была цена на советскую нефть, но перенесли совещание в верхах на более поздний срок.

И вот, допустим, завтра должен состояться конкурс, а сегодня на Политбюро Леонид Ильич решил устроить генеральную репетицию.

Он прямо на заседании Политбюро в разделе «разное» стал читать членам Политбюро стихи.

Декламация Леонида Ильича членам очень понравилась. Представитель Азербайджана сказал, что он такое наслаждение испытывал только в молодости, да и то от женщины.

Представитель Узбекистана сказал, что чтение так прекрасно, что надо поставить на эти стихи балет.

Всем остальным чтение тоже очень понравилось, а представитель Казахстана даже предложил, чтобы Леонид Ильич на каждом заседании ничего больше не говорил, а только читал стихи Есенина.

И только жена Леонида Ильича сказала ему вечером:

— Ты что, старый дурень, удумал. Ты представь себе совещание в верхах. Объявляют: Рейган — президент США, Маргарет Тэтчер — премьер-министр Англии и Леонид Брежнев — лауреат конкурса чтецов-декламаторов.

Леонид Ильич страшно обиделся и сказал:

— Если бы ты только слышала, как я сегодня великолепно читал и как меня принимала публика,

ты бы так не говорила.

Но, с другой стороны, обидевшись на жену, он не спал всю ночь, ворочался с бока на бок, а под утро, нацепив на грудь все ордена и медали, в одних кальсонах и кителе читал в ванной «Собаке Качалова». При этом клал своей овчарке руку на морду, а собака скулила и пыталась лизнуть Леонида Ильича в лицо.

— Ты одна меня понимаешь, — сказал Леонид Ильич собаке и нацепил ей на ошейник медаль за взятие Будапешта.

Днем в Большом театре состоялось торжественное открытие конкурса чтецов. В зале сидели лучшие чтецы страны и гости из-за рубежа. На сцене, в президиуме сидело Политбюро в полном составе, на заднике висели портреты Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Ленина и Есенина.

Леонид Ильич прочел трехчасовой доклад «О перспективах развития речевого жанра в условиях построения развитого социализма». Потом всех участников конкурса пригласили на банкет. Поели, попили. А потом начался концерт. В начале концерта выходили чтецы и хвалили доклад Леонида Ильича, поражались его дикции, умению построить фразу, его литературному таланту, его способностям оратора. Некоторые плакали и благодарили партию, правительство и лично Леонида Ильича за то, что он живет на этом свете, а не на том.

А затем вышел сам Леонид Ильич и стал читать стихи Есенина. После каждого стихотворения зал вставал и устраивал овацию. Кричали «бис» и «браво», слышны были здравицы и крики «ура». На четвертом стихотворении, дойдя до слов «Пей со мною, паршивая сука», Леонид Ильич не выдержал и заплакал и под бурные, долго несмолкающие аплодисменты уехал домой.

Медаль лауреата и грамоту ему привезли на квартиру и торжественно надели на него ленту, где золотом было вышито: «Лауреат первой премии конкурса чтецов Леонид Ильич Брежнев».

Официально это звание не было обнародовано, и в печати об этом конкурсе не было ни слова. Написали опять, что была встреча с очередной интеллигенцией.

Но это к слову. Шло время. Леонид Ильич быстро отошел от конкурса и успокоился, решив стать членом Союза писателей: вступил он в этот Союз по рекомендации министра государственной безопасности и сделал блестящую писательскую карьеру. За один присест написал три эпохальные вещи и получил Ленинскую премию.

В этом смысле он обогнал всех генеральных секретарей, кроме К. У. Черненко, который тоже получил Ленинскую премию, но в области ракетостроения. Он был, видно, большим специалистом в этой области, как, впрочем, и в других областях страны. Правда, в отличие от Черненко Леонид Ильич был еще и маршалом. Но думается, поживи Черненко подольше, он бы догнал Леонида Ильича и в военном деле.

Ваша Фонотека

Апрелевское предприятие "Роспосылторг" предлагает
следующие грампластинки:
по свободным ценам:

Малое предприятие
"РУССКИЙ ДИСК"
- ВИКТОР ЦОЙ.
"Последний герой".
- ВИКТОР ЦОЙ.
"Группа крови".
- ВИКТОР ЦОЙ.
(Черный диск)
- МИХАИЛ ЗВЕЗДИНСКИЙ.
"Поручик Голицын".
"Сгорая плачут свечи".
"Я благодарен женщине".
- "ПАРАД ТАЛАНТОВ".
Сборник: А.Пугачева,
А.Кальянов, А.Никольский,
В.Цыганова и др.
- Группа "А-СТУДИО".
"Джулия"

Студия "ГАЛЛА"
- группа "КОМБИНАЦИЯ".
"Московская Прописка".
- группа "КАР-МЕН".
"Вокруг Света".
- МИХАИЛ ЗАДОРНОВ.
"Точка отсчета"

Фирма "МЕЛОДИЯ"

НА КОНЦЕРТАХ В.ВЫСОЦКОГО с 1 по 18 выпуск.

А также вы сможете заказать грампластинки с записями А.Барыкина, И.Саруханова, В.Добрынина, Ф.Киркова, групп "Мономах", "Мистер Твистер", "Дети", "Зодчие", "Галактика" и др.
Грампластинки высылаются наложенным платежом.
Письма-заказы направляйте по адресу:
143360, г. Апрелевка, Московской обл., ул. Ленина, дом 4.
Апрелевское предприятие "Роспосылторг"
О новинках - в номерах 2,4,6,8,10 журнала "Юность" 1992г.
Следите за нашей рекламой!

© "Юность" Рекламное бюро Тел.: 251-14-21

Школа менеджеров "Комильфо" - одно из старейших в стране учебных заведений.
Каждый слушатель проходит обучение по четырем направлениям:

- новые формы внешнеэкономической деятельности, совместные и акционерные общества;
- товароведение экспорта и импорта;
- бухгалтерский учет;
- право.

Для желающих организуется дополнительное обучение иностранным языкам и работе на компьютере.
Срок обучения - 1 месяц. Стоимость всего курса - 900 руб. (для частных лиц) и 1800 руб. (для организаций).
Каждый понедельник начинается занятия новая группа. Занятия проходят в вечернее время по будним дням и в дневное время - по выходным дням.

Для зачисления необходимо перечислить стоимость курса на р/с МП "Комильфо" № 345384 в "Кредобанке", Москва, корр. счет 161007 в РКЦ ГУ ЦБ РСФСР, МФО 201791 и прийти по адресу: 107005, Москва, ул. Радио, 6/4, МП "Комильфо" (метро "Курская").

Часть выпускников направляется для стажировки в бизнес-центры США и Израиля.

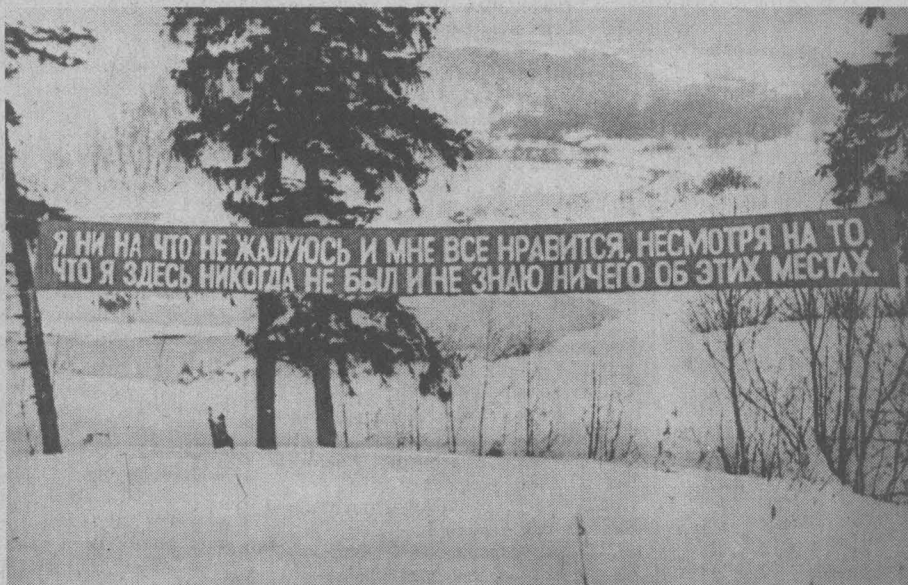
Приезжайте к нам все! Проблем с гостиницей не будет.

После завершения учебного курса выдается свидетельство об окончании школы менеджеров.

Справки по телефонам: (095) 261-38-16, 261-46-20.

КОМНАТА

Журнал в журнале. № 9

«ОБРАЩЕНИЕ»

Я, Панов Николай Юрьевич, 1973 г. р., внук Панова Н. Н., зам. политрука, погибшего при защите Родины под Сталинградом, в знак протеста против действий, применяемых против меня, заявляю: я отказываюсь служить в Советской Армии.

Меня лишили всего святого, права жить на Родине моих предков, моих родителей... Я обращался к т. Горбачеву М. С. Ответ в духе коммунистов. Мой отец обращался в Прокуратуру СССР и РСФСР...

Я в Родной стране стал ненужным, обузой, бомжем. Спасибо руководителям города, что вывесили мраморную доску в вестибюле горисполкома в память о моем деде Панове Н. Н., и спасибо партии и государству за мое «счастливое детство».

Я знаю, что все законы и репрессивные органы будут направлены против меня и будет сделано все, чтобы покарать непослушного.

Ну что ж, я готов к этому».

Началась моя жизнь с того, что родился я в Норильске, в поселке Кайсеркан, куда мой отец уехал в 60-е годы из владимирского городка Кольчугино. Конечно, я теперь понимаю, что гораздо спокойнее жить там, где тебе в паспорт поставили заветный штамп о прописке, но в 1988-м, когда мне было пятнадцать лет, я наивно решил, что могу жить, где хочется, если, конечно, есть для этого возможность. А хотел я зажить

Жизнь как жизнь

в Кольчугине у своей бабушки Татьяны Николаевны Шарыгиной. Я выдержал конкурс в СПТУ № 5, и бабушка подала заявление, чтобы меня прописали в ее квартиру. Моей прописки она так и не дождалась — умерла в декабре 1988-го. Я же числился временным жильцом, пока в январе 1990 года Кольчугинский районный суд не присудил выселить меня из бабушкиной квартиры «без предоставления другого жилого помещения» по иску завода «Электрокабель», где бабушка когда-то работала (завод строил этот дом). Все объяснения — фактически мы с бабушкой жили одной семьей — суд отменил. Замечу, справедливости ради, что в июле 1991 года заместитель Председателя Верховного суда РСФСР Н. Ю. Сергеева опротестовала решение суда, посчитала нужным направить дело на новое рассмотрение. Но в Кольчугинском суде (а уже октябрь) с ним все тянут. А я все живу в злополучной квартире № 1, в доме 3 по площади Ленина.

Да, я бомж, живу без прописки, ибо из Норильска давно выписался. Каких только историй не случалось со мною за три последних года...

Ну читали ли вы когда-нибудь подобный документ:

«В Верховный суд РСФСР от жителей дома № 3 по площади Ленина, г. Кольчугино Владимирской области

Ходатайство

Просим Вас при рассмотрении

дела Панова Николая Юрьевича...
учесть наше мнение и пожелание:

Мы, жители этого дома и его соседи, знаем, что он жил здесь с бабушкой и живет до сих пор в этой квартире. Просим Вас прописать его в этой квартире и в дальнейшем продать ее ему.

Жители дома № 3 (33 подписи)»?

А если я расскажу, как однажды явились меня выселять, — можете не поверить. Человек тридцать учеников и преподавателей СПТУ разлеглись на полу, чтобы помешать милиции, да еще за подкреплением послали. Чуть-чуть, и нечто вроде молодежного бунта в городе началось бы. Но ушла милиция. В общем, квартиру мы с отцом отстояли (он, понятно, мне всячески помогает).

Вы, может, подумаете: вот, мол, веселая жизнь у парня? Не знаю. Прописка — она, наверное, с научных высот кажется анахронизмом, рудиментом тоталитарного века, но вот только есть иногда хочется. А у нас в Кольчугине все, кроме хлеба и молока, по талонам. И одежда, и обувь — карандаша без талона не купишь. Естественно, без штампа о прописке талонов никто тебе не выдаст.

Да и СПТУ я в мае 1991 года закончил, надо идти работать. Газоэлектросварщики (это моя специальность) везде требуются. Но наврывается, например, меня Кольчугинское бюро занятости населения с «Рекомендательным письмом» на работу в райпо, а там — кладут резолюцию: «нет прописки, не принимаем». И не один раз так...

До смешного доходит, до обидного — выделяли мне в училище, за хорошую учебу, путевки во Львов, в Югославию, так нет: и туда нельзя без прописки! Может, оно и к лучшему, конечно, вместо Югославии съездил в ССО, под Астрахань, денег на шмотки заработал...

Ну, а при чем здесь армия? Я в принципе готов служить, но куда мне из армии возвращаться?! Ни прописки ведь, ни работы. Отец ходил в военкомат, хотел по-человечески объясниться, но там сказали: «Мы его посадим».

И я написал то обращение, с которого здесь начал, — в Комитет конституционного надзора при Верховном Совете РСФСР.

Да, вот еще. Приезжал на каникулы мой брат Александр, семнадцати лет. Не стану уверять, что с голодухи, но залез он в чей-то гараж и украл там: тушенки, огурцов и варенья. Завели уголовное дело. Но это так, к слову — о том, как мы живем.

Если вдруг напечатаете — не знаю, что со мной будет к тому времени. Но, может быть, кому-то это все интересно...

Николай ПАНОВ, 18 лет
г. Кольчугино

«20-я КОМНАТА»: прописку, говорят, у нас с 1 января отменяют. Но в ней ли дело? Было бы желание загнать человека в пятый угол — закон подходящий найдется. Вот только — за что?

Игорь МАРТЫНОВ

Ода Балабановской фабрике спичек

Трудно выразить мне
в незатейливом маленьком спичке,
На словах невозможно сказать,
как мне нравится тот,
Кто работает на Балабановской
фабрике спичек,
Кто стоит у конвейера
ночи и дни напролет.
Я подумал о нем, выйдя
в тамбур ночной электрички,
Поднося к сигаретке
веселый и дерзкий огонь:
Как люблю я тебя,
человек, созидающий спички,
Молодой укротитель пожаров,
надежный такой!
Где же муза твоя,
геройня работ картонажных?
Та, которая клетку
для спички твоей мастерит?
Ибо похоть ее усмирившая
вспыхнет однажды,
Все на свете сожжет
и сама вдохновенно сгорит!
Кто же вас разлучил,
две педали одной коловерты?
Кто хранит целомудрие ваше
до судебного дня?!Акты вашей любви суть великие
праздники смерти
Древесины — и суть ритуалы
рождения огня.
А когда я слежу в коробке
не прикрытую серой
Импотенцию спичечных
отпрысков метабревна,
Поздравляю себя и страну
с Балабановской эрой,
Эрой светлых голов, хоть от них
не поджечь ни хрена...
Говорят — вот опять
расцвели голубые кануны.
Может, так, и над полом
несется людская молва:
Нас ведет за собою вперед
балабановец юный.
Пусть вовек о черкаш
не сотрется его голова!

Князю Вяземскому

Окончен бал — и наплевать,
долгой из Пензы!
Залеплен снегом, не видать,
гербовый вензель.
И чей ты подданный теперь?
Какой державы?
Вот только лошади на Тверь
подорожали.
Давай прочтем с тобой, дружок,
из Вальтера Скотта:
как хорошо поет рожок,
идет охота.
А что за дичь в твоём доме?
Кого там травят?
И почему — уж если горе, так уму,
а дурню слава?!Опомнись, что ты, Бог с тобой!
На полустанке
хозяйка добрая бурдой
наполнит склянки.
И впредь Пегаса запряжем —
эй, трогай, мерин!
И под хмельком хоть на Парнас,
хоть в желтый дом,
а хоть до Твери!

Исповедь

ВСЕ, ЧТО ТЕБЕ НУЖНО

«...Как будто это так просто —
выйти к людям! Какое-то непонятное
отторжение: не нужна ты нам.
Не наша, чужая. Ищи своих. Господи,
да где же они, свои?»

Они видят во мне прежде всего
женщину. «Ты такая красивая, даже
страшно... И отходят, пораженные
моей молчаливостью и дикостью.
Подойшли как к женщине,
а увидели человека? Странную
дикую девочку, на которую лучше
смотреть издали? А время идет, один
день сменяется другим, ничем не
отличным от предыдущего. Двадцать
один год уже за спиной: счастливое
(действительно счастливое, безмятежное)
детство плюс долгие годы
одиночества. С пятнадцатью лет
одна, без друзей, с книгами и мыслями,
иногда очень страшными. Любимые
— мама и папа и старший брат,
который все понимает, единственный
в мире, свой, родной. Господи,
спасибо, что он есть! И — ожидание,
и — страстное желание встречи
с любимым человеком, для которого
жить все-таки надо.

All you need is love?

Когда нет человека рядом, приходится
говорить с ночью, луной или
сияющими звездами. И любить их,
когда некого больше любить. Сыграю
на флейте Ave Maria в черноту
ночи. Вздвигну от стука соседей
в батарею. И тихо заплачу.

Забывшись в музыку, поэзии, в
таких родных голосах мальчиков со
звонким именем «Beatles». ...Неужели
так будет всегда? Люди, не молчите,
только не молчите...

Татьяна А., г. Владимир

Пишу в поддержку рубрики «Письмо
счастливого человека». Сетования
на малое количество корреспонденции
от счастливых людей — от того,
что вообще трудно найти
нужный тон в письменной речи.

Среди моих исканий — две отчаянные
истины: все бывает
и все не зря. Видеть во всем пользу —
это ли не счастье?! Ошибки толкают
к исканию другого пути. Удачи
приносят радость. Тех, кто прочтет
мое письмо без неприятия, я попрошу:
присмотритесь, и вы увидите,
что очень часто все идет так,
как должно было бы быть в
лучшем случае.

Возьмите самую лучшую, самую
чистую, самую светлую свою цель

и прикладывайте к ней все. Отбрасывайте то, что недостойно ее. Бережно отодвиньте в сторону то, что мешает пройти к ней наилучшим образом, что попросту ненужно (не-целе-сообразно). Безусловно, нужно терпение. А оно проистекает из доверия. Прошу вас: доверяйте своей мечте, и вы увидите, как станет ровнее путь и меньше камней будет раздирать вам обувь.

Дима, 18 лет, Москва

Знакомый Надежды Агаруновой утверждает, что счастливые не пишут стихов. Мол, если счастлив, то обязательно будь с блаженной улыбкой, и никаких гвоздей! Счастлив — не пиши стихи!

Да мало ли есть выражений счастья? Иной просто плачет...

У меня обычная жизнь, но я счастлив. У меня пока нет «самой-самой», и, когда будет рядом любимая, в сосуд моего счастья просто плеснет лишней порцией жителюшной подпитки.

Мы созданы гармонично — разве не счастье знать это? У каждого из нас есть душа, которая неповторимо красива, — это ли не счастье? И наверняка, самое большое счастье — знать, что ты кому-то нужен, и не за красиво рассыпанные фразы.

Наверное, из таких писем, как мое, соберется огромная картина. И пусть кто-то пишет о любви, кто-то — о том, что видит вокруг, кто-то — о том, о чем думает, кто-то — о России. Этот чудесный набор и именуется счастьем. Итак, я сказал свое. Кто добавит?

Леонид ШОХИН, Душанбе

«Пишут ли счастливые люди вообще?» — прозвучал в вашей рубрике вопрос. Я думаю, когда человек счастлив, у него исчезает потребность писать. Скорей всего, счастливый человек напишет красивую мелодию, а если нет, то просто споет. Я счастлива, что... жизнь моя складывалась не очень удачно; в результате испытаний и боли родилась моя первая истина (естественно, не я первооткрыватель ее). ...И я поняла: счастье — это чувствовать и жить. И на протяжении всей жизни я все больше убеждаюсь, что счастье — во внутреннем состоянии человека, во внутренней гармонии, независимо от внешних условий. Несогласные с этим продолжают искать счастье и, не найдя его, разочаровываются, становятся несчастными, заболевают, мучают окружающих, не удовлетворяющих их запросам и не отвечающих их представлениям о счастье. И это тоже естественно: почему кто-то должен принимать на веру чужую истину?

А что помогло мне обрести устойчивость в этом состоянии радости и принятия, — это уже другой разговор, и я не хочу утомлять читателей очередной тривиальной истиной.

В. ИСАЕВА, С.-Петербург

Звездный билет

ЕЖЕДНЕВНЫЙ КРЕСТ

К нему приезжали и приезжают — сначала на улицу Неждановой, а теперь вот на Красносельскую — молодые люди со всех концов Москвы. Записывают на кассеты его проповеди. Приходят и пожилые люди, приводят детей (пятилетняя Ксения, увидев мой блокнот, спросила: «Ты сюда свои грехи записываешь?..»). Захотелось узнать, что притягивает людей именно сюда, именно к отцу Артемию?..

Беседовали в маленькой келье отца Артемия (Владимирова), только-только освобожденной, как и весь храм, от хранившихся здесь ранее бумаг и предметов, не имевших к церкви ни малейшего отношения: храм восстанавливается, и во всем великолепии его можно пока увидеть лишь на дореволюционных фотографиях...

— Рассказать о себе? Коренной москвич. Закончил английскую школу в центре Москвы, поступил в Московский университет на английское отделение филологического факультета. Учился в университете, где-то на втором курсе, начал искать Истину, и в результате моих поисков я осознал себя христианином. И жизнь свою связал с матерью-Церковью, став прихожанином одного замечательного московского храма — храма пророка Илии. Закончив университет, стал преподавать в одном из лучших учебных заведений того времени (83-й год) — в математическом интернате имени Колмогорова. Преподавал там русский язык и литературу, и с того времени, хотя я всего год там учительствовал, у меня осталось много младших друзей; некоторых я крестил, а теперь и венчал... Второй год

моего учительства был в бывшей гимназии, и затем, отработав «молодым специалистом», я был неожиданно негаданно для себя приглашен преподавать русский язык, а затем стилистику русского языка, церковное красноречие и старославянский язык и церковно-славянский язык в Московскую духовную семинарию в Сергиевом Посаде, в Загорске.

— Вы попали в семинарию будучи светским человеком...

— Хотя и христианином в душе; и через два года своих трудов скромных стал дьяконом — это первая священническая ступень. А через пять месяцев, в ночь на Рождество, был рукоположен в священники. Сейчас идет третий год моего священства.

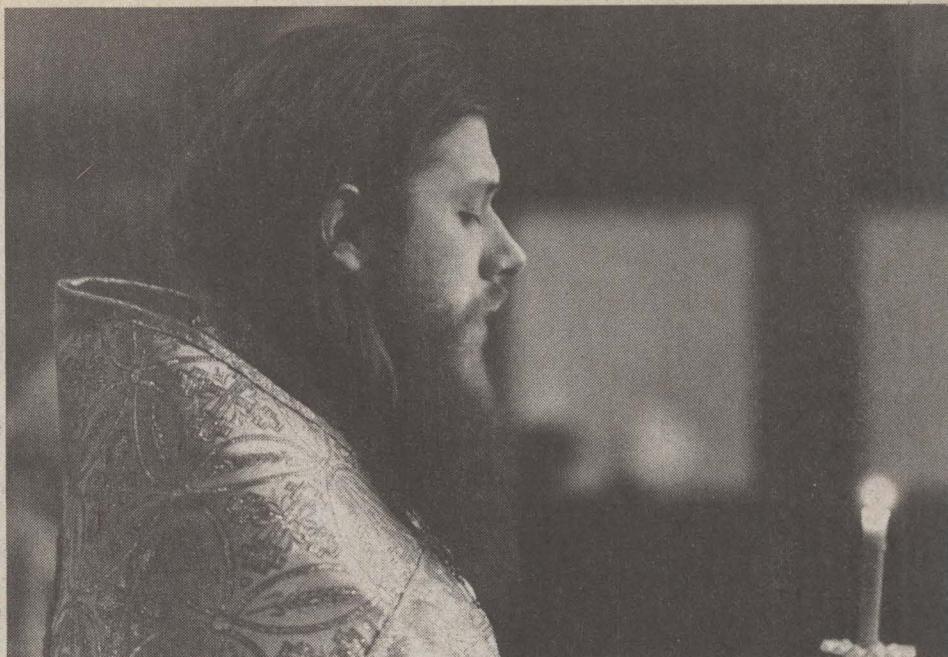
— Вы стали «академическим» священником?..

— И став им, я не мог мириться с тем, что лишь изредка мне приходилось служить в академическом храме, и «внештатно» по собственному побуждению я стал служить (счастливи сложилась обстоятельство) в чудесном храме московском — Воскресения Славущего на улице Неждановой.

— Именно при этом храме открылась первая воскресная школа?

— Да, и мой учительский опыт пришлось как нельзя кстати, и сейчас я преподаю в московской православной классической гимназии, которая завершила первый год своего существования.

Но вот, по благословению святейшего патриарха Алексия II, назначен ныне настоятелем в новоосвященный храм Всех Святых бывшего Алексиевского монастыря, который сюда,

в Красное Село, переехал в первой трети XIX века как раз с того места, где находится бассейн. «Москва», а еще недавно стоял храм Христа Спасителя...

(Нам рассказали предание, по которому игуменья Алексиевского монастыря, переселяясь, сказала, что храм, построенный на этом месте, будет разрушен: храм Христа Спасителя был уничтожен.)

— Вы продолжаете академическую деятельность?

— К большой для меня радости, моя деятельность сейчас распадается на два русла: академические, педагогические труды и пастырство, священство, являющее себя в душевном попечении. И совсем недавно прибавилось еще немалое дело: приходится мне возглавлять движение православной московской молодежи. Это не политическое движение, а церковное, оно не имеет ничего общего с партийными или «фракционными» собраниями. Это органически присущая Церкви общность молодых людей, которые видят свою основную задачу в помощи священникам, в возрождении духовности.

— Кто помогает возрождать ваш храм Всех Святых?

— Православное братство митрополита Филарета Московского, того чудного деятеля России, Церкви, который, как мы знаем, обменивался с Пушкиным стихотворениями: «... и внемлет арфе Филарета, в священном ужасе поэт...»

Братство митрополита Филарета ставит своей целью здесь, в Красном Селе, не просто отреставрировать один храм, а воссоздать по возможности некую духовную, здоровую, чистую «экологическую зону». Мы сейчас не столько боремся, сколько молимся о возвращении нам двух монастырских корпусов, где мы желали бы разместить библиотеку для семейной духовной литературы, маленькую богадельню, бесплатную столовую, воскресную школу, некий лекторий для взрослых. Детской больницы на улице Русакова возвращено название Свято-Владимирской больницы, и братство будет трудиться над восстановлением храма Святой Троицы, который сохранился в парке при больнице.

— В церковь на Неждановой многие ходили слушать именно вас (да простят нас другие священнослужители этого храма). Почему к одному священнику ходит много людей, а к другому нет?

— Есть такая древняя русская поговорка: «Каков поп, таков и приход», таков и его народ. А есть еще такая поговорка: «Каков народ, таков и царь». Что я этим хочу сказать: к священникам приложимо слово Священного Писания: «Горе мне, — говорит апостол Павел, — если я не благовествую». Потому что основное оружие священника — глагол, которым должно жечь сердца людей. Не сжигать, а возрождать, от всякой пыли и копоти очищать. И в этом священнику помогает сам Бог. Поэтому если священник радует о проповеди, трудится (хотя, конечно, есть такое понятие, как талант, особая

предрасположенность к проповедованию, любовь к Слову), если его слово искренно и правдиво, если оно исходит из сердца, которое само стремится исполнять то, о чем говорят уста, то, конечно же, люди, согреваясь словом и чувствуя, что происходит их духовный рост, стремятся именно в тот храм, где они имеют редкую по нынешним временам возможность получить подлинное духовное назидание, подлинную духовную пищу. И если есть голова, а вместе с тем и критическое чувство, а вместе с тем и сердце, отзывчивое голоду истины, ТО И СВЕРШАЕТСЯ ТАЙНА СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ.

— А, может быть, молодого человека привлекает то, что, скажем, и сам батюшка молод, имеет чувство юмора и общителен? С точки зрения светского человека лучшего не пожелаешь, а вот с точки зрения верующего? Нет ли здесь желания или иллюзии более легкого пути?

— Путь узок и тернист, устлан он и розами, и шипами, «путь Божий есть ежедневный крест». Крест мужества, крест терпения, крест покаяния, крест борьбы с тем внутренним злом, которое искушает каждого из нас, независимо от того, желаешь ты идти за Христом или нет. «Приблизьтесь ко мне, и я приближусь к вам», — говорит Бог. Но приближаться вы должны, прилагая собственные усилия. Священник не несет вас на руках. Он идет впереди вас и живым образом души своей призван ободрять вас и поднимать вас, если вы упали. И, конечно, в этом смысле далеко не мало важно, кого именно вы избрали своим духовным наставником, кто будет вашим батюшкой, к чьим советам преимущественно вы будете прислушиваться, хотя вашу собственную голову вам никто не заменит. И, естественно, всякий христианин, осознав в какой-то момент необходимость для себя духовного руководства, будет искать и молиться, молиться и искать того пастыря, который действительно может ему помочь. И «на вкус и цвет господина нет». Есть даже какая-то тайна: у каждого священника своя паства, это относится и к званию, и к состоянию, и к возрасту... А я, например, легче всего себя чувствую с детьми, прекрасно чувствую себя со студентами, но не могу сказать, что беседовать с пожилыми людьми для меня в тягость, — действительно, замечая за собой некую природную общительность. Для священника очень важно уметь общаться с людьми душевно и сердечно. Но, конечно, каждый, приходя к отцу Артемию, или отцу Петру, да блюдет себя, то есть подмечает, чего он хочет: здесь ведь можно незаметно для себя совершить подмену. Ни отец Артемий, ни отец Петр, ни отец Владимир, будь он архиепископ, не сможет спасти вас без вас. И вообще, спасти человека может только Бог.

Беседовала Вероника МАРЧЕНКО
Р. S. Номер счета братства митрополита Филарета: № 700752 МФО 201218 в Сокольническом филиале МИБа.

К Евгению

нужно схватить от автовокзала на Балашиху, пересекая канал Восточного водопровода — малоизвестное творение фараона, — и от Опытного поля, пешком или в царском егерском обозе (мечта Евгения), — налево. Аллея углубится в двухсотлетнюю заповедную Алексеевскую рощу, рощу имени царя Алексея Михайловича, и за кафтанной, с черным двуликим Янусом, спиной егеря (так хочет Евгений) — как раз и откроется дача не то Булганина, не то Ежова, будто бы направлявшего отсюда стройкою канала...

Память места — это сила. Булганин Булганиным, а охотничий дворец царя Алексея, разобраный при Екатерине на церковь по просьбе соседних пехотских крестьян, — был здесь же, «на территории». Теперь территория отвоевана музеем Лосино-Острова для... Евгения.

Евгению двадцать восемь, он здешний — уроженец Опытного поля (а вовсе не Балашихи, как я кощунственно предположил), в армии отбыл, теперь — вечерник Гуманитарного университета по профилю «археолог-музеевед». Впрочем, профиль он приобрел намного раньше, чем студенческий билет. Опытное поле Евгения — культурные слои Лосино-Острова. Его занятие — находить в них дворцы, курганы и просто разные предметы. Главному открытию нашего Шлимана (наст. фам. Маралов) уже двенадцать лет. Это когда самому было пятнадцать и когда обитатели Опытного брали в Алексеевской роще, на поляне, дерн для ого-

Дмитрий КРЮКОВ

ЧЕРНЫЙ БЛЮЗ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ

Ви-ктор-цой. Новодельная мантра нашего времени. Попробуй назвать его Виктором Робертовичем — звучать будет так же кюхельбекерно и тошно, как Владимир Ленин без отчества. Спроси у приятеля, кто он, — получишь в ответ: «Он Бог. От него свечение исходит».

По всей Руси великой, будто ставни поутру, пооткрывались клубы поклонников его творчества. Его имя светится на каждой третьей стене, его памятью оккупируются сотни арок и полуподвалов. Однако нехорошая улыбка долго не сходит с лица, когда вдруг узнаешь, что там-то и тогда-то группа фанатов В. Цоя проникла вечером в детсад и устроила там шабаш действительно по-черному, переломав мебель и попортив продукты. «Мы мстили за Витю». Не иначе как Витя был зверски замучен боевиками именно из этого сада. Сам Цой к подобным деяниям, понятно, прямого отношения не имеет, однако об оргиях памяти Башлачева мне слышать не приходилось...

Но это все так себе, волчки ягодки, если принять во внимание чисто трансцендентальную сторону вопроса.

... Лариса Джегутанова живет в Запорожье. На контакт с Виктором выходит по пятницам с 18.00 — так велел он сам. Общение началось вскоре после гибели певца. О коллизиях и перипетиях этого таинственного взаимодействия нижегородская газета «Ленинская смена» поведала недавно в трех номерах. Материал, что называется, в духе времени, хочешь верь, хочешь нет; как сказал бы тот же Б. Г., «ты можешь спорить со своею женой, а у меня есть свой собственный Цой». И все бы хорошо, но в статье приведены четыре из надиктованных стихотворений. А стихи прозрачно намекают на тот факт, что Цой у Джегутановой ну уж слишком «собственный»:

Око за око, зуб за зуб —
Чьи-то слова душу мне рвут,
Чей-то рассказ меня в омут ведет,
Огонь раздувает и сердце мне жжет.
Буду я помнить о сотнях ребят,
Что с войны не вернулись
И в земле мирно спят.
Где-то, быть может, идет война,
Где-то землю сжигают дотла.
Где-то матери стонут в бреду,
Где-то их дети «играют» в войну.

Лариса в интервью пояснила, что пыталась спорить с духом Виктора, видя, «что с рифмой что-то не то». Но он меня почти всегда обрывает:

«Молчи и пиши». Интересно, а не услышали ли вы, знакомясь с приведенным текстом, фразы: «молчи и читай!»?..

Со слов Л. Джегутановой, астральный двойник Виктора был участником космической войны на стороне светлых сил, в этой войне погиб, а земной В. Цой (когого мы и почитали за настоящего) при этом обязан умереть параллельно.

Автор этих строк имеет смелость предполагать, что если воспользоваться такой терминологией, то Виктор Цой именно светлыми силами и был убран, т.к. начал дискредитировать идею внутрисоциального протеста в роке, а главное, нивелировал сам язык роктекста, этот тусовочно-элитарный жаргон, до уровня лексики «братков с микрорайона», благодаря чему мы получили невиданное зрелище: ребят в штанах от Ади Дасслера, позлащенных печатках и с магнитофонами, из коих доносился такой знакомый голос. «Какой это рок? — лыбились гопники. — Это ж Витюха!» Но все это в порядке частного мнения, не более.

Наиболее оригинальная версия изложена в письме, пришедшем в редакцию той же «Ленинской смены» после публикации джегутановской эпопеи. Читайте и думайте, сравнивайте и запоминайте:

«Сделка с дьяволом» *

Хотел написать раньше, но тут этот дурацкий перевод. Кстати, могу заверить вас и всех экстрасенсов-жуликов: мы к этому путчу не причастны. Мы — это так называемые Силы Тьмы.

Я — Избранник. Один из них. Бывший. Я занимал довольно высокую ступень в иерархической лестнице.

Однажды в одном южном городке я был завербован человеком по имени Ардело. Он представился дьяволом. Завербован как бы в шутку. Но через шесть лет он меня нашел, хотя я и не давал ему своего адреса.

Я был Координатор и работал в Тройке. В Тройку входят Координатор, Компенсатор и Исполнитель. Эти названия сами говорят за себя. Когда Координатор считает нужным пустить под откос поезд, Компенсатор старается, чтобы выжило как можно больше людей. Исполнитель берет на себя техническую часть дела.

Теперь о Цое

Когда погиб мой Компенсатор Акза, спасая мне жизнь, я был в шоке. Мне было так плохо, что хотелось умереть вместе с ним. А через несколько дней, когда кремировали Акзу, я увидел в толпе избранников знакомое лицо. «Как Цой», — подумал я.

Тут ко мне подошел Заро. Избранник, Мой Исполнитель и лучший друг в том мире. «Пойдем, я познакомлю тебя с новым Компенсатором», — сказал он. Он подвел меня

*Даем в сокращении.

Звездный билет

родов, а с ним и разные красивые керамические обломки, или, «культурно», — «подъемный материал». Потом и кладку нашли. Тут Евгений — жалко ему стало, что увлакивают полихромь, — возьми и сообщи, куда следует. А те — Данилова, Векслер и другие — московская археология — нашли (1989) следующее: печи изразцовые, из них две восстановимы целиком; неизвестную — зеленую и желтую, в шахматном порядке — черепицу; шахматные же плиты половые, фундамент белого камня — шесть комнат; да изразцы наружного декора (Степан Полубес — первый мастер был у Тишайшего, так и тут не обошлось без него, как видно). Все это — в раскопках на дворе у Булганина и сразу за оградой, как идти к древнему дренажному валу царева двора.

«Подъемный материал» теперь в гостинной на столах. Музеефицированная кошка тщательно ступает между расставленных с умыслом особей красоты предметов. Евгений, придерживая за морду музейного дога, рассказывает о выездах царских охот — не тех, прошлых, а будущих: музею надо заработать, значит, будем играть... Евгений ныне — хранитель фондов музея Лосино-Острова. Живет он здесь же, у Булганина, то есть при фондах, душа и гарант раскопок, их добрый гений. Скромная Лосиноостровская Троя Евгения, его сидение при ней — это, как сам он признается — предел его карьерных желаний. Он остается здесь. Так ему охота. Царская охота.

Рустам РАХМАТУЛЛИН

к Цою. Он еще «не врубился» в наши проблемы и ситуацию, как сам говорил, но, понимая момент, был серьезен и печален. Это мне понравилось. Это было на наших островах Шерл, где у нас была столица параллельного государства (параллельных миров, кстати, великое множество).

— Акриаро, 147, — представился я и протянул руку.

— Виктор, — произнес он.

У каждого из нас на левой стороне груди наколоты клочки и номер. Этого Виктор не понимал. И наотрез отказался иметь свой номер. Но мы за глаза звали его «первым». «Витя строит перестройку», — шутили мы.

Работа в Тройке была очень напряженная. Я до сих пор не понимаю, когда он успевал сочинять свои песни. Дома концерты, запись, здесь — война... Мы приезжали в параллельный мир на один или несколько дней, а то и часов. Работали в других государствах, а чаще на другом континенте. Песни Цоя оказывали магическое действие на всех Избранников. Когда он пел песни из своего первого альбома, все подпевали ему: «а-а, у-у-у».

Светлые, темные, серые... Это арлык. Светлые силы так же коварны, как и темные. Это зависит от обстоятельств. Набрался светлые силы и пошел войной. Против всех и вся без разбора, нарушая вселенское равновесие и гармонию миров. А это чрезвычайно опасно. Их нужно было остановить. И началась эта проклятая война. Только поэтому Виктор и появился среди нас. У него был мощный энергетический потенциал.

Погиб Виктор хорошо. В параллельном мире ночью нас атаковал свет. Шел дождь. Виктор любил дождь. И все мы любили. На нашу дачу, где мы находились, напали. Мы отстреливались, как могли, и переговаривались по рации. «Светлые» глушили, как могли. Вдруг в разговор включился Виктор. Он подъезжал к дому на машине и услышал в темноте стрельбу.

— Что случилось, Заро? — послышалось в рации.

— «Свет» нас душит. Окружили. Дорога блокирована. Дальше тебе нельзя...

— Что будем делать?

— Уезжай...

— Я приеду, я сейчас приеду.

И больше ни слова

Мы с Заро кричали в рации, что этот бой не его, что он не прорвется. Но... верь мне, я знаю — нам надо быть вместе, верь мне, и я буду с тобой в этой драке... Таков Цой.

И он прорвался... Чудом прорвался на своей машине. Мы набились в нее, и он вывез нас. Тоже чудом. Задавив несколько человек. Но впереди оставался еще один. Пуля пробила лобовое стекло... Виктор ткнулся в него, как будто заснул.

Утром Ардело переиграл время. Не знаю, как это происходило, но это делалось невероятно редко и только в стратегических целях. Он не хотел сначала, но наше упрямое

молчание пятерых оборванных и испачканных с ног до головы кровью и грязью, наши слезы на усталых лицах были тяжелым упреком Ардело.

... Когда Заро появился там, на берегу, Цой удивился и обрадовался. Даже что-то пошутил. Но, увидев выражение лица Заро, замолчал.

— Я из будущего, — сказал Заро.

Воцарилось молчание. Я хорошо представляю себе эту сцену по рассказу Заро.

— Ты закончил свой альбом?

— В целом. — Виктор закурил сигарету. Он уже все понял, ибо дураком никогда не был. — Я погиб?

— Да...

— Сколько у меня времени?

— Минут двадцать.

— Расскажи, как я погиб.

Заро рассказал.

— Давай еще покурим...

Они снова закурили.

— Я ни о чем не жалею... Прощай...

Виктор собрался, сел в машину и уехал. Он знал, что до дома ему не доехать, что жить осталось считанные минуты, и, может быть, немножко боялся той боли, которую предстояло испытать. Боли расставания с жизнью. Жизнь он все же любил. Но простился с ней, как никто другой. Просто собрался и поехал.

Вот как все это было...

Акриаро, 147,
с уважением к вам..»

Письмо это в комментариях не нуждается. Скорее оно само является неплохим комментарием к теме, которую я пытался затронуть. Будь это подлинное свидетельство отсюда или изящно написанное эссе — разница уже несущественна. Явление, порожденное феноменом Цоя, достигло таких масштабов, что уже не опосредуется через первопричину. А там и причине недолго забыться.

Я, как вы догадываетесь, не о дьяволе. Все больше о детских садиках...

ТАК БУДЕТ НЕ С КАЖДЫМ

Премия «Двадцатой К.» за прошедший г. присуждена Владимиру С. за поэму «Большая Р.» в нашем июньском №. Сумма деревянных р. и символический «Золотой К.» ждут талантливого п. в бухгалтерии нашей р. Примите и пр. Ваша р.

Григорий ПОМЕРАНЦ

ПЕРЕЖИТЬ ВЕЧНОСТЬ

Диалог с читателями

«Чувства вечности»

Моя статья в «Юности» вызвала несколько откликов.

Д. Поляшенко рассказывает о своих попытках пережить вечность, начавшихся с двенадцати лет. Эти опыты (временами пугавшие, заставлявшие отшатываться) дали в конце концов способность воспринимать слова «вечность», «бесконечность» как что-то живое и близкое. «Мир всегда был для меня распахнут и един. Когда я читал древнекитайскую философию, учение дао, я словно читал принципы моей жизни. Я понял: есть некий путь к чему-то вполне определенному, что разные философские школы называют посвоему. Внутри человека должно быть молчание, ибо вечность невыразима. Если человек искренен, то в нужный момент слова и эмоции придут сами».

Это очень близко мне. Хотелось бы только пожелать Поляшенко не повторить ошибку, которая задержала мое развитие лет на двадцать: не удовлетвориться интеллектуальным слепком со своего одиножды (или несколько раз) пережитого чувства, искать живого чувства целостности и осмысленности жизни каждый день. Если не в полную силу, то хотя бы отблеска такого чувства. Когда верующие ежедневно молятся, у них это иногда выходит. То же дает глубокая любовь, дает созерцание иконной красоты в природе, в искусстве, в людях...

Мне кажется, что А. Сакулин (Выборг) не понял этой задачи. Он пишет, что язык Библии временами «устарел». Но ведь это знал и ап. Павел: «буква мертва, только дух животворит». И все же есть в Библии поразительно емкие формулы: «Бог — это огонь поедающий» — и т. п. Я всматриваюсь в образ, воз-

никающий вокруг подобных слов, и чувствую, как «огнь» сжигает душевный мусор, накопившийся за день. К таким волшебным образом можно отнести и образ мира, отстоявшийся в сознании Сакулина: мы созданы высшим, бесконечно совершенным существом, чтобы еще и еще раз приходить к совершенству. Всякие такие слова — только интеллектуальные иконы, образы непостижимого и не выраженного до конца никаким словом. Иной раз сердце откликается на Владимирскую, другой — на Спаса, на «Возвращение блудного сына» Рембрандта и т. п. Так и на интеллектуальные иконы, на словесные иконы. Это не формулы физики или химии, это образы, метафоры, и их может быть много. Если не искать свежей метафоры, дошедшей до сердца в этот именно миг, — вопрос о вечности гаснет в человеке! Сакулин очень хорошо описывает, как человек привыкает жить без всякого общего смысла: «ломка эта тихая, незаметная. Проявляется только через многие годы, когда круг интересов сужается, в лучшем случае до потребительства». Спасает ли от этого одна мысль (не переживаемая, не рождаемая заново)?

Здесь хороша уже сама тревога, беспокойство. А между тем Светлана Сдвижкова хочет от тревоги избавиться: «не может уложиться в сознание человека мысль, что он ноль... Отсюда стремление людей хотя бы мысленно сделать свою жизнь вечной». Хотя бы мысленно. Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман (пытаюсь я по-пушкински пересказать ее идею). И потому хорошо, что массовые религии обещают добрым награду, а злым кару. Я же этого не обещаю, и это плохо. «Представим себе, что все люди и народы имеют то же мировоззрение, что и Померанц. Здесь сильный, издеваясь над слабым, живет за его счет, а слабый нашел свою «точку покоя» и терпит. И мерзавец, зная, что здесь, на земле, люди забудут его предательство, измену, будет предавать вновь, когда это выгодно».

Светлана ошибается, думая, что «точка покоя» означает отказ от борьбы со злом. Я кое-что старался делать (и мне за это иногда доставалось), но злиться и бороться со злом — совершенно не одно и то же. Большевики боролись со злом, раздувая в себе и в массах ненависть. Что из этого получилось?

Есть восточная притча о гидре, у которой взамен каждой отрубленной головы вырастают две новые. Мудрец предложил заморить ее голодом (не питать собственной злобой). Для такой борьбы нужна внутренняя точка покоя, внутреннее чувство фальши, когда средства борьбы начинают предавать цель. Ганди, например, несколько раз прекращал кампанию неповиновения, когда страсти толпы выходили из-под контроля... Вот что я имел в виду, а совсем не бегство от борьбы.

В 30-е годы ненависть была обязательной наукой. И на войне, и в лагерях достаточно было злости в ответ на злость. Но я убедился, что

злость — чувство не только разрушительное, а саморазрушительное. Начиная злиться, я разрушал самого себя, я терял что-то самое тонкое в себе, какой-то слой, в котором коренится счастье. Терял способность откликаться на музыку Моцарта и картины Моне, на закатный свет и цветущую яблоню... Впрочем, дело не только в этом. Есть что-то в воздухе времени, что заставляет напряженно думать о выходе из порочного круга зла. Привычки ненависти и жажды мести сложились очень давно, еще у наших дочеловеческих предков. Они живут в каждом. Но сейчас мы либо сумеем до конца очеловечиться, либо погибнем. Посмотрите, что делается на Кавказе: с одной стороны боевики, с другой — боевики... Пока что в ход идут автоматы, гранатометы... А если ракеты с ядерными боеголовками?

Освобождение сердца от ненависти — очень старая идея. Сперва она обжигала. Но потом установилось мнение, что кое-что в учении Будды или Христа — только для избранных, для святых. А сейчас все должны сделать некоторый шаг... Ну, разумеется, все сразу не сделают, но начните вы! Авось кто-нибудь пойдет следом... Я вовсе не утверждаю, что моя тропинка годится каждому. Один идет по путям, проложенным вековым религиозным опытом, другой ищет внутреннего стержня, внутреннего смысла в одиноком созерцании. Третий (или чаще третья) — в непосредственном чувстве любви, но такой полной, такой всецелой, что она приобретает религиозный смысл: «Казалось, на неясные и тревожные вопросы жизни нашелся один широчайший ответ. Было упительное ощущение путника, неутомимо и с благодарностью идущего по вечной дороге. За спиной — все человечество, мои предки, пережившие то же самое, а впереди бесконечность, не пугающая больше...»

Л. А., автор письма: «Всю свою сознательную жизнь боролась за свою точку опоры, ловила тот самый миг вечности», о котором я писал. Но живое чувство вечности пришло к ней только с рождением сына, который заболел неизлечимой болезнью и умер...

«Хочу спросить Вас, — пишет она, — как Вам мыслится точка вечности в женском сознании, в том числе, когда потеряно главное в жизни женщины? Я снова ищу опору в себе. Понимаю, что весь смысл жизни видеть в ребенке — неразумно, это тяжело для самого ребенка и опасно для матери. С самого начала я старалась этого избегать, но, как ни мудрствуй, женщиной движет сама природа... Мое личное ощущение теперь — что предстоит прожить вечность без сына, снова и снова тянуться обнять его хотя бы во сне и встречать пустоту. Неспроста столько веков танталовым мукам. Красота зимнего дня меня пронзает до слез, потому что сын ее не видит вместе со мной и никогда больше не увидит...»

Я написал Л. А. (мне почему-то не хочется называть ее полного имени:

слишком она раскрылась в своем письме), рассказал, как терял когда-то самое близкое мне существо и пробивался из пустоты, из мира, потерявшего смысл, к новому чувству смысла.

В следующем письме (в ответ на мое) Л. А. пишет:

«Мне повезло на милых, сердечных людей, все они получили свой вид кары в жизни и почти все просветляются и на глазах перерастают себя прежних! Это удивительно, как из страдания вырастает чудо тепла и силы! Мне кажется, я уловила смысл любви Христовой, но это очень больно, еще расти и расти...»

Этими словами мне хотелось бы кончить: расти и расти...

АКЦИЯ

ИЩУЩИМ ТОЧКУ ОПОРЫ

*Выписка из протокола
экстренного заседания
редколлегии «20-й комнаты»:*

Слушали: О безобразном оскудении окружающей жизненной среды.

Постановление редколлегии «20-й комнаты»:

Редколлегия с прискорбием констатирует: за последние три месяца в «20-й комнате» обнаружен лишь 1 (один) посетитель, желающий перевернуть мир. Или хотя бы потрясти. Становится скучно.

«20-я КОМНАТА» ПРИСТУПАЕТ к разысканию даров Божьих, зарытых в землю на сократившихся, но все еще необъятных просторах Отечества.

«20-я КОМНАТА» ОБЪЯВЛЯЕТ открытый конкурс «Точка опоры».

«20-я КОМНАТА» ПРИГЛАШАЕТ к участию в нем любого молодого (до 30 лет включительно) автора оригинальной идеи, проекта или акции, способных преобразить окружающую его (и собственно его) жизнь.

«20-я КОМНАТА» ПРОСИТ конкурсантов прислать в редакцию: 1) краткое (до 5 машинописных страниц) описание своей идеи и возможных путей ее осуществления; 2) еще более краткие автобиографические сведения и фотообраз своей бесценной личности, поместив на конверте «20-я комната. Точка опоры».

«20-я КОМНАТА» НАМЕРЕНА ПООЩРИТЬ конкурсантов:

- публикацией лучших проектов;
- всей мыслимой помощью в их реализации;
- наделением победителей званием представителей «20-й комнаты» в своих регионах (со спецзаданием);
- десятью наилучшими предложениями караются специальными премиями «20-й комнаты» (сумму не обозначаем ввиду непредсказуемости обесценивания рубля).

Срок поступления материалов конкурса — до 1 июля 1992 года.

Вы читали в "Юности" бестселлер
Энтони Берджеса

Револьвер АПЕЛЬСИН

Сегодня вы можете приобрести его.
ИТФ ЦЭНДИСИ СССР выпустило в свет эту
книгу, вызвавшую небывалый интерес наших
читателей.
Книга с иллюстрациями. Стоимость - 16 рублей
(с учетом пересылки).

ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАКАЗА НУЖНО:
- перечислить 16 рублей по адресу: 107140, Москва,
корреспондентский счет 161272 в МГУ Госбанка
СССР, р/счет 700374 в Прогрессбанке, МФО 201791.
ИТФ ЦЭНДИСИ СССР.

- заявку, квитанцию почтового перевода, запол-
ненный бланк бандероли направляйте по адресу:
103031, Москва, а/я 24 ИТФ ЦЭНДИСИ СССР.
Мы вышлем вам книгу сразу же после получе-
ния вашего письма.

Телефон для справок: (095) 285-17-29.

В НОМЕРЕ:

Проза

Геннадий ГОЛОВИН. Нас кто-то преда-
ет... *Повесть* (8)

Эльдар РЯЗАНОВ. Предсказание. *По-
весть* (44)

Поэзия

Ирина ПЕРУНОВА (6), Григорий
МАРК (7), Александр КАРВОВСКИЙ
(59), Генрих САПГИР (66), Михаил
НАУМЕНКО (71)

Публицистика

ЛИЦЕЙ. Владимир МИКУШЕВИЧ. Ад
идеала (2). Сергей БУРИН. Бросить ре-
волюционное шарлатанство (3). Влади-
мир ГЕРШУНИ. Сверлибр (5). Алек-
сандр ОВЧАРЕНКО. Хранители секрет-
ных тел (60)

Константин БОРОВОЙ. Биржа — пло-
щадка для игры? (65)

Галина АРБАТСКАЯ. Утомительный
Панин (78)

20-я комната. Журнал в журнале № 9
(89)

Культура и искусство

Юрий ЗЕРЧАНИНОВ. Прогулки с при-
шельцем (68)

Илья СМЕРНОВ. Майк (70)

Константин МИХАЙЛОВ. Двойник
(77).

Критика

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ. Кто
был всем, тот не станет ничем (64)

Кирилл КОВАЛЬДЖИ. Грань с гра-
нью — не враги (82)

Почта «Юности»

Лекарство для армии (74)

Спорт

Парад победителей (76)

Зеленый портфель

Лион ИЗМАЙЛОВ. Рассказы о вождях
(84)

При перепечатке наших материалов ссыл-
ка на журнал «Юность» обязательна.

К СВЕДЕНИЮ УВАЖАЕМЫХ АВТОРОВ:
редакция не рецензирует рукописи, а только
сообщает о своем решении. Рукописи редак-
ция не возвращает.

Во всех случаях полиграфического брака в эк-
земплярах журнала обращаться в издательство
«Пресса» по адресу: 125865, Москва, А-137,
ГСП, ул. «Правды», 24.

Художественный редактор Юрий Петелин
Технический редактор Ольга Трененок
Оформление рекламы
Вадима и Владислава Игонных

Сдано в набор 01.11.91. Подп. к печ. 03.12.91.
Формат 84×60%. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,68.
Усл. кр.-отг. 19,53. Уч.-изд. л. 17,53.
Тираж 750 000 экз. Заказ № 1091.
Цена 1 р. 75 к.

Адрес редакции: 101524, Москва, К-6, ГСП,
ул. Горького, д. 32/1.
Телефон для справок — 251-31-22
Отдел рекламы — 251-14-21

Типография издательства «Пресса».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24

© Журнал «Юность», 1992 г.

На стенах «Юности»

Петр БРАГОВСКИЙ
Творческая группа «Ковчег», г. Москва

«Разрушенная церковь». 1989 г.

«Дожди в деревне». 1991 г.

При современной многоликости художественных течений особенно остро встает проблема творческой индивидуальности. Познакомившись с живописью Петра Браговского, недавнего выпускника Суриковки, можно говорить о неповторимости его манеры письма и тонко подмеченной российской тоски, нашей провинциальной повседневности.

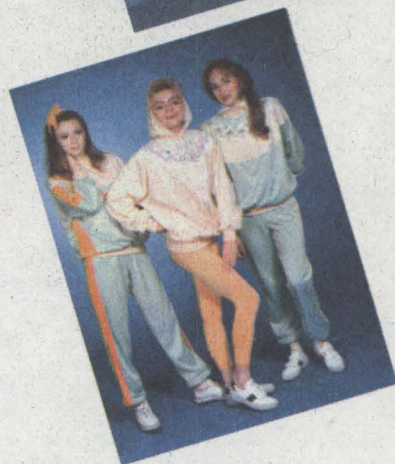
Пожелаем молодому художнику успеха и сохранения собственного стиля.

М. КРЕЧЕТОВА

«Вечер». 1989 г.

В ПУСТЫНЕ ДЕФИЦИТА.

Курское акционерное общество «СЕЙМ» — крупнейший производитель пряжи и трикотажных изделий — приглашает к сотрудничеству отечественные и зарубежные фирмы

- 19 млн. трикотажных изделий,
- 20 видов полушерстяной и объемной пряжи,
- 4 фабрики, 16 филиалов, 3 фирменных магазина, училище-лицей.

Наш адрес: 305018, Курск, Энергетиков-2
Телефоны: (07100) 7-04-71, 7-12-11
Телекс: 137202. Телефакс: (07100) 44040

